

ДЛЬНАРА

История принцессы

АРОМАТ ВОСТОЧНОЙ НЕГИ

Удивительная история принцессы Эльнары внучки богатого персидского вельможи. Эльнара вынуждена бежать из родного дома, ведь мачеха хочет выдать ее за богатого глухого старика. В своих странствиях она встречается с разными людьми. Многие из них пытаются воспользоваться красотой и сообразительностью Эльнары в корыстных целях. Очень часто она попадает в опасные ситуации и оказывается на краю гибели, но выходит из них победительницей, сохраняя свою чистоту. После многочисленных приключений Эльнара попадает во дворец своего деда, который влюбляется в собственную внучку и всяческими уловками пытается овладеть ею. Он подсылает к юной девушке сводницу, и та обучает ее всем премудростям и тайнам изысканной восточной любви. Однако коварные планы старика терпят крах и Эльнаре удается бежать. О ее скитаниях на чужбине читайте в следующей книге «Путешествие за море».

- [Кора Бек](#)

- [История Пехлибея](#)
 - [Незабываемая ночь любви](#)
 - [Возвращение на родину](#)
 - [Детство Эльнары](#)
 - [В Школе красоты](#)
 - [Уроки Софи](#)
 - [Коварство Айша-Биби](#)
 - [Побег из дома](#)
 - [Сказочный Перистан](#)
 - [Дорога в столицу](#)
 - [Новый поворот судьбы](#)
 - [Все тайное становится явным](#)
 - [Испытания продолжаются](#)
 - [Искушение Эльнары](#)
 - [Прекрасная пленница](#)
 - [Любовная наука Шакиры](#)
 - [Эльнара и Султан](#)
 -
-

Кора Бек

Эльнара. История принцессы

История Пехлибея

Давным-давно, в самом сердце просторных степей знойной Азии, на берегу могучей и полноводной реки Янури, находилось великое Хоршикское ханство. Окруженные различными кочевыми племенами, хоршики вели оседлый образ жизни и были очень трудолюбивым, талантливым народом. Завоевав в ходе многолетних ожесточенных битв признание и уважение со стороны суровых кочевников, они построили посреди бескрайних степей Азии прекрасные города, изысканная архитектура которых настолько впечатляла, что порой путники, не знакомые со здешними местами, издали принимали их за миражи.

Столицей Хоршикского ханства являлся поистине сказочный — богатый и многолюдный Перистан, расположенный в устье реки Янури, по берегам которой цветущими оазисами раскинулись другие, большие и малые города великого ханства. Каждый из них был по-своему примечателен: один славился бойкой торговлей, другой слыл средоточием культуры, в третий стекались посланцы со всего Востока, дабы заказать оружие, по красоте и мощи которому во всей Поднебесной не было равных.

Город Архот, где проживал лекарь Пехлибей со своей дочерью Эльнарой, был известен искусством кожевенных дел мастеров. Одна часть мужского населения Архота занималась выделкой кожи, вторая половина — изготовлением из нее всевозможных изделий, которые затем передавались в женские руки для украшения их причудливыми орнаментами, меховой окантовкой, а порой и драгоценными камнями. С самого раннего утра и до позднего вечера, не поднимая головы, трудились тысячи ремесленников, мастерство которых высоко ценилось не только жителями обширного ханства, но и представителями многочисленных сопредельных кочевых племен. Стойкий запах свежесделанной кожи присутствовал едва ли не в каждом дворе, сопровождая жизнь уроженцев Архота от рождения и до последних дней. В этих однообразных буднях незаметно протекали дни и годы, одни поколения архотцев сменяли другие, подобно тому, как меняются времена года. И все так же летом немилосердно палило высокое солнце, выжигая степные равнины, осенью дул промозглый ветер и шел проливной дождь, из-за чего не только люди, но даже лошади с трудом передвигались по пропитанной влагой земле. А в зимнюю стужу от невыносимого мороза пряталось все живое. И только вьющийся над печными трубами дым говорил: в заснеженном Архоте жизнь не угасла, а ждет весны. Когда растекутся вешние воды, прилетят из теплых краев птицы, а на деревьях появится нежная листва. Когда воздух наполнится пьянящим ароматом свежести и буйного цветения, будоража душу мечтаниями и непонятым томлением.

В одну из таких весен потомственный лекарь Пехлибей, будучи молодым и порывистым юношей, отправился вместе с племенем самсетов в глубь Востока, манившего своей загадочной и волнующей недосказанностью. Не один год провел Пехлибей в дальних странствиях, дошел до берегов Индийского океана и везде, благодаря своему честному нраву и способностям целителя, находил приют и доброе к себе отношение. Немало интересного узнал любознательный и впечатлительный юноша об обычаях и культуре народов Востока, немало полезному научился в искусстве врачевания у тибетских и индийских целителей. Не раз способному и пригожему молодому мужчине предлагали остаться жить в той или иной стране, сватали за него своих дочерей и сестер, но Пехлибей, постигая мир, все шел и шел вперед.

Оказавшись у берегов Индийского океана, он поначалу поразился его красоте и величию. Но потом неожиданно для самого себя ощутил вдруг сильную тоску по родине. По реке Янури, с которой были связаны самые счастливые воспоминания его детства, по родному городу, все дома и общественные здания в котором были построены из гладкого белого кирпича, по жителям Архота — бесхитростным и неутомимым труженикам Великой Степи. Пехлибей понял, что настало время возвращаться домой — продолжать дело своих предков.

Обратный путь его пролегал через утопающую в неге и роскоши страну — Персию.

Хозяин караван-сарая, в котором он однажды остановился на ночлег, узнав, что его постоялец является лекарем, предложил ему попытать счастья и осмотреть дочь одного знатного вельможи, не так давно захворавшую непонятным недугом. За излечение любящий отец обещал заплатить баснословную сумму. Правда, неуспех в этом деле карался сурово — отсечением головы. После того, как несколько местных целителей поплатились жизнью за свою излишнюю самонадеянность, никто из окрестных врачей по доброй воле уже не переступал порога дома жестокого богача. Безутешный отец удвоил сумму награды, но и эта мера не вдохновила служителей медицины. Тогда по стране были отправлены гонцы на поиски опытных лекарей, а несчастная девушка с каждым днем таяла словно свеча.

Не ради денег или славы, а из человеческого сострадания и чувства долга отправился на следующее утро Пехлибей в дом грозного вельможи. Осмотрев больную, исхудавшую настолько, что ее бледное личико составляли, казалось, лишь огромные черные, исполненные боли глаза, юноша тотчас направился в ближайшие горы. До самого заката он неутомимо искал нужные травы. Уже стражники, сопровождавшие его и имевшие поначалу суровый и даже устрашающий вид, едва не валились с ног от усталости, а Пехлибей все переходил с одного горного склона на другой. Наконец, собрав все необходимые растения, в сопровождении воинов он вернулся во дворец визиря Сатара.

В эту ночь, выпив приготовленный чужеземным лекарем целебный отвар, единственная дочь персидского вельможи красавица Фариды впервые за последнее время заснула спокойным сном.

В течение следующей недели Пехлибей ежедневно навещал девушку. Но осматривал он ее в присутствии многочисленной женской челяди. Готовил настойку из трав и терпеливо объяснял служанкам, как правильно делать обтирания, какие точки нужно массировать на ступнях ног, которых посторонний мужчина, будь он трижды целитель, ни в коем случае не смел касаться.

Вскоре Фариды выздоровела, вернув славу одной из красивейших девушек Персии, чем безмерно обрадовала отца, у которого относительно дочери были большие планы.

Но тут занедужил Пехлибей, пораженный в самое сердце красотой, нежностью и добрым нравом персидской красавицы. Несколько раз после ее выздоровления он исхитрялся находить повод, чтобы навестить свою бывшую пациентку, и с каждой новой встречей огонь страсти все больше разгорался в его сердце, причиняя невыносимые душевные муки. Сатар сдержал свое слово, щедро наградив искусного целителя, но все золото мира не могло бы облегчить боль несчастного влюбленного.

Позабыв о возвращении домой, он днем и ночью непрестанно думал о красавице Фариде, вспоминал ее мелодичный голос, грациозную легкую походку, нежное белое личико, обрамленное густыми черными волосами, загадочный взгляд огромных черных глаз, маленький точеный носик, пухлые вишневые губы, милый румянец на щеках. Снедаемый

любовной тоской, ночами Пехлибей писал пространные грустные стихи, а утром, едва дождавшись, пока проснется хозяин караван-сарая Саид, с которым они успели хорошо подружиться, заставлял его слушать свои творения, большей частью не слишком удачные.

Однажды Саид, услышав в сотый раз слова про безответную любовь, вдруг встрепенулся:

— Послушай, Пехлибей, а ты уверен, что твоя любовь безответная и что юная дочь Сатара не питает к тебе никаких чувств?

— Конечно, — удивился друг. — Разве может Фарида, такая красавица, умница, да еще дочь знатного человека, полюбить бедного целителя, да еще из чужой страны?

— А ты ее саму об этом спрашивал? — задал коварный вопрос хитрый перс.

— Что ты?! — испуганно замахал руками несчастный влюбленный. — Мы же ни разу не оставались с ней наедине, все время нас окружали ее тетушки и служанки. Что ж я мог ей сказать, даже если бы надеялся на взаимность... Ах, друг, не бери мою израненную душу, лучше послушай, что я этой ночью сочинил.

— Хватит сочинять, толку-то от твоих словесных излияний! — неожиданно возмутился Саид. — Нужно найти возможность переговорить с девушкой, узнать, нравишься ли ты ей, и уж тогда будет ясно, что делать дальше.

Как и большинство горожан, Саид недолюбливал жестокого и алчного Сатара, а потому был бы несказанно рад хорошенько ему насолить.

Спустя несколько дней приятелям стало известно, что Сатар вместе с падишахом выезжает на большую охоту, а значит, несколько дней будет отсутствовать в городе. Грех было не воспользоваться таким случаем.

В ту же ночь, подкупив одного из стражников, Саид помог другу пробраться на женскую половину спящего безмятежным сном роскошного дворца.

Но Фарида не спала. Вот уже не одну ночь она мучилась бессонницей, вспоминая статного смуглого лекаря с мужественным лицом и красивой стройной фигурой. Его глубокий грустный взгляд, красноречивее всяких слов говоривший о любви, кружил ей голову, волновал юную кровь. Ей так хотелось прижаться к его широкой груди, почувствовать крепкие и ласковые объятия, узнать сладость поцелуя крупных, четко очерченных губ. Всякий раз при встрече с Пехлибеем, чтобы не выдать своего волнения, Фарида опускала глаза, а теперь казнила себя за то, что не успела полностью впитать в себя дорогой ее сердцу облик. Не попыталась отчетливо, до мельчайших подробностей, запомнить его на всю жизнь. А теперь красивый чужеземец наверняка находится по дороге к своему дому, и, уж верно, позабыл о ней, дочери грозного персидского вельможи, которой завидуют все, кому не лень, даже не подозревая о том, как она на самом деле несчастна.

Фарида знала, что после возвращения отца в их дом должны приехать сваты от самого падишаха, пожелавшего взять юную красавицу в жены своему старшему сыну — толстому, глупому и очень чванливому Хусейну, предпочитавшему всяким государственным делам бесконечные пирушки, развлечения и охоту. Ее отец был чрезвычайно горд высочайшей милостью, которая оставляла ему надежду сохранить свое положение при дворе в случае смерти уже немолодого падишаха. Однако у пылкой романтической девушки наследный принц вызывал лишь отвращение. Она пыталась убедить отца не выдавать ее замуж за человека, который сделает его дочь глубоко несчастной, но Сатар запретил и думать об этом. Во дворце шли приготовления к встрече сватов.

В эту лунную летнюю ночь Фарида сидела у раскрытого окна опочивальни и грустно

глядела на роскошный сад, в котором росли невиданной красоты цветы, высокие стройные деревья и тихо шумел фонтан, выложенный греческим мрамором. Но ничто не радовало девушку. Вдруг ее чуткий слух уловил какой-то шорох, а спустя еще несколько секунд, к своему изумлению, она увидела в свете луны Пехлибея, непонятно каким образом очутившегося под ее окном. Взглянув в его лицо, юная персиянка увидела такую мольбу и отчаяние, что решила на безумный для восточной девушки шаг.

Она прошла к своей постели и, связав две простыни, вышла на балкон. Потом, привязав один конец к гранитным перилам, другой бросила красивому чужеземцу, захватившему в плен ее неискушенное сердечко. Пехлибей, не сразу распознавший намерения возлюбленной, впал в уныние, когда девушка удалилась в глубь комнаты. Но потому его радости не было границ, когда он понял, что Фариде ждет его.

Через минуту подданный хоршикского хана предстал перед прекрасными очами первой красавицы Персии. Донельзя взволнованные встречи, влюбленные признались друг другу в чувствах, но потом еще больше расстроились. После пылко признания девушка сообщила, что отец в ближайшем времени намеревается насильно выдать ее замуж за сына падишаха. В ответ Пехлибей, которому любовь придала небывалую решительность, предложил Фариде бежать с ним на его родину. Дочь персидского визиря, немного пугаясь своего безрассудства, согласилась.

— Я знаю, свет души моей, — ласково и чуть печально произнесла она, — что отец, когда узнает о моем побеге, непременно отправит за нами погоню, и если нас настигнут, то наши бедные головы полетят с плеч. Но я также знаю, что теперь, после нашего чудного свидания, мне без тебя, светоч глаз моих, белый свет уже будет не мил, я просто зачахну, как цветок, которого внезапно лишили солнечного света. Я готова пройти любые испытания, лишь бы быть рядом с тобой.

Пехлибей, у которого от счастья кружилась голова, горячо заверил возлюбленную, что приложит все силы, дабы их мечта — быть вместе — как можно быстрее исполнилась.

Поджидавший друга в глубине сада Саид, узнав, как стремительно разворачиваются события, был просто восхищен отвагой и решительностью скромного хоршикского лекаря. Выбравшись через маленькую калитку на улицу, приятели поспешили домой, чтоб обсудить свои дальнейшие действия. По мнению хозяина караван-сарая, возлюбленным сейчас ни в коем случае не следовало отправляться в дорогу. Как только во дворце станет известно об исчезновении невесты шахзаде, за ними тут же по шлют погоню. Зная крутой нрав Сатар-визиря, можно было предположить, что он полностью перекроет все пути, так что без его ведома даже мышь не сможет проскользнуть за пределы страны, не говоря уж о двух взрослых людях. Хитрый перс предложил другу оставаться в городе, так как никому и в голову не придет искать беглецов у себя под носом, а когда страсти немного поутихнут, под видом мелких торговцев присоединиться к какому-либо каравану, направляющемуся в сторону Азии.

Эта мысль очень пришлась по душе Пехлибею, готовому отдать за любовь свою жизнь, но не желавшему подвергать опасности любимую. Саид пообещал на следующий же день переговорить с сестрой, проживавшей в другом конце города. По его словам, вдова, имевшая на руках трех малолетних детей, не откажется от возможности подзаработать и приютит под своей крышей влюбленных, которых она может выдать за недавно поженившихся родственников, приехавших в столицу погостить из дальнего горного селения.

Весь следующий день искусный лекарь и несостоявшийся поэт крепко проспал.

Постелью служила тонкая, истертая временем циновка, однако никогда еще Пехлибей родом из Хоршикского ханства не был в своей жизни так счастлив. А в одной из комнат роскошного дворца Сатара, утомленная предыдущими бессонными ночами, спокойно спала Фарида — дочь знатного персидского вельможи. На ее пухлых вишневых губах застыла счастливая улыбка.

Как и было заранее условлено, ближе к ночи Саид, переодетый дервишем, пришел к стражникам, охранявшим женскую половину дворца Сатар-визиря. Пожаловался, что никак не может найти старика, несколько часов тому назад попросившего его присмотреть за увесистым кожаным бочонком и после этого словно в воду канувшего. Обнаружив в бочонке крепкое вино, стражники отправили дервиша восвояси. Как только всей гурьбой они скрылись в густых зарослях, дабы, пользуясь отсутствием хозяина, на славу попить, приятели устремились к заветной калитке.

Строго-настрого наказав служанкам не беспокоить ее до самого утра, Фарида, как только солнце стало клониться к закату, отправилась в свои покои. С легкой грустью оглядела родную опочивальню, собрала в дорогу все самые необходимые вещи и уложила их в сундук, окованный серебром. Потом вынула из малахитовой шкатулки изящное жемчужное ожерелье, подаренное ей в детстве покойной матерью и соединявшееся золотой пластинкой, на которой было выгравировано ее имя, и вышла на балкон. Внизу ее уже ждал возлюбленный вместе со своим другом.

Проникнув, как и прошлой ночью, в покои Фарида, Пехлибей обвязал веревкой сундук, осторожно спустил его на землю, где тяжелую ношу ловко подхватил Саид. Затем таким же образом передал ковер. Растянув ковер под балконом и ухватившись с двух сторон за его концы, приятели ждали отважную беглянку. Бросив прощальный взгляд на родной дом, хрупкая Фарида смело перешагнула через низкие перила и прыгнула вниз. Выскользнув за калитку, они перешли дорогу, где у одного из заборов стояли на привязи черный, как вороново крыло, тонконогий статный красавец-конь и, не признающий суеты, величавый корабль пустыни — верблюд. Усадив любимую перед собой на нетерпеливого скакуна, Пехлибей под покровом ночи стремительно поскакал к дому Зейнеп — сестры Саида, ну а сам Саид, чтоб не привлекать к себе лишнего внимания, погрузил поклажу на верблюда и неспешным шагом отправился следом.

Незабываемая ночь любви

Зейнеп, высокая стройная тридцатилетняя женщина с немного печальным взглядом миндалевидных глаз и полными губами цвета ранней вишни, встретила гостей очень радушно. Она поселила влюбленных в небольшой пристройке, в которой ее покойный муж, занимавшийся торговлей, хранил когда-то товар. Сейчас здесь находились широкая глинобитная суфа, застеленная двумя толстыми коврами, две деревянные тахты и низенький столик. В углу лежал аккуратно свернутый матрас, набитый верблюжьей шерстью. После легкого ужина Пехлибей, чтобы не смущать возлюбленную, вышел на улицу. Зейнеп осталась помочь приготовить постель.

Чужеземец, совершивший этой ночью неслыханный дерзкий поступок, с наслаждением вдыхал свежий воздух, наполненный ароматом цветущей сирени, к восхищенно смотрел на высокий небосвод, усеянный сверкающими звездами. Он вспоминал, как, будучи маленьким мальчиком, любил лежать в густой траве и смотреть в голубое небо, по которому медленно плыли облака. Он мечтал, что вырастет и непременно совет множество крепких веревочных лестниц, по которым сумеет подняться до самых небес и своими руками коснется загадочных облаков. В комнате было темно. Осторожно, чтобы не разбудить милую, Пехлибей прошел в дальний угол, где поверх циновки лежал матрас, и от неожиданности вздрогнул, услышав нежный голос:

— Господин, разве твое законное место не там, где находится твоя жена? Зачем ты хочешь оставить меня в холоде одиночества, подвергая страданиям мое трепещущее от любви к тебе маленькое, но очень горячее сердце?

— Но, любовь моя, ведь мы еще не поженились. Как я могу прикоснуться к тебе, зная, что тем самым вовлеку твою невинную душу в непозволительный грех? Я очень люблю тебя, и не хочу причинять тебе никаких, даже малейших страданий.

— О каком грехе ты ведешь речь, светоч глаз моих? Разве любовь не есть самое чистое чувство, которое люди могут испытывать друг к другу, и разве перед лицом Всевышнего мы с тобой не есть отныне муж и жена? Грех — не разделить со мною ложе любви.

— О моя прекрасная принцесса! Ты причиняешь мне невыносимые мучения своими словами, ведь мои душа и тело уже давно нестерпимо рвутся к тебе, однако праведный мусульманин обязан в первую очередь свято чтить и строго соблюдать предписанные Аллахом законы. Как только мы поженимся...

— Господин мой, у тебя будет возможность замолить наш ночной грех во время утренней молитвы, если ты считаешь плотскую любовь грехом. А сейчас иди ко мне, я жду тебя, больше всего на свете мне нужны твои крепкие объятия, хочу забыть обо всех тревогах, испить этой ночью чашу твоей любви до самого дна.

Свет души моей, для того, чтобы пожениться, нам вовсе не обязательно ждать прибытия в Хоршикское ханство. Мы сможем сделать это сразу же, как только пересечем границу Персии. Надеюсь, это произойдет уже скоро.

— А не разонравилась ли я тебе, солнце моей жизни? Или, быть может, у тебя на родине осталась невеста, и теперь ты жалеешь о поспешности своего шага? Скажи, не томи мою душу.

— Я прошел много стран, но не видел девушки красивее и лучше тебя, любовь моя. Ты, словно гурия, спустившаяся на грешную землю из райского сада. Назвать тебя своей женой

— предел всех моих мыслимых и немыслимых желаний.

— Ты можешь назвать меня ею уже сейчас. Я верю, что Всевышний нас видит и одобряет. Но только ему одному ведомо, как много времени нам придется провести здесь, подвергая жизни постоянной опасности. Знаю, что гнев моего отца не будет иметь пределов, когда он узнает, что его единственная дочь сбежала из отчего дома, да еще накануне свадьбы с шахзаде. Если только воины обнаружат нас, нам обоим придется очень тяжело. Но мы выбрали этот путь, и во имя своей любви я хочу идти до конца, хочу, чтоб ты стал моим первым и единственным мужчиной, чтоб ты назвал меня своей женой, хочу принадлежать тебе, господин мой, и не только душой, но и телом, хочу, чтоб мы стали единым целым. Я люблю тебя так, как никто никогда не любил еще на этом свете!

— О моя несравненная возлюбленная! Ты не только удивительно красива, но и необыкновенно мудра, жена моя. Не представляю теперь, как мог я жить все эти долгие годы, не видя твоего дорогого лица, не слыша твоего родного голоса. Куда-то шел, к чему-то стремился... А ведь подлинное счастье только в любви, как же мне повезло! Я самый счастливый человек на свете! Хочу жить ради тебя, беречь тебя, любить тебя, солнце жизни моей! Ты — моя путеводная звезда, осветившая своим чудным неземным светом мой доселе одинокий путь. Я готов отказаться от всего и от всех, лишь ты бы была всегда рядом. Я люблю тебя так, как любят только раз в жизни, мое бесценное сокровище, моя судьба, жена моя! — С этими словами Пехлибей заключил Фариду в крепкие и ласковые объятия.

Она, безмерно обрадованная таким пылким и искренним признанием, немного смутилась, спрятав свое пылающее личико на широкой груди любимого, а потом решительно откинулась на пышные подушки, увлекая за собой Пехлибея. Почувствовав волнующую тяжесть его большого ладного тела, тихонько застонала от наслаждения и закрыла глаза. Опасаясь, что возлюбленной нечем будет дышать, Пехлибей попытался приподняться, но девушка, не открывая глаз, притянула его к себе, словно желала раствориться в нем. Приятная тяжесть мужского тела несказанно возбудила Фариду. Снова и снова она изо всех сил вжималась в него, остро ощущая свою женскую хрупкость и незащищенность и, наслаждаясь безудержной мужской мощью, исходившей от любимого, которой хотелось полностью отдаться, забыв обо всем на свете.

«Сегодня, если на то будет воля Всевышнего, мне предстоит познать великую тайну жизни, став женщиной. Наверное, это знание сделает меня особенно счастливой, и все же то, что я испытываю сейчас, — это уже совсем даже не маленькое счастье. Я чувствую себя ранней травой, которую нетерпеливо топчет, изголодавшийся за зиму по свежему выпасу молодой горячий конь. Он то нависает надо мной подобно неумолимо-грозным скалам, не оставляя малейшей надежды на пощаду, то вдруг бросается вперед, сминая все на своем пути, безжалостно вдавливая меня в землю, обрушившись всей своей, до боли сладкой и безумно притягательной тяжестью, приводя меня в неистовый трепет. Что может быть слаще этого?» — думала Фаридка, страстно прижимаясь к телу любимого.

Заглянувшая сквозь небольшое окошко полная луна осветила лицо возлюбленной. Восторгаясь ее утонченной красотой, Пехлибей покрыл нежными поцелуями высокий белый лоб, дразнившие его воображение, чуть впалые благородные щеки, восхитительный точеный носик, тонкие черные брови, взлетающие к вискам, трепещущие длинные ресницы. Изящная длинная шея призывно белела в темноте, сводя его с ума. Он поцеловал ее таким глубоким долгим поцелуем, что упругие соски на груди милой тут же напряглись, словно две маленькие острые стрелы. Стоило ему надавить на них, как Фаридка выгнулась всем телом,

не сдержав громкого стога. Спустив ее платье до самого пояса, Пехлибей на несколько мгновений восхищенно застыл: небольшие округлые груди показались ему пределом женского совершенства. Он бросился к этим божественным райским источникам, поочередно целуя их то дразнящими, едва уловимыми, то сильными, неистово-страстными поцелуями, жадно лаская их своим нетерпеливым языком и очень умелыми руками.

Фарида уже не стонала, а кричала от нестерпимого наслаждения, словно змея извиваясь под Пехлибеем. Ее длинные иссиня-черные, как масть чистокровного арабского скакуна, волосы разметались по подушке, а раскинутые руки теребили края простыни так сильно, будто хотели порвать ее. Оставив в покое ее изумительную грудь, находившуюся на пределе возбуждения, Пехлибей покрыл легкими поцелуями маленький, почти плоский живот возлюбленной, после чего стал проталкивать свой горячий язык внутрь ее пупка ритмичными сильными движениями, временами то быстро вращая им, то резко останавливаясь и полностью вынимая, чтобы затем вновь страстно припасть к этой неимоверно-сладкой впадине.

— О, мой господин, ты просто волшебник, мне кажется, я сейчас умру от невиданного наслаждения, — шептала, задыхаясь, Фарида. — Умоляю, возьми меня поскорее!

Но Пехлибей, задрвав подол девственно-белого платья, принялся ласкать руками внутреннюю поверхность ее пленительных стройных бедер. Его ладонь то почти невесомо скользила над ними, отчего по телу любимой пробегали легкие судороги, напоминая потревоженную шаловливым ветром игривую водную гладь. То уверенным хозяйским движением крепко гладила их, и тогда красавица на мгновение замирала, отдаваясь сладостным ощущениям. Когда же его жаждущая все большего удовлетворения рука коснулась ее пушистого черного холмика, Фарида, словно серебристая рыбка, мягко соскользнула с постели. Ее белоснежное атласное платье, так чудно облежавшее тонкий стан, упало на пол, подобно облаку, внезапно решившему спуститься с заманчивых высот неба на кипящую страстями землю.

У Пехлибея перехватило дыхание при лицезрении сей неземной красоты. Изящное, удивительно пропорциональное тело любимой являло собой образец совершенства, который можно встретить в природе, наверное, не чаще, чем раз в столетие. Миниатюрная, как и большинство женщин Востока, она обладала царственно-стройной шеей, изящными неширокими плечами, имела небольшую, аппетитно-округлую грудь с бледно-розовыми сосками и голубыми прожилками на белой, изумительно-нежной, как у младенцев, коже. Ее трогательно-хрупкая прямая спинка плавной, безумно манящей линией переходила в два маленьких упругих полушария. Соблазнительные стройные бедра подчеркивали головокружительную чувственность красивых ног, а изящные гибкие ступни способны были свести с ума.

Совершенство, случайно или намеренно стоя к Пехлибею вполоборота, отчего все достоинства женской фигуры представляли как на ладони, улыбнулось ему лукавой и, вместе с тем чуть смущенной улыбкой, затем грациозно преклонило колени и нежно прошептало:

— Я у твоих ног, господин мой. Да будет так всегда!

— Да будет так всегда, жена моя! — эхом отозвался Пехлибей и, подняв ее на руки, осторожно опустил на софу.

Когда он полностью обнажился, пришел черед искреннего восхищения Фариды перед божественной красотой и гармонией, которой наделяет Всевышний отдельных представителей лучшей половины человечества. Телосложению Пехлибея мог позавидовать

сам Юсуф Прекрасный родом из Ханаана. В меру высокий, широкоплечий, он имел гордую осанку человека, воспитанного в духе внутренней свободы и нравственной чистоты. Его мощную грудную к летку украшали мягкие и не слишком густые волосы, безупречно-стройная талия и подтянутый живот радовали сердце, аккуратные ягодичы притягивали взгляд, а сильные крепкие ноги восхищали мужественным рельефом мышц. В каждом движении — характерная для жителей Азии чарующая упругость, во внимательном взоре раскосых карих глаз, пленяющих романтичные женские души, — знание жизни и властность, в смуглом обветренном лице, в изящном, но твердом подбородке, в крупных губах — обжигающая чувственность. Порывистым мечтательным юношей, стремившимся к познанию мира и самого себя, покинул когда-то Пехлибей родное Хоршикское ханство, а возвращался зрелым мужем.

Блестящими, широко раскрытыми глазами смотрела Фарида на возлюбленного, чувствуя внизу живота волнуящую тяжесть и какую-то сладостную боль. Пытаясь совладать с охватившим ее внутренним напряжением, она подобрала под себя ноги, но уже в следующую минуту выпрямила их, подчиняясь воле любимого, полностью накрывшего ее своим большим и сильным телом. Заключив милую в надежные и ласковые объятия, Пехлибей с наслаждением вдохнул нежный цветочный аромат, исходивший от ее густых черных волос. Поцеловал ее заалевшее от смущения личико, легонько коснулся пухлых губ и, уже не сдерживая своей, стремительно растущей в нем страсти, жадно впился в них глубоким головокружительным поцелуем.

При этом его нетерпеливые руки то пробегали вдоль спины любимой, подобно легкомысленному весеннему ветерку, радуящемуся пробуждению природы после зимнего сна, то крепко сжимали ее маленькую, но набухшую грудь, заставляя прекрасную персиянку выгибаться всем телом и исторгать из нее столь страстные стоны.

Фарида отвечала любимому сначала робкими, потом все более пылкими поцелуями, обвивая его крепкую шею своими тонкими нежными руками, соблазнительно двигая бедрами, в которые уперся его горячий и неимоверно-твердый ствол. Не отрываясь от жарких уст милой, Пехлибей осторожно раздвинул ее ножки. Почувствовав, как она мгновенно напряглась, нежно шепнул в ушко:

— Не бойся, любовь моя, все будет хорошо.

Его большие надежные руки долго ласкали внутреннюю поверхность ее пленительных гладких бедер. Чуть более сильным движением касались пышного черного холмика, так вызывающе соблазнительно выделявшегося на белой коже и очень чутко отзывавшегося на ласку чувственными судорогами, пробегавшими по женственному телу и заставлявшими бедра вновь и вновь смыкаться в непреодолимой истоме.

Воздав должное стражам, оберегающим вход в заветную расщелину, Пехлибей направил руку к изнемогающей от напряжения вульве. Внешние половые губы возлюбленной оказались на удивление развитыми, их безумно приятно было ласкать, ощущая их упругость и податливость одновременно. Горячий клитор вытянулся вперед в ожидании предстоящей любовной схватки, а влажные малые губы раскрылись, готовые принять в себя член.

Подчиняясь мощному природному инстинкту, Фарида еще шире раздвинула ноги, закрыла глаза, крепко обхватив любимого за шею и прошептала:

— Я люблю тебя, солнце моей жизни.

— Я люблю тебя, моя прекрасная пери, — ответил Пехлибей, осторожно направляя свое могучее мужское орудие в трепещущую расщелину. Несколько раз его горячая головка

входила лишь наполовину, потом совершила ряд приятных вращающихся движений, давая невинному влагалищу возможность еще более возбудиться и как можно шире раскрыться и, наконец, не слишком быстрым, но абсолютно точным ударом огромный и беспощадно-твердый, как многолетний дуб, обжигающе-горячий, как летнее солнце, ствол вошел во влагалище, безжалостно сминая обреченное на поражение сопротивление девственной плевы. Фариды слабо вскрикнула, задрожав всем телом и еще сильнее прижавшись к возлюбленному. Ей показалось, будто через нее прошел острый длинный кинжал, достигнув самой гортани. Пехлибей, приостановив свое наступление, нежными поцелуями покрыл ее до боли родное лицо.

Успокоившаяся Фариды мышцами влагалища покрепче обхватила член, давая понять, что готова к продолжению любовного урока. Чуть приподнявшись над милой, Пехлибей начал входить в нее ритмичными и все более глубокими ударами. Распростившаяся с девственностью, первая красавица Персии довольно быстро приурочилась к его темпу, мягко скользя бедрами и одновременно лаская руками широкую и гибкую спину любимого.

«Какая приятная штука — любовь! Еще никогда в жизни мне не было так хорошо, как сейчас. Хочу, чтоб это продолжалось как можно дольше», — восхищенно думала дочь грозного визиря Сатара, позабыв в эту минуту и об отце, живущим предвкушением скорого родства с великим падишахом, ни сном ни духом не ведая о крушении сих радужных надежд, и о своем побеге из отчего дома, да и вообще, обо всем на свете. Ничто не имело значения в сравнении с теми сладостными ощущениями, что щедро подарила ей любовь.

Между тем Пехлибей убыстрил свой темп. Его безумно-притягательный ствол уже не скользил в нежной расщелине, а вонзался в нее такими сильными и крепкими ударами, что Фариды стонала, не переставая. «О, мне кажется, я этого не выдержу: слишком сильно, слишком сладко и слишком много для такой маленькой женщины, как я. Мой господин — самый непревзойденный мужчина на свете, я люблю его очень-очень, — мысли стремительно неслись одна за другой. — Но как же ошибаются все вокруг! Одни мечтают о величии, другие стремятся к богатству, третьи заняты поиском истины, а ведь все это — пустая суэта сует. Любовь — вот что главное в жизни!»

Ее изнемогающая от страсти вульва бешено пульсировала, любовные соки текли рекой, а Пехлибей не прекращал свой натиск. Острый длинный кинжал превратился в могучий меч, ненасытно и хладнокровно вонзавшийся в утомленную до предела плоть. Обессиленная Фариды умоляла о пощаде. Возлюбленный великодушно внял ее мольбам и после нескольких особенно сильных и сладостных ударов залил расщелину, впервые познавшую мужскую мощь, обильной густой спермой.

Несколько минут влюбленные молча лежали, приходя в себя. А затем Пехлибей, ласково прижав к себе любимую, поцеловал ее долгим и нежным поцелуем. Фариды, испытавшая доселе неведомое и головокружительное чувство полета, отрешенно молчала. Ее прекрасное тело все еще вздрагивало в сладострастных судорогах, а воображение упивалось восхитительной картиной бездонного темного неба с загадочно мерцающими звездами, где парила ее душа, познавшая чудо из чудес.

Пехлибей продолжал дарить ей легкие, исполненные трепетной любви поцелуи, и возлюбленная очнулась. Из ее дивных глаз покатались светлые слезы ни с чем не сравнимой радости от пережитого чувства единения и абсолютной гармонии.

— О господин мой, ты сделал меня счастливейшей из смертных, да хранит тебя Всевышний! — С этими трогательными словами в порыве искренней благодарности она

припала к стопам любимого, покрыв их бесчисленными горячими поцелуями, прижимаясь к ним лицом, вдыхая их непередаваемо родной запах.

— Любовь моя, ты — лучший из лучших, позволь мне придать твоему могущественному орудию его первозданную чистоту и свежесть. — Не дожидаясь ответа, Фарида склонилась над мужской гордостью Пехлибея и с явным наслаждением принялась облизывать ствол от самого основания до чудесной головки, обладавшей особенно сладким вкусом. Она долго не могла оторваться от уздечки, восхитившей ее своей удивительной нежностью, а когда познала сладость маленькой дырочки, расположившейся на самом почетном месте, никак не могла решить, что же всего вкуснее.

Пехлибея, возлежавшего на высоких подушках, терзали два противоположных чувства: наслаждения и возмущения. С одной стороны, нежные умелые ласки милой были ему очень приятны, но, с другой — он не мог понять, где этому успела научиться юная дева, которую он этой ночью лишил невинности. словно бы почувствовав его сомнения, Фарида оторвалась от своего занятия, доставлявшего ей большое удовольствие, и растерянно посмотрела на любимого, пытаясь понять, что вызвало его неудовольствие, потом лукаво улыбнулась и, взмахнув пушистыми ресницами, нежно произнесла:

— Господин мой, дозволь напомнить тебе, что твою жену, навеки преданную тебе и душой и телом, готовили в супруги шахзаде. Отец очень хотел угодить наследнику принцу, поэтому специально для меня нанял одну старую китаянку, обучившую твою рабу кое-каким премудростям любви. Я чиста перед тобой, как утренняя роса, светоч глаз моих.

— Я верю тебе, моя благонравная. Хорошо, что ты это сказала, но больше не напоминай мне о шахзаде, пусть прошлое останется в прошлом. Я люблю тебя, радость жизни моей.

Пехлибей прижал возлюбленную к груди, впился в жаркие уста и прошептал:

— О, какой необыкновенный вкус у твоих губ!

— Они пахнут тобой, лучший из лучших, — скромно потупила свой взор мудрая жена.

Раскрасневшаяся после любовных игр, Фарида была похожа на только что распустившийся прекрасный цветок. Ее нежные щеки соблазнительно алели, дивные черные глаза призывно блестели, а вишневый чувственный рот был слегка приоткрыт, подобно райским вратам, в которые далеко не каждому дозволялось войти.

«Эта неземная краса принадлежит мне. О Аллах, что нужно еще смертному для счастья?» — восхищенно подумал Пехлибей, ощущая нестерпимое желание и нетерпеливо сминая податливое женское тело. Он вновь набросился на Фариду с такой страстью, словно между ними ничего еще и не было, а она, блаженствуя под тяжестью большой плоти, которая сама по себе уже приводила ее в сильное возбуждение, счастливо улыбалась и все теснее прижималась к любимому и очень родному человеку.

За окном забрезжил рассвет. Начинался новый день.

Возвращение на родину

Спустя десять дней после таинственного исчезновения дочери Сатар-визирь приказал воинам рыскать по стране, словно шакалам, но найти хоть какой-то след. Те очень скоро обнаружили у берегов одной очень беспокойной горной реки перевернутую лодку, над которой, подобно белому стягу, развевалось зацепившееся за гвоздь тонкое женское покрывало. На покрывале вышитое золотистыми нитками имя — Фарида. На дне лодки, в трещине, между потемневшими от времени и сырости досками, нашли мужской головной убор — из черного бархата, какие обычно носили уроженцы Центральной Азии.

Не оставалось ни малейших сомнений, что дочь персидского визиря, наперекор законной воле отца, сбежала из дома с излечившим ее хоршикским лекарем. Но решили, что беглецов на опасной реке после свирепствовавшего предыдущей ночью урагана постигла неудача — они погибли. К вечеру печальная весть облетела всю Персию. Сатар, дабы избежать гнева падишаха, старался как можно реже появляться при дворе.

Тем временем счастливые молодожены продолжали находиться под гостеприимным кровом сестры Саида Зейнеп. Именно хозяин караван-сарая, немало повидавший на своем веку, предложил влюбленным инсценировать их гибель, чтобы впоследствии облегчить переход через границу. Идея удалась, но осторожный Саид выжидал еще двадцать дней, прежде чем снарядил молодых в дальнюю дорогу. Пехлибей с Фаридой присоединились к торговому каравану, направлявшемуся на Кавказ. Вместе с ним они могли добраться до Ирака, и уж там, оказавшись в относительной безопасности и положившись на волю Всевышнего, продолжить свой путь в Азию.

Прощаясь, Саид хитро взглянул на светившуюся от счастья Фариду и, обратившись к другу, вполголоса произнес:

— Женщина, особенно на Востоке, где всегда умели по-настоящему любить и ценить любовь, в первую очередь является женщиной. Это потом она дочь знатного вельможи или даже самого падишаха, поскольку для нее ее женское счастье всего важнее. Ради любви, если понадобится, пылкая дочь Востока, не задумываясь, пойдет хоть на край света. Я говорил, Пехлибей, что у тебя все получится.

Друзья тепло попрощались. Длинный караван медленно тронулся в путь.

Это была нелегкая дорога, поскольку им не встретился караван, державший направление на Хоршикское ханство. Но влюбленные сразу же по прибытии в Ирак сочетались законными узами брака. Прикупив в одном из селений двух молодых и выносливых верблюдов, они отправились дальше. Иногда Пехлибей с Фаридой следовали вместе с попутным караваном, но их пути расходились, и они опять оставались вдвоем. Если не успевали добраться за светом до жилья, то ночевали прямо под открытым небом, соорудив из веток самодельный шатер. Питием им служила вода из родника, а голод утоляли пресными лепешками да сушеным творогом из козьего молока, которые можно было купить в любой деревне. Горячую же пищу мог предложить только караван-сарай в городах либо в крупных селениях, иной раз находившихся друг от друга достаточно далеко.

Нелегко приходилось изнеженной дочери персидского вельможи. Привыкшая к изысканным яствам, мягкой постели и неспешному передвижению в роскошном паланкине, она порой невыносимо страдала от бесчисленных тягот долгого пути, но все свои переживания хранила в себе. Пехлибей нежно заботился о жене, а в часы отдыха рассказывал

Фариде об интересных обычаях и удивительных особенностях быта тех народов и народностей, что довелось ему повидать за время своего длительного путешествия. Эти рассказы звучали для его юной жены как сказки, которые хотелось слушать вновь и вновь. Немало интересного они видели в дороге, пролежавшей через восточные страны, где когда-то уже проходил Пехлибей.

Каждый день они оба с нетерпением ожидали ночи, чтоб отдаться во власть всепоглощающей и страстной любви. Никогда не забыть Фариде тех жарких ночей, проведенных на какой-нибудь нежной лужайке, окутанной душистым ароматом цветущей зелени, под звездным небом, когда в целом мире оставались только Он и Она, сжимающие друг друга в горячих объятиях. Сливающиеся в таком долгом и страстном поцелуе, от которого кружилась голова и было не понять, где же находится небо: то ли над ними, в недостижимой высоте, то ли они парят в невесомости среди загадочных звезд.

Порой их взаимные ласки были такими чарующими, словно прикосновение лепестков распускающейся розы. А порой, охваченные неистовой страстью, возлюбленные оставляли на обнаженных телах друг друга такие царапины, будто по ним нещадно прошли колючие шипы обманчивого в своей манящей красе дивного, но коварного цветка.

Не было на большом мужественном теле Пехлибея ни единого местечка, которое не было бы всласть обласкано чувственными губами, горячим гибким язычком и ласковыми умелыми руками любимой. Все это доставляло мужчине неземное наслаждение. Не было у юной пылкой Фарида ни единой ночи, когда, вконец обессиленная от разнообразных любовных утех, от невероятной мужской мощи своего возлюбленного, не запросила бы она пощады у любвеобильного, неутомимого мужа. С каждым днем влюбленные открывали друг в друге что-то новое, с каждым днем их чувства все более крепились.

...В степные просторы Азии пришла осень, когда молодожены вошли в город Архот Хоршикского ханства. Здесь Пехлибей узнал, что за время его долгих странствий скончались родители, так и не дождавшись любимого младшего сына. Следом от укуса змеи погиб старший брат, и теперь из близкой родни у него оставалась только сестренка Айзада, вышедшая замуж за ремесленника и мать четверых детей. Остановившись в первые дни своего возвращения на родину в ее гостеприимном доме, Пехлибей на деньги, что выплатил ему Сатар-визирь за лечение дочери, приобрел небольшой светлый дом с просторным двором и фруктовым садом.

В дороге они с Фаридой часто мечтали о собственном очаге, который защитит их от непогоды, жарким летом одарит прохладой, ночами укроет от любопытных глаз, надежно оберегая их чистую и горячую любовь. И теперь, когда заветная мечта сбылась, не было пределов радости. Тогда же Фарида сообщила мужу счастливую весть, что она ждет ребенка. Недавние путешественники зажили дружной семьей на зависть многим, позабывшим за повседневными хлопотами о великом счастье, что способна подарить человеку любовь.

Пехлибей занялся врачеванием, возродив былую славу своего рода, как непревзойденных целителей. Овладев за годы странствий тайнами тибетской и индийской медицины, гармонично дополнив своими прежними знаниями, унаследованные от предков, он стал широко известен как один из лучших лекарей Великой Степи. И если раньше город Архот жителями Хоршикского ханства, а также сопредельными кочевыми племенами воспринимался как огромная мастерская по изготовлению одежды и поделок из кожи, то теперь город нередко связывали с именем талантливого врачевателя Пехлибея.

Фарида при теплой поддержке и деликатных наставлениях своей золовки Айзады,

терпеливо обучавшей юную персиянку многим секретам домоводства, о которых она прежде и не ведала, занималась хозяйством. Надо сказать, что ее появление в городе вызвало большой интерес.

Во-первых, она не была похожа на здешних жителей. Хоршики в большинстве своем отличались коренастым плотным телосложением, имели смуглый цвет кожи и раскосый разрез глаз, говорили на незнакомом наречии, мало жестикулировали и, вообще, выглядели чересчур серьезными и основательными. Во-вторых, при всей внешней степенности и внутренней суровости хоршиков, им не чужды были простое человеческое любопытство и склонность к раздутым домыслам.

Так, по сведениям вездесущей степной почты, лекарь Пехлибей был направлен в самую глубь Востока не кем иным, как могущественным правителем Хоршикского ханства с тайной и очень ответственной миссией. Суть дела заключалась в том, что якобы персидский падишах, прознав о готовящемся на его богатые земли набеге со стороны иноземных захватчиков, послал к хоршикскому хану своего посла с просьбой спасти от бесчестия его единственную и горячо любимую дочь. Азиатский владыка, славящийся великодушием и благородством, ответил согласием. Но чтоб не вызвать никаких подозрений и тем самым не навредить несчастной принцессе, вместо лихого войска он отправил в далекую Персию Пехлибея, отец которого некогда излечил хана от тяжелого недуга. Пехлибею было обещано в случае успешного исхода, попросить для него у падишаха руки его прекрасной юной дочери. С огромным трудом, не раз подвергая свою молодую жизнь всевозможным лишениям и опасностям, скромный лекарь сумел выполнить поручение повелителя, за что и был по возвращении награжден.

Так, в устах народной молвы, дочь Сатар-визиря стала персидской принцессой, спасшейся от унижительного плена благодаря храбрости хоршикского юноши. Подтверждением абсолютной правдивости сего удивительного рассказа являлись слова, звучавшие из уст самого Пехлибея. Его соседи, коим сам Аллах велел всегда все знать и все видеть, не раз слышали, как их доблестный земляк называл свою молодую жену: «О, моя прекрасная принцесса!»

Между тем сами герои этой романтической истории не обращали на слухи никакого внимания. Они жили в своем сказочно-красивом мире, где были только Он и Она. Их отношения, пронизанные удивительной нежностью и трогательной заботой друг о друге, у одних вызывали восхищение, у других зависть. Однако этой идиллии не суждено было продолжаться вечно. Не прошло и года, как Фарида отошла в мир иной после крайне тяжелых родов. К счастью, ребенок остался жив. Родилась девочка, которую отец назвал звучным восточным именем Эльнара.

Детство Эльнары

Потрясенный смертью жены, Пехлибей долго не мог найти себе места от горя. К нему на помощь пришла сестра Айзада, незадолго перед этим разрешившаяся пятым ребенком. Она стала кормилицей маленькой Эльнары, уже в младенчестве чертами лица так сильно напоминавшей свою безвременно умершую мать. Пехлибей, глядя на дочь, в первое время не мог сдержать слез. Лишь раскосый разрез ее огромных черных глаз, опущенных густыми, изогнутыми ресницами, свидетельствовал о том, что в жилах малютки течет кровь уроженцев знойной Азии.

Кое-как оправившись от ужасного потрясения, Пехлибей вернулся к привычным делам. Он по-прежнему собирал целебные травы, лечил больных, но в его задумчивых, словно слегка прикрытых от солнца, глазах навсегда поселилась не утихающая боль от невозполнимой потери. Он мало с кем общался, часами просиживая в уютной, со всех сторон увитой виноградом беседке, которую сам построил во дворе своего дома по просьбе жены, порой испытывавшей ностальгию по далекой родине.

Находясь в полном одиночестве, в приятной прохладе и умиротворяющей тишине, время от времени нарушаемой беззаботной трелью птиц, Пехлибей вспоминал недавнее счастливое прошлое. Момент первой встречи с Фаридой, дивные очи юной персиянки, наполненные болью и надеждой, в один миг заставившие его, уже зрелого, опытного мужа, позабыть обо всем на свете; их пылкое объяснение при романтическом сиянии луны в опочивальне отчего дома любимой; незабываемую ночь любви; их страстные ночи, сначала под высоким звездным небом Древнего Востока, на мягком лугу, лениво обвеваемом душистыми ароматами экзотических растений, а потом — на нагретой солнцем засушливой земле родной Азии.

Пехлибей жил прошлым. К действительности его возвращали лишь маленькая дочь, нуждавшаяся в заботе да лекарский долг по отношению к людям. Он искренне любил свою чудесную малютку, намного раньше сверстников начавшую сладко лопотать и бойко бегать, но, может быть, не всегда умел проявить эту родительскую любовь. Когда Эльнара, которую в кругу родственников звали ласково Эли, немного подросла, отец, отправляясь в степь на поиски целебных трав, иногда брал ее с собой, знакомил смышленную девочку с разнообразным миром природы, объяснял разницу в целительных свойствах тех или иных растений, рассказывал разные поучительные истории. Иногда в поисках нужных трав Пехлибей уходил далеко, и тогда девочка оставалась на попечении тетушки Айзады, при случае прививавшей ей полезные хозяйственные навыки.

Эли росла подвижным и самостоятельным ребенком. Бурлившая в ее жилах смешанная кровь пылкой персиянки и вдумчивого, знающего истинную цену вещам азиата довольно рано дала себя знать. В восемь лет отец обучил ее грамоте. В девять — ее быструю, словно бег скакунов, речь и переливчатый, будто звон маленьких колокольчиков, что традиционно подвешивали хоршки над дверями своих домов, дабы отогнать злых духов, смех можно было услышать на другом конце города. То в кожевенной мастерской, куда она прибегала по поручению отца сделать заказ и надолго задерживалась, с интересом глядя, как кусок обычной кожи превращается в изящную шкатулку или в бочонок для питьевой воды. То в мясной лавке, где бойкая малышка с азартом торговалась за каждую монетку, со знанием дела выбирая лучшие куски нежной баранины или телятины. То на речке, где юная дочь

Пехлибея вместе с соседскими мальчишками строила песочные дворцы или пускала по воде кораблики из кусочков тонкой кожи, что ей удавалось получать в мастерской в обмен на свои байки, которыми она развлекала уставших от монотонной работы ремесленников.

Памятуя о скоротечности человеческого века, Пехлибей старался как можно меньше ограничивать дочь, за что нередко родственники упрекали его. По их мнению, девочку с младых ногтей нужно учить прилежанию и послушанию, готовить к роли будущей хранительницы домашнего очага, а не смотреть сквозь пальцы, как она обыгрывает мальчишек в кости или носится по степи на необъезженном жеребенке, рискуя сломать себе шею. Глядя на оживленное, покрасневшее от игр на свежем воздухе лицо дочери, Пехлибей усмехался в усы и, усадив маленькую непоседу на широкую скамью под раскидистым яблоневым деревом, рассказывал ей удивительные истории о странах, где он побывал, пробуждая в душе Эльнары мечту о другой жизни.

Тем временем девочка незаметно подрастала, обещая стать самой красивой невестой, если не всего Хоршикского ханства, то уж города Архота — точно. Родственники все чаще говорили Пехлибею, что давно пора ему привести в свой дом хозяйку, а дочери подарить мать, которая научила бы ее правильно вести хозяйство, помогла подготовить приданое, приласкала и приголубила бы маленькую сорвиголову, что сестра Айзада, у которой своих пять сорванцов мал мала меньше, при всем желании не может уделить девочке необходимого внимания, что негоже, если его ненаглядную Эли родня будущего мужа будет воспринимать как бедную сироту, не получившую женского воспитания и материнского пригляда.

Последний довод особенно сильно задел душу чувствительного лекаря и, скрепя сердце, он согласился на повторный брак. Поскольку ни одна женщина на всем белом свете не могла заменить ему покойной Фариды, он, так и не излечившийся от своей страстной любви, предоставил родственникам самим решать вопрос выбора будущей супруги.

Посоветовавшись меж собой, они остановились на тридцатилетней вдове по имени Айша-Биби, имевшей сына-подростка. По мнению родственников, брак сулил одинокому Пехлибею семейный покой, так как несчастная женщина, муж которой скончался несколько лет назад из-за неумеренного потребления вина, а при жизни колотил ее по любому поводу, вдоволь нахлебалась горя. К тому же она приходилась Пехлибею дальней родственницей, что внушало большее доверие.

Лекарь равнодушно отнесся к предстоящему браку, просто попросил сестру с дочкой подготовить женскую половину дома к приему новой хозяйки. Эльнаре было двенадцать лет, когда у нее появилась мачеха. Айша-Биби — высокая, худая женщина с тонкими, вечно поджатыми губами и темным, неприветливым лицом, не понравилась девочке буквально с первого взгляда. Она никак не могла понять, зачем отцу вдруг понадобилось приводить в их светлый уютный дом, где им вдвоем жилось совсем неплохо, чужую женщину.

Пехлибей, вступив в повторный брак, еще более замкнулся в себе, а тетушка Айзада на все расспросы юной племянницы отвечала печальными вздохами да неизменной формулой: «На все воля Аллаха».

Поначалу Айша-Биби, по вине покойного мужа, оказалась без крова, из-за чего скиталась по разным углам, кочуя от одних родственников к другим, исполняя за жидкую похлебку и рваную циновку в сарае самую черную и тяжелую работу. Но, обретя собственный очаг, никак не могла поверить в свое счастье.

Пехлибей жил пусть не богато, но и не бедно. Он по-прежнему пользовался славой

искусного врачевателя. К нему обращались за помощью и богатые, и бедные со всех концов Хоршикского ханства, нередко наведывались и кочевники, приезжавшие целыми семьями. Благодаря архотскому лекарю, местные караван-сарайи никогда не пустовали, да и городская казна постоянно пополнялась. Бедных людей Пехлибей всегда лечил бесплатно, а с остальных брал деньги только после завершения лечения, убедившись, что его труд действительно пошел на пользу тому или иному человеку. Некоторые из больных в благодарность дарили ему разные подарки, драгоценные украшения для его единственной дочери, приводили к нему во двор всякую живность. В общем, о хлебе насущном лекарю и его семье не было надобности беспокоиться.

Потрясенная доселе невиданным благополучием, Айша-Биби не знала, как угодить супругу, обычно пребывавшему в состоянии внутренней отрешенности. Он казался ей суровым и немного загадочным человеком. Его холодность пугала, и, чтобы не лишиться нечаянно обретенного рая, она изо всех сил старалась задобрить Эльнару, в которой отец души не чаял.

Отвыкшая за годы своего печального замужества по-человечески улыбаться, мачеха порой пыталась изобразить на своем угрюмом лице подобие улыбки, отчего оно становилось похожим на страшную маску, что одевали актеры в театре, играя роль дэвов и злых духов.

В ответ своенравная девочка упорно не желала принимать мачеху, вызывавшую у нее стойкую неприязнь своими неуклюжими и лицемерными попытками добиться ее расположения. К тому же непрестанно твердившую, что Эли обязана называть ее «мамой». Девочка строила гримасы, которые человеку, искренне любившему ее, могли показаться забавными и даже очаровательными, но у Айша-Биби вызывали лишь раздражение. Ее чрезмерно густые брови сходились к переносице, а узкие, словно лезвие кинжала, глаза метали громы и молнии. С громким, нарочито-отчаянным криком: «Спасайтесь все! Див идет!» — девочка убегала на улицу, где после подобных выходов ей приходилось бродить до самого вечера, ожидая возвращения отца, при котором мачеха, за глаза называемая Эли «кара хатун», или «черная баба», вела себя тише воды, ниже травы.

Между Айша-Биби и Эльнарой разгорался костер негласной и непримиримой войны. В отместку за непослушание мачеха старалась загрузить юную падчерицу всевозможной работой, в то время как ее великовозрастный сынок по имени Заир, освобожденный от хозяйственных дел, только тем и занимался, что спал, ел да играл с окрестными мальчишками, день ото дня набирая вес. Сама кара хатун, дни напролет возлежавшая на пуховых перинах, также чудовищно располнела. Среди архотских женщин полнота считалась основным признаком благополучия, а потому не шибко умная, обделенная красотой женщина ужасно гордилась своей бесформенной фигурой. Она не подозревала, что «негодница Эли», как она звала падчерицу, поменяла ее обидное прозвище «кара хатун» на другое — «кара самовар», или «черный самовар». Каждую пятницу Айша-Биби с невероятной важностью несла свои колыхающиеся тела в мечеть, не понимая, почему соседские ребятишки, едва завидев ее, начинают кричать про какой-то черный самовар. «О чем это они говорят? Где это видано, чтоб самовар был черным?» — долго недоумевала недогадливая женщина, пока сынок не рассказал ей об очередной проделке Эльнары.

Разъяренная Айша-Биби выселила неугомонную падчерицу в маленькую темную каморку, где зимой было холодно, а летом чересчур жарко и душно. Когда-то она служила кладовой для хранения продуктов, однако со временем количество съестных припасов настолько увеличилось, что они уже там не помещались. Их приходилось распихивать по

всем свободным углам — объемные мешки с мукой и различными крупами, бочонки с медом и маслом, корзины с халвой и другими сладостями, — что было не совсем удобно. Теперь же мстительная мачеха распорядилась выделить под хозяйственные нужды комнату Эли.

Каждое утро Эльнара вставала ни свет ни заря, чтоб успеть к пробуждению кара самовар, начисто вымести просторный двор, принести воды с дальнего колодца, испечь лепешки и приготовить любимую рисовую кашу Айша-Биби. Также она обязана была поить и кормить домашний скот, поголовье которого год от года увеличивалось, радуя ненасытные глаза и стяжательскую душу алчной мачехи. Убирать за скотиной, ухаживать за большим фруктовым садом, заниматься стиркой и уборкой, и ежедневно после вечернего чая до блеска начищать большой медный самовар. «Хороший самовар должен сверкать ярче, чем луна на этом небосводе», — мстительно приговаривала Айша-Биби, с дотошной въедливостью проверяя ее работу.

Эли практически перестала выходить на улицу, забыла о веселых играх и беззаботном смехе. Как пчелка она трудилась день-деньской, а вечером в изнеможении валилась на постель и мгновенно засыпала. Не желая расстраивать отца, крайне утомленного нескончаемым потоком больных, нуждавшихся не только в излечении недуга, но и в добром слове, упрямая девочка хранила все свои обиды и невзгоды при себе. Однако при случае не упускала возможности понасмешничать над мачехой, благо та сама нередко давала для этого поводы. Распускать руки, чтоб как следует наказать маленькую негодницу, Айша-Биби все же побаивалась, только шипела, как змея, в ответ на язвительные колкости и обидные насмешки неугомонной падчерицы, так и не пожелавшей называть ее «мамой», как положено во всех уважаемых семьях.

Однажды Эли до смерти напугала мачеху, появившись ночью перед ее распахнутым окном закутанной с ног до головы белой простыней. Айша-Биби только прилегла в постель в предвкушении сладкого сна, как вдруг что-то заставило ее приоткрыть глаза. В следующее мгновение ее жирное тело затряслось от страха при виде непонятно откуда взявшейся безмолвной фигуры в белом.

— Кто ты? — пискнула толстуха, в ответ — тишина.

Вообразив, что перед ней аруах-дух почивших предков, она бросилась на колени, противно заголосив неожиданно тонким, писклявым голоском, умоляя не забирать ее душу на Небо. Понимая, что не на шутку перепуганная мачеха может сейчас разбудить весь дом, Эли поспешно пошла прочь.

Донельзя удивленная Айша-Биби застыла с открытым ртом, не зная, как ей дальше быть, но вдруг смутная догадка обожгла ее, словно удар молнии. Вскочив на ноги, она бросилась в каморку падчерицы. В темноте переворачивая попадавшиеся ей на пути предметы, нос к носу столкнулась с Эли, возвратившейся с улицы со свернутой простыней. На следующий день девочку оставили без обеда, а после недолгого размышления лишили и ужина, отправив до самой ночи работать на скотный двор.

Неудивительно, что однажды Эльнара серьезно захворала. Разъяренная недомоганием падчерицы, Айша-Биби громко бранилась, но ничего не могла поделать: бедная девочка неподвижно лежала на постели, вытянув вдоль тела тонкие руки и устремив куда-то в пространство не по-детски серьезный взгляд огромных черных глаз. В этот момент, услышав шум, на женскую половину дома заглянул Пехлибей, в неурочный час возвратившийся домой. Увидев дочь в столь ужасном состоянии и в таких жалких условиях, он пришел в

сильнейшее негодование, тем более что заболевшая Эли живо напомнила ему его любимую Фарида, когда он впервые встретился с ней в доме ее отца. Разница была лишь в том, что Фарида тогда лежала на широком роскошном ложе, окруженная множеством серьезно озабоченных ее болезнью тетушек и толпой служанок. Пехлибей был страшен в своем гневе.

Насмерть перепуганная Айша-Биби неуклюже рухнула на колени, непрерывно голося и целуя запылившиеся сапоги мужа. Разжиревшая до неприличия, путаясь в подоле атласного платья, она ползала на коленях по земляному полу, вымаливая прощение. С трудом подавив ярость, Пехлибей приказал немедля приготовить для Эли самую лучшую комнату, а сам направился приготовить дочери целебный отвар.

Десять дней, ослабевшая от тяжелого труда, постоянного недосыпания и болезни, Эльнара провела в постели под неусыпным наблюдением отца. Сам лично он поил ее гороховым супом, обладавшим целительными свойствами, и настойкой из трав, терпеливо массировал известные ему из источников древней индийской медицины точки на ступнях ног, напрямую воздействуя на больные органы, делал над головой дочки плавные движения руками, после которых ей становилось значительно легче.

Айша-Биби старалась пореже попадаться на глаза мужу. Позабыв о лени и мягких пуховых перинах, она взялась за домашние дела и даже заставила работать своего толстого сыночка, падчерицу же окружила невиданной прежде заботой и лаской. Говорила ей добрые слова, угодливо заглядывая в глаза, вкусно кормила, не позволяя вставать с постели.

Девочка пошла на поправку. За время болезни она как будто немного повзрослела, и, хоть поведение мачехи ее очень даже забавляло, Эли не стремилась теперь насмешничать, а довольно снисходительно отвечала на вопросы лицемерной Айша-Биби, дав себе слово, больше никому не позволять себя обижать и распоряжаться ее жизнью.

В Школе красоты

Эльнаре шел пятнадцатый год, когда их маленький славный городок облетела любопытная новость: в Архоте открывается Школа красоты, куда могут записаться все желающие девушки и женщины. Никто толком не знал, чему именно там будут учить, но провинциальный Архот, живущий, как и все провинциальные города, размеренной, не особо избалованной событиями жизнью был весьма взбудоражен. Одни говорили, что окончившие Школу смогут рассчитывать на удачное замужество, поскольку выйдут оттуда такими раскрасавицами, что от женихов просто отбою не будет; другие, наоборот, утверждали, что ни один порядочный мужчина не захочет связываться с девушкой, получившей сомнительные знания; третьи заявляли, что Школа красоты занимается подготовкой женщин легкого поведения для последующей отправки их в столицу ханства — Перистан, славящуюся вольными нравами, в силу населявшего ее многочисленного и очень пестрого люда. Слухи ходили разные, но ни один из них не находил подтверждения, во всяком случае, до начала работы Школы, приуроченного к Празднику урожая, что традиционно отмечался в середине осени.

К тому времени дочь Пехлибея из угловатого подростка превратилась в красивую стройную девушку. Невысокого роста, белокожая, с черными, как летняя ночь в преддверии сильной грозы, роскошными волосами, с взлетающими к вискам тонкими бровями, точеным аристократическим носиком и огромными раскосыми глазами, она пленяла своей дивной красотой буквально каждого человека, вызывая восхищение не только у мужчин, но даже у женщин.

Прослышав об открытии учебного заведения для женщин с интригующим названием «Школа красоты», любознательная девушка поспешила к отцу испросить его разрешения на посещение занятий. Пехлибей, после болезни дочери удвоивший свое родительское внимание к ней, немного поколебавшись, дал согласие.

— Я верю в твой светлый разум, — произнес он, целуя Эли в высокий чистый лоб. — Если ты почувствуешь, что тебя хотят научить чему-то плохому, ты сама покинешь это заведение, не дожидаясь моего вмешательства, ведь ты у меня, доченька, уже совсем взрослая, очень умная и очень красивая, прямо как твоя покойная мама.

Уронив скупую мужскую слезу, он поспешно удалился в дом.

В течение двух недель Эльнара каждый день прибегала к небольшому домику, окрашенному в веселый ярко-желтый цвет, где должны были проходить будущие занятия. Заглядывала за увитую плющом изгородь, надеясь увидеть хоть что-то, что пролило бы свет на тайну, витавшую вокруг Школы красоты, но за плотно задернутыми занавесками не угадывалось никакого движения, словно дом был необитаем, и это еще более подогревало желание попасть внутрь.

Пятнадцатого октября все архотцы от мала до велика направились на мейдан — городскую площадь, где проходили праздничные мероприятия и народные собрания. В тот год осень выдалась на редкость теплой и очень плодородной. Белокаменный город, как называли хоршики Архот из-за того, что практически все дома в нем были из белого кирпича, украсили цветами, разноцветными лентами, спелыми колосьями пшеницы, ветками завезенного из далекой Персии вечнозеленого кипариса. Нарядные люди, позабыв о трудностях недавней страды, веселились, шутили в предвкушении увлекательных состязаний

борцов, стрелков из лука, скакунов, где наездниками были шести-семилетние мальчуганы, ловко управлявшиеся сноровистыми конями. Улыбались даже вечно хмурые от монотонной и кропотливой работы ремесленники, сняв с себя пыльные кожаные фартуки и помолодецки расправив обычно согбенные плечи.

На улицах Архота царил Праздник урожая.

Эли, собрав корзинку с праздничным угощением, направилась к заветному домику. Посреди уютной лужайки, укрытой от посторонних глаз ветвистыми деревьями, на расстеленных коврах уже сидели шесть или семь девушек и женщин. При входе в сад Эльнару встретила молчаливая, удивительно пластичная девушка с карими глазами и чуть смущенной улыбкой на губах. Ее платье из белой ткани, обернутой вокруг тела и застегнутое на груди бирюзовой пряжкой, оставляло руки и плечи открытыми. На ногах были надеты легкие зеленые сандалии, почти сливавшиеся с травой. Расценив ее кивок, как приглашение, Эли присоединилась к группе местных жительниц.

Здесь были дочери кузнеца Байсугура — сестры Залиха и Гузалия, первой из которых недавно исполнилось девятнадцать лет, вторая была на год моложе. Несмотря на разницу в возрасте, они были похожи, словно близнецы. Обе приземистые, крепко сбитые, смуглые, с широкими низкими лбами и узкими, как дверная щель, глазами. Обе не замужем. Опираясь на высокую, туго набитую перьями подушку сидела понурая Хафиза — полная двадцатидвухлетняя белотелая женщина, которую, благодаря ее размытым формам, издали можно было принять за большой мешок с мукой, не столь давно оставленная мужем, отправившим ее в родительский дом после шести лет совместной жизни. Как всегда держалась особняком Рамия — двадцатилетняя местная красавица, которую почему-то никто не брал в жены. Куда-то отрешенно глядела Амина — вдова погонщика верблюдов Абунасыра, три года назад скончавшегося в результате неудачного падения с лошади, по которому безутешная молодая женщина продолжала носить траур. Была еще круглая сирота Магрифа — немного конопатая девушка со светло-каштановыми волосами и голубыми доверчивыми глазами. Поговаривали, что ее покойная мать была славянкой, которую спас из плена жестоких горцев отважный хоршикский юноша Хаким. Он увез ее к себе на родину, женился на юной красавице с добрым нравом, после чего зажили они дружной семьей. Родилась у молодых дочь, и все было бы хорошо, если б однажды в сильную майскую грозу не попала в их маленький дом, стоявший на отшибе, молния. В один миг она осиротила трехлетнюю Магрифу, в тот злополучный вечер гостившую у бабушки, которая и вырастила ее. Немного погодя подошли еще несколько незнакомых Эли девушек, по-видимому, с окраин Архота, где, как правило, селились переселенцы с близлежащих деревень и соседних городов. Все вели себя довольно скованно, не зная, о чем говорить друг с другом и куда девать не занятые привычным вышиванием руки.

Вдруг раздался красивый грудной голос:

— Михрам! Запри калитку, уже полдень. Кто хотел прийти — тот пришел, остальные пусть пеняют на себя.

На высоком крыльце, с украшенным вырезанными из дерева бутонами роз, стояла статная женщина с царственной посадкой головы и гордым разворотом красивых, но немного мускулистых плеч. Она имела удивительные желтовато-зеленые глаза, опущенные густыми, но короткими ресницами. Ее нельзя было назвать ни полной, ни худой, ни старой, ни молодой — скорее, женщиной в самом соку. Ее нельзя было назвать красавицей, но ее облик вновь и вновь притягивал взгляд неподражаемым изяществом и абсолютной

уверенностью в себе, какую обычно дает высокое происхождение или богатый жизненный опыт. Незнакомка была одета в серебристое платье свободного покроя с низкой горловиной и обнаженными до плеч руками, под которым угадывалось стройное упругое тело.

Она спустилась с крыльца с грациозным достоинством и чудным голосом произнесла:

— Меня зовут Софи. Начиная с этого дня дважды в месяц я буду проводить занятия в основанной мною пять лет тому назад Школе красоты. Ее слушательницами вы возымели похвальное желание стать, предпочтя пустому времяпрепровождению, каковым я обычно именую народные гуляния с их бестолковой суетой и мелкими, сиюминутными радостями. Похвально ваше стремление приобщиться к подлинно прекрасным вечным ценностям, одной из которых является красота в самом широком смысле этого слова. Наставница непринужденно опустилась на ковер, одарив собравшихся благожелательной улыбкой, в которой сквозила легкая грусть, а может быть, меланхолия.

— Подлинная красота — это не есть красивое лицо и безупречной формы тело, — продолжила она, остановив почему-то внимательный взгляд на Эли, по возрасту оказавшейся самой юной среди новоиспеченных слушательниц. — Это всего лишь оболочка, которая имеет обыкновение со временем изнашиваться. Но каждая оболочка всегда имеет свое содержание, и именно оно определяет настоящую внутреннюю красоту или же свидетельствует об ее отсутствии. При желании каждый человек способен воспитать в себе это очень ценное качество, как взращивают, например, редкий цветок, требующий особого ухода — терпеливо, шаг за шагом, прислушиваясь к своему внутреннему «я». О том, как это можно осуществить на практике и какую роль может играть красота в нашей конкретной жизни, мы и будем, в частности, обсуждать на наших занятиях. Но для начала нам нужно поближе познакомиться друг с другом, и немного подкрепиться.

Услышав последние слова, слушательницы, в большинстве мало понимавшие диковинную речь Софи, оживились и принялись выкладывать из корзинок на расстеленную перед ними молчаливой девушкой по имени Михрам скатерть захваченное из дома угощение. За обедом все стали вести себя немного свободнее, слышались шутки, смех, некоторые из девушек по случаю праздника пригубили вина. Расхрабренная голубоглазая Магрифа, с молчаливого одобрения подруг, обратилась к наставнице с просьбой рассказать о себе.

Софи коротко поведала, что она родилась в Греции в небольшой деревушке близ Афин. Ей было одиннадцать, когда однажды на их селение напали испанские пираты. Связав ни в чем не повинных людей, они погнали их к судну, на котором развеялся злобный флаг с изображением скрещенных костей и человеческого черепа. Отец Софи попытался оказать сопротивление, но был безжалостно убит вместе с женой, а их дочь, как и десятки ее соплеменников, попала в плен. От живописного села, утопавшего в зелени, остался лишь пепел. Пираты намеревались продать захваченных пленных испанским плантаторам, нуждавшимся в дешевой рабочей силе.

Свободолюбивых детей Эллады ожидала незавидная участь, однако в одну из темных ночей у берегов Рима пиратский корабль натолкнулся на риф. Все погибли, лишь одна Софи чудом осталась жива. Ее вынесло сильной волной на берег, где обессиленную девочку обнаружил Риккардо, житель рыболовецкой деревушки. Он принес ее в дом, безмерно обрадовав жену Мари, страдавшую от отсутствия в их семье детей. Добрые веселые люди, они окружили маленькую гречанку заботой и лаской, научили понимать и ценить истинную красоту. Софи отвечала им любовью, но, увы, спустя шесть лет, отравившись

недоброкачественной рыбой, приемные родители умерли. Софи осталась одна на всем белом свете. Не в силах оставаться в том месте, где все напоминало о тяжелой утрате, девушка отправилась постигать мир.

Она побывала во многих странах, приобретая знания и не задумываясь о смысле человеческого бытия. Казалось бы, должна быть счастлива или хотя бы довольна своей судьбой, позволившей осуществить давнюю детскую мечту — познать мир. Однако ее все время не оставляла в покое мысль: почему в ту душную июльскую ночь Бог спас ее, когда все остальные, находившиеся на корабле люди, пошли ко дну? Ответ Софи искала в католических соборах и буддийских храмах, у берегов Средиземного моря и Тихого океана, в долгих беседах с убеленными сединою старцами. Внимательно наблюдала за невинными малыши.

Путешествуя по миру, размышляя о прошлом и пытаясь заглянуть в будущее, дочь древней Эллады вникала в основу мировоззрения эллинов и постепенно поняла, что предназначение женщины не только в рождении детей и поддержании огня в домашнем очаге. Истинная женщина должна быть олицетворением красоты — и духовной, и внешней, способной подвигнуть воинственных мужчин к благородному созиданию во имя мира и жизни. Этим своим знанием Софи, перед глазами которой все еще стояла картина ее родного разрушенного и разграбленного пиратами селения, стремилась поделиться как можно с большим количеством женщин. Вот она и основала Школу красоты.

— Я была во многих странах, — произнесла Софи, при этом ее необыкновенные глаза под сенью листвы отливали чудным изумрудным блеском, — по меня всегда особенно привлекал Восток своей непохожестью на остальной мир. Здесь уживаются друг с другом понятия и явления совершенно несовместимые и даже абсолютно противоположные. Тут высоко ценится хорошая поэзия, во всем присутствует утонченный вкус, но при этом чудовищно-жестокие наказания за малейшую провинность воспринимаются всеми в порядке вещей. Утопающие в зелени города с изумительной архитектурой соседствуют с бесконечной, почти пустынной, ужасающей в своем величии степью. Восточный мужчина всегда повелитель, безраздельно властвующий в доме, а женщина — лишь прах у его ног, который в любое мгновение могут втоптать в землю. И тем не менее вы — двенадцать представительниц славного Архота, вопреки суровым обычаям, пришли в Школу красоты, как и жительницы соседних городов: Кунгира, Табура, Жартопа, куда я также буду выезжать для проведения занятий. Мне интересно узнать, из каких побуждений вы это сделали? Может быть, Залиха ответит на этот вопрос? — обратилась наставница к старшей из дочерей кузнеца Байсугура. Но, заметив, что та засмушалась, повернулась к младшей сестре:

— Или ты, Гузалия?

Сестры переглянулись и хором ответили:

— Чтоб выйти замуж.

Заметив недоумение, промелькнувшее в глазах Софи, бойкая Гузалия пояснила:

— На Востоке девушка должна стремиться выйти замуж, чтоб не огорчать родителей, да и не остаться одной под старость лет, а нас с Залихой все никто не берет. Вроде бы и приданое у нас неплохое, и родители наши здесь издавна живут, — она скосила глаза на переселенок с окраины, — уважением среди горожан пользуются, но замуж выйти никак не получается. Уж плакали мы с сестрицей, горевали и вдруг услышали о Школе, которая может сделать нас такими раскрасавицами, что от женихов отбою не будет. Ну, и пришли сюда, авось повезет, — подытожила свой рассказ дочь кузнеца Байсугура.

Красавица Рамия тонко улыбнулась. Софи посмотрела на нее:

— Что ты, Рамия, скажешь?

— Сами видите, сестры дорогие: все при мне, однако и меня мужчины обходят стороной. Мачеха моя отцу уже все уши прожужжала, говорит, будто я порченная какая-то, ест меня поедом, уж скоро белый свет мне будет не мил. Не знаю что и делать. Решила к вам прийти, узнать, что мужчины хотят видеть в женщине, чем их можно завлечь. Вот у меня соседка, Саня, худая, черная, как кочерга, смотреть не на что, а муж на нее всегда влюбленными глазами смотрит, наряды разные покупает, обращается так ласково, что у меня сердце ноет. Наверное, знает она что-то, что мне неизвестно.

— А ты, Хафиза, почему такая печальная? — участливо спросила красавица-гречанка у двадцатидвухлетней полной белокожей архотки, что не так давно осталась без мужа.

— Со мной муж развелся, — запричитала Хафиза. — Велел однажды мне собрать вещи, потом посадил в арбу и привез в родительский дом, трижды произнес: «Талак», — это у нас так положено при разводе, — сделала она пояснение для чужестранки, — и осталась я одна, без мужа и без сына. Отец с матерью бранятся, говорят, что хороших жен мужья не оставляют, хотя я-то чем плоха? — недоуменно обратилась несчастная женщина к другим слушательницам. — Шесть лет жили душа в душу, и в один день ничего не стало, а ведь я еще молода. Может, вы мне чем поможете? — с надеждой посмотрела она на наставницу. — Я бы за вас всегда молилась Аллаху.

— Скажи мне, Хафиза, — вопросом на вопрос ответила Софи. — Как ты выглядела, когда только вышла замуж?

Удивленная подобным вопросом, толстوشка огляделась по сторонам и ткнула пальцем в Эли:

— Я была почти такой же, как она. Потом родила ребенка, немного изменилась, пополнела, — скромно заметила Хафиза и тут же поспешно добавила: — В нашем городе, да и, наверное, во всем ханстве тоже, полные женщины пользуются уважением. По такой сразу видно, что не голодает, муж не обижает.

— А нравится ли твоя полнота мужу, ты его об этом не спрашивала? — вкрадчиво произнесла Софи.

— Он мне ничего не говорил и вроде бы всегда был мной доволен, зачем бы я задавала ему лишние вопросы? — растерялась Хафиза, чувствуя себя уже не слишком уверенно.

— В том-то и дело, что «вроде бы был доволен», — заметила наставница. — Раз он женился на тебе, значит, ты ему нравилась, но — стройной привлекательной девушкой. А вышла замуж и махнула на себя рукой. Поймите, полнота есть признак нездоровья, а не благополучной жизни, от нее нужно избавляться. Помните, мужчины — от природы сдержанный народ, они редко высказывают вслух свои желания и мысли. Истинная женщина должна уметь угадывать их и даже предугадывать, только тогда она будет всегда желанной и духовно близкой. Что же касается затронутого в сегодняшней беседе вопроса, то мужчинам, как правило, нравятся женщины, имеющие приятные округлые формы, к коим и нужно стремиться, если мы хотим завоевать или вернуть себе любовь мужа. Не сомневаюсь, что он обязательно оценит эти усилия, — одобряюще улыбнулась она Хафизе.

Все остальные слушательницы также страдали от своей неустроенности, кое-кто хотел скрасить благодаря занятиям в Школе красоты однообразные будни, избавиться от чувства одиночества и приобрести уверенность в себе.

— Что тебя привело к нам, юная красавица? — обратилась Софи к Эльнаре, когда все

прочие женщины и девушки высказались.

— Сначала — любопытство, — честно ответила Эли. — Но потом, послушав вас, я поняла, что хочу стать истинной женщиной, что это — искусство, которому нужно учиться. Мы живем подчас мелкими заботами и несущественными радостями, не замечая, как стремительно летит время, а ведь есть другая жизнь, есть вещи, ради которых нужно стремиться жить, меняя этот мир, а вместе с ним и себя в лучшую сторону.

— Я рада слышать столь разумные речи, — улыбнулась Софии. — Буду ждать вас на следующем занятии в последний день октября, Кстати, вы можете звать меня просто по имени. До встречи!

Слушательницы засобирались, оживленно переговариваясь между собой, а наставница подошла к Эли и негромко произнесла:

— Милая девочка, даже если остальные девушки по каким-либо причинам перестанут посещать Школу красоты, ты обязательно приходи, я буду проводить уроки для тебя одной.

Когда Эльнара вернулась домой, ее встретила Айша-Биби, буквально кипевшая от негодования:

— Ты что творишь, негодная девчонка? Записалась в какую-то непонятную школу, открытую иноверкой, где девушки пьют вино и учатся всяким гадостям! Позоришь порядочную семью на весь город, совсем от рук отбилась! Чтоб ноги твоей там не было!

— Девушки выпили немного вина по случаю праздника, — упрямо возразила Эли, — а я его и не пробовала. Ничему плохому там не учат, это неправда! Мне лично в Школе красоты очень понравилось.

В этот момент из дома вышел Пехлибей, и мачеха запричитала:

— Хозяин, наставь Эли на путь истинный, она меня не слушает. Как ты можешь ей позволять бесчестить нашу уважаемую семью?

— Помолчи, жена, — резко оборвал ее Пехлибей, — голосишь, будто хоронить кого собралась, не ровен час — накликаешь беду!

После этих слов он обратился к дочери:

— Какие у тебя впечатления, Эли?

— Очень хорошие, отец! У нас прекрасная наставница, — радостно ответила Эльнара. — Она хочет научить нас полезным вещам. Софи так много всего видела и знает, такая умница и красавица, что ее хочется слушать дни напролет!

— Почему бы тебе не пойти в Школу вышивальщиц, куда все дочери нашего соседа Бахтияра ходят, готовя себе приданое? — опять встряла мачеха. — И толку побольше, и от людей уважение.

— Жена, Эли знает, что делает, и хватит об этом говорить! — твердо сказал Пехлибей.

Айша-Биби замолчала, но в душе затаила злость.

Школа красоты внесла совершенно новую струю в жизнь юной и пылкой дочери Пехлибея. Эльнара жила этими удивительными встречами с Софи, щедро делившейся своим богатым жизненным опытом и немалыми знаниями с молодыми жительницами Архота, отправляясь на каждое занятие, как на праздник. Ее прежняя жизнь, заполненная будничными домашними хлопотами и нескончаемой войной с мачехой, казалась лишенной всякого смысла. Лишь на уроках Софи Эльнара окуналась в иной мир, где царили любовь и красота, изысканный утонченный вкус и трезвое отношение к жизни. Философские размышления и практические советы, соседствовали со свободным выражением чувств и мыслей. Тут ее понимали и принимали такой, какой она была.

С наступлением холодов слушательницы перешли в дом, где для занятий была отведена просторная светлая комната. Поначалу их было двенадцать человек, на второй урок пришли десять, потом осталось семь, но уже постоянных слушательниц, обожавших свою наставницу и подружившихся меж собой. Правда, дочери кузнеца Байсугура, сестры Залиха и Гузалия, по-прежнему держались друг друга, но при этом всегда с большим удовольствием принимали участие в разговоре, особенно если его тема касалась женской внешности. Перестала дичиться окружающих красавица Рамия, как оказалось, умеющая заразительно смеяться и весело шутить. Она начала довольно тесно общаться с похудевшей и похорошевшей Хафизой, которую, по слухам, стал навещать в родительском доме муж, и как будто бы даже собирался взять ее обратно в жены. Во всяком случае, еще недавно неуклюжая и невеселая толстуха буквально на глазах превратилась в оживленную и внешне вполне благополучную женщину. Спустя три с лишним года сняла с себя столь угнетающе действовавшее на всех траурное платье вдова погонщика верблюдов Абунасыра Амина, удивив подруг хорошим вкусом и мягкой обаятельной улыбкой, от которой теплело на душе. Она увлекалась шитьем и нередко во время перерывов уединялась с помощницей Софи — девушкой по имени Михрам, имевшей славу искусной мастерицы, но чья печальная история повергла в ужас всех слушательниц.

Ученицы Софи долго не могли понять, почему Михрам, такая милостивая и приятная девушка, все время молчит. Ее нельзя было назвать глупой или чересчур робкой, но тем не менее она всегда упорно молчала, пленяя всех без исключения своей восхитительной улыбкой. Ее миндалевидные глаза хранили в себе грусть, а может быть, и тайну. Однажды, в отсутствие Михрам, их наставница рассказала, в чем причина ее постоянного молчания. Как оказалось, Михрам была родом из Египта. Оставшись круглой сиротой в тринадцать лет, нанялась служить в богатый дом одного каирского вельможи. В скором времени смысленная девочка стала приближенной его любимой жены. С ней хорошо обращались, одевали в красивое платье, обучили тонкостям рукоделия и грамоте. Михрам была по-своему счастлива, как вдруг однажды, на свою беду, она случайно узнала какую-то страшную тайну семьи. Господин из милости сохранил девушке жизнь, но, дабы она не проговорилась, велел отрезать ей язык. Красавице-египтянке было тогда восемнадцать лет. Она ушла от жестокосердных господ, но, не в силах вынести моральных страданий, отправилась к древним пирамидам, надеясь найти там душевное успокоение, а если не получится, то заживо схоронить себя в склепе. У одной из таких усыпальниц фараонов и обнаружила ее случайно Софи, в то время проживавшая в Египте. Ей удалось вдохнуть в девушку

стремление к жизни, убедить ее поверить в себя, и с тех пор Михрам не расстается с наставницей. Не раз мужчины, прельстившись внешностью и добрым нравом молодой египтянки, хотели взять ее в жены, невзирая на физический изъян, но Михрам всем отказывала, сохраняя преданность госпоже, спасшей ей жизнь. Они научились прекрасно понимать друг друга с помощью жестов и взглядов, и вот уже почти пять лет Михрам повсюду сопровождает Софи.

Слушательницы искренне посочувствовали бедной девушке, а очень впечатлительная по натуре Амина, прежде считавшая себя самой несчастной женщиной на земле после утраты любимого мужа, поразила сила духа Михрам и теперь старалась чаще бывать с нею, благо у них нашлось общее увлечение.

Немало общего нашла и Эльнара со смешливой доброжелательной Магрифой, которая была старше ее на два года. Девушки вместе приходили на занятия, встречались и за пределами Школы, оживленно обсуждая темы предыдущих уроков. Одно лишь обстоятельство огорчало Эли: весной подружка должна была выйти замуж, после чего ей предстояло покинуть Архот. Одному Аллаху было ведомо, свидятся ли они еще.

Между тем, их наставница на вопрос Рамии, очень привязавшейся к Хафизе, как ей, постоянно разъезжающей по разным странам, удастся поддерживать отношения со своими подругами? — коротко ответила: что у нее нет подруг. Удивленные и вместе с тем заинтригованные ученицы попросили наставницу подробнее высказаться на тему дружбы. Софи согласилась.

— Что есть дружба? — начала она. — Это абсолютно искренние и необходимые отношения между людьми. Вы согласны? — обратилась Софи к ученицам, после чего продолжила: — А теперь посмотрим, к кому это определение подходит. Рассмотрим три варианта: мужская дружба, женская и дружба между мужчиной и женщиной. На мой взгляд, мир мужчин испокон веков держится на трех китах: сила духа, ум и взаимовыручка. Мужчины способны действительно ценить, уважать друг друга и доверять друг другу. Естественно, в каждом правиле бывают исключения, но правило на то и правило, что относится к большинству. В данном случае это означает, что мужское братство имеет место быть, и только две вещи на свете могут заставить мужчину отступить от него — когда голос инстинкта говорит в нем сильнее голоса разума, когда разгорелась борьба за власть и соперничество за женщину. Женщины, напротив, в силу своей меньшей занятости в жизни общества и соответственно определенной ограниченности мировоззрения, в подавляющем большинстве своем заинтересованы, образно говоря, в уничтожении друг друга. Ради приобретения чувства собственной значимости и уверенности в себе, ради какой-либо выгоды или лестного для нее мужского внимания. Женщина нередко способна пойти на ложь и предательство, без особых угрызений совести переступить порог нравственности. Независимо от количества прожитых лет, женщины всегда соперничают друг с другом по любым поводам, отрицая основное правило дружбы: право на равенство. Скажем, жизненные неудачи подруги приносят женщине такую радость, с которой не может сравниться даже любовь. В собственных же несчастьях она, как правило, винит кого угодно, но только не себя. Наличие приятельских отношений в женской среде объясняется не духовной связью, что предполагает подлинная дружба, а удовлетворением инстинктов природы, возможностью обсудить что-либо или кого-либо. А еще — в плетении интриг и прочих малоприятных вещах. Что же касается искренности — третьего аспекта дружбы — то женщине зачастую это качество вообще неведомо. Все вышесказанное означает, что женской

дружбы в природе просто не может быть, а если она и встречается, то это скорее исключение.

Софи помолчала, а потом продолжила:

— Теперь о дружбе между мужчиной и женщиной.

С точки зрения физиологической и психологической разности полов этот вариант можно было бы назвать идеальным в силу характерной для него взаимодополняемости. Однако, к сожалению, встречается он достаточно редко, поскольку дружеские отношения мужчины и женщины, возникающие на стадии знакомства, рано или поздно переходят на более высокую ступень — любовь, или же распадаются вовсе из-за невозможности одной из сторон ответить на чувства другого.

В заключение наставница сказала:

— Я высказала вам свои взгляды относительно дружбы, сделанные мною на основе многолетних наблюдений и практического опыта. Возможно, кого-то из вас они разочаровали, кому-то показались чересчур категоричными, но таково мое мнение. А ваше право — принимать его или нет. Если бы лет пятнадцать назад я владела бы этим знанием, то наверняка мне удалось бы избежать многих ошибок и разочарований в жизни. Что ж, у каждого свой путь познания мира, но, как бы то ни было, я ни о чем не жалею.

Не жалела Софи также сил и времени для Школы красоты, стремясь как можно полнее и ярче донести свое видение мира и разнообразные знания до благодарных слушательниц, внимавших каждому ее слову. Она знакомила их с особенностями культуры и национальных традиций, направлениями женской моды и отношениями между мужчинами и женщинами в разных странах света. Нередко на уроках они читали друг другу стихи, пели песни, играли на музыкальных инструментах, окунаясь в прекрасную атмосферу искусства. Каждое занятие воспринималось ученицами подобно откровению, позволявшему им лучше узнать себя и понять окружающий мир. Но истинный интерес у них всегда вызывали уроки, прямо или косвенно затрагивавшие тему любви.

Сестры Залиха и Гузалия, наследницы уважаемого в городе трудолюбивого и умелого кузнеца Байсугура, и дочь владельца небольшой кожевенной мастерской Рамия, мечтавшие поскорее выйти замуж, все допытывались у Софи, что должна знать и уметь женщина, чтоб привлечь внимание мужчины?

— Помнишь ли, Рамия, — обратилась однажды наставница к красивой двадцатилетней архотке, — как на нашем самом первом занятии ты рассказала о своей соседке по имени Саня, с которой, по твоим словам, муж никогда не сводит влюбленных глаз и которую ты в сердцах сравнила с кочергой? Месяц назад мне довелось ее увидеть в ювелирной лавке, что рядом с городской площадью. Она действительно худенькая и очень смуглая женщина, но вот обращала ли ты когда-нибудь, Рамия, внимание на ее легкую красивую походку, на ее чудную улыбку, от которой как будто бы исходит сияние? Саня, может быть, и не красавица, но в ней есть одно неоспоримое достоинство — безупречная женственность, проявляющаяся буквально во всем, начиная с улыбки, взгляда и заканчивая походкой. Почему бы мужу, чувствующему себя рядом с ней настоящим мужчиной, не любить ее?

Кстати, о походке, уж коли мы заговорили на эту тему. На Востоке, где женщины традиционно носят покрывало на голове, она имеет особенно большое значение в характеристике внешнего облика. Правда, здесь, в Хоршикском ханстве, в отличие от других восточных стран, женщины не закрывают лица, но тем не менее покрывало создает определенное неудобство для мужчин, пытающихся составить себе представление о той или

иной женщине. Походка способна сказать очень многое о своей обладательнице, но многие женщины этого не понимают и ходят абы как. Одни семят, словно японки, а между тем то, что красит женщин одной национальности, впитавших в себя с молоком матери определенную внутреннюю культуру, вовсе не обязательно должно подходить другим. Вторые, подобно мастерам, движутся размашистым, мужским шагом. Третьи переваливаются, как утки. Четвертые топают, будто слоны. Пятые виляют бедрами и так далее. Недостатков не счесть, но не будем тратить на них время, лучше займемся практическим обучением.

Рамия и Гузалия, возьмите в руки подносы с сушеными яблоками, подойдите теперь к противоположным стенам. Не смущайтесь, здесь все свои. Голова, плечи, ягодицы и пятки ног должны касаться стены. Пойдите так немного, привыкните к этому положению тела. Хорошо, а теперь сделайте шаг вперед и поставьте на голову поднос, идите навстречу друг другу и старайтесь не уронить яблоки. Сначала движется бедро, самое соблазнительное место на теле женщины, привлекая к себе необходимый вам мужской взгляд, потом в работу включается колено, красиво обрисовываясь под платьем, спустя доли мгновений к нему присоединяется ступня, обутая в туфельки на каблуке, призванная задержать тот самый взгляд. Дошли до стены, развернулись, взяли в руки подносы, и вновь ваши плечи, ягодицы и пятки ощущают приятную прохладу стен, постояли и снова в путь с подносом на голове. Рамия, держи свободной руки. Гузалия, втяни живот. Девушки, старайтесь идти легче, представьте, что вы находитесь на лугу, вас овеивает ласковый ветерок, нежарко светит солнце, птицы только для вас сейчас поют свои трели. Дышите этим свежим воздухом, радуйтесь прекрасному дню, цените свою молодость. Ну что ж, для начала неплохо. На следующем занятии мы вновь вернемся к этому упражнению, а теперь поговорим о другой составляющей женской красоты — об улыбке.

Софи обворожительно улыбнулась.

— Здесь нет ничего сложного, правило одно: улыбка всегда должна быть искренней, а иначе в ней просто нет смысла. Вот я, например, не понимаю людей, которые лгут. Для меня ложь сродни грязи, такая же противная и липкая, и если вдруг по каким-то причинам у меня нет возможности сказать правду, я лучше промолчу, но ни за что не стану лгать. Неискренняя улыбка — та же самая ложь, но уже написанная на вашем лице. Если у вас нет желания улыбаться, не делайте этого, будьте самими собой, вы не обязаны всегда находиться в хорошем настроении. Конечно, не стоит выходить к людям с мрачным лицом, лучше побыть в это время в одиночестве, не спеша обдумать вещи, которые привели вас в подобное расположение духа. Сами не заметите, как все встанет на свои места, главное — улыбайтесь, если только вам действительно этого хочется. Упражняться перед зеркалом я бы вам не советовала: искренняя улыбка и обаяние всегда ходят рядышком друг с другом, составляя основу красоты любой женщины, независимо от возраста и прочих данных.

— Уважаемая Софи, — встряла нетерпеливая Гузалия, — вот я, к примеру, правильно ходить уже научилась. По поводу своей улыбки ничего сказать не могу, но, наверное, она не слишком привлекательная, потому как губы у меня тонкие и твердые, плохо растягиваются. Кому хорошо, так это Эльнаре: губки у нее пухлые, красивые, словно спелый персик, ей улыбка всегда идет, даже когда она задумается вдруг, а ты начинаешь ее тормозить, Эльнара улыбнется, и кажется, что это солнышко выглянуло из-за хмурых туч. Правда, зато я не такая худая, как она, да, наверное, у каждой из нас есть что-то свое, особенно хорошее. А вот что еще нужно иметь женщине, чтоб вызвать к себе любовь мужчины? Может быть, есть какие-

то секреты?

— Начнем с того, Гузалия, — ответила наставница, — что правильно ходить ты еще все-таки не научилась, для этого требуется время. Для хорошей улыбки форма губ по большому счету не так важна, главное, что улыбка исходит из вашего сердца, в ней нет наигранности, фальши. Что же касается любви, то мужчина проникается этим трепетным чувством к женщине не из-за ее походки, улыбки или внешности в целом. Это все просто способно привлечь его внимание, а вот любит он в женщине ее душу.

Любовь — прекрасное чистое чувство, всегда пробуждающее в человеке самые благородные качества и искренние порывы, но по-настоящему счастливой можно назвать только взаимную любовь, когда мужчина и женщина составляют одно неразделимое целое, а этому нужно учиться, и порой — многие годы. Впрочем, у вас, девушки, все еще впереди.

— Но для того, чтобы полюбить человека, его сначала нужно узнать, верно? — задумчиво обронила Рамия. — А что я могу сделать, чтоб привлечь и удержать к себе внимание очень понравившегося мне мужчины? Как я должна поступить, чтобы он выбрал меня из всех остальных женщин?

— Существует легенда, — издалека начала Софи, — что в давние-давние времена мужчина и женщина составляли одно целое, то есть находились в одном теле, но потом Бог разделил их, и с тех пор две половинки ищут друг друга, чтобы вновь воссоединиться. У каждого из нас есть на земле своя половинка, просто нужно время, а главное — желание найти ее. Когда ты встретишь, Рамия, мужчину, в ком будешь нуждаться больше жизни, кто станет тебе ближе родных отца с матерью, за кем ты будешь готова пойти хоть на край света, сердце само подскажет и тебе, и ему, что вы и есть те самые две половинки, созданные ради друг друга.

Всех нас ведет по жизни голос разума: мы стараемся не совершать поступков, за которые впоследствии нам было бы стыдно, мы не делаем вещей, способных доставить нам физическую или душевную боль, поскольку великий разум подсказывает нам, что для нас хорошо и что плохо, но сделать нас по-настоящему счастливыми может только голос нашего маленького, но искреннего и надежного сердца, не бойтесь следовать ему, и тогда все получится, он не подведет.

— Софи, вы знаете, что в скором времени я должна выйти замуж, — немного смущаясь, произнесла Магрифа. — Мне очень повезло, потому что это брак по взаимной сильной любви. Я часто представляю себе свою будущую семейную жизнь, то, как я буду вести себя с мужем, чтобы между нами никогда не возникало обид и непонимания. В этих мечтах все выглядит красиво и романтично, но ведь человеческая жизнь — это всегда долгий и сложный путь, на котором всякое может произойти. Что я должна знать, чтобы муж не остыл ко мне, чтобы я оставалась для него любимой и желанной женщиной даже спустя двадцать или тридцать лет, чтобы мы не расставались?

— Милая Магрифа, — ответила наставница, — ты затронула вопрос, который очень волнует многих женщин, и тех, кто уже замужем, и тех кто, как и ты, только собирается это сделать. Если на мужчине всегда лежит ответственность за решение вопросов, от которых зависит мир и благополучие на земле, будь это правитель страны или обычный человек, чей ум и упорство в достижении поставленной цели незаметно меняют нашу жизнь к лучшему, то женщина создана для любви. Это уже потом она — жена, мать, хранительница домашнего очага. А прежде всего любая женщина, независимо от возраста, должна помнить о своем наиглавнейшем предназначении — любить мужа искренне, сильно, самозабвенно, так,

чтобы он, в свою очередь, любил и желал только ее, сколько бы времени ни прошло со дня их свадьбы.

А когда у вас появятся дети, помните, что они — самостоятельные люди, которые вырастут и заживут своей собственной жизнью, отдавшись при благоприятном стечении обстоятельств, как и вы когда-то, в упоительный плен восхитительного чувства под названием «любовь». Жизнь всегда идет по кругу, и как бы вы ни любили своих детей, при всем желании вы не сможете заменить им человека, предназначенного самой судьбой, как не сможете забрать себе их болезни и уберечь от ошибок и разочарований. У каждого живущего на земле свой неповторимый путь. Бог наградил женщину способностью дарить миру новую жизнь, но с самого своего рождения — это другая жизнь, которая, едва настанет час, захочет найти свою половинку. А вы, что бы ни происходило в вашей судьбе, любите и берегите свою, уж коли выпало вам счастье встретить ее.

К сожалению, человеку свойственно заблуждаться. Желая удовлетворить тщеславие, он нередко, позабыв о вечных ценностях, о любви и красоте души, стремится к ложным, преходящим ценностям. Он направляет всю энергию тела и силу ума на приобретение какой-либо власти или денег, не понимая очевидной истины, что в назначенный час он возьмет с собой в могилу только свое тело — бедное усталое, недополучившее при жизни любви и ласки. В смерти, как таковой, я не вижу трагедии, поскольку она является закономерным итогом всего сущего на земле, но жизнь, прожитая в ничтожной суете, не освященная божественным светом любви, мне представляется действительно трагичной.

Слушательницы притихли, осмысливая услышанное. Наконец, Эли решила нарушить тишину:

— Насколько я вас понимаю, Софи, настоящая любовь встречается в жизни лишь однажды? Но если я ошибусь, приняв за любовь чувство влюбленности, могу ли я надеяться на то, что истинная любовь еще встретится на моем пути? Что меня поймет и простит мужчина, которому я решусь вверить свою судьбу?

— Вряд ли на земле найдется хоть один человек, кому удалось бы избежать ошибок в жизни, особенно, когда дело касается любви, — просто ответила наставница. — По большому счету я считаю, что подлинная любовь — это заслуженная привилегия зрелости. Когда за плечами жизненный опыт, когда мы действительно способны в полной мере оценить этот чудесный дар судьбы, когда мы наслаждаемся не тем, что нас любят, а тем необыкновенно-сильным и чистым чувством, что испытываем мы сами по отношению к другому человеку. Однако юности, с ее пылкостью и безоглядностью, свойственно влюбляться, а порой ошибаться. Ошибаться не только в любви — на то она и юность.

Конечно, каждая девушка должна стремиться подарить как любовь, так и свою невинность первому и единственному в ее жизни мужчине. Но если вдруг этого не случилось, нужно продолжать верить, что вы еще обретете свою половинку, и она вас поймет, а значит, простит и примет такой, какая вы есть. Мысль способна обретать форму, и если вы чего-то сильно желаете, то рано или поздно ваше желание сбудется.

Жизнь многообразна. Не бойтесь падений. С благодарностью, но без гордыни принимайте удачу. Помните всегда — и когда вам будет смертельно больно, и когда радость вознесет вас в заоблачные выси, — что все на свете преходяще, но любовь вечна. В ней одна из смыслов человеческой жизни.

Софи попрощалась с ученицами до следующей встречи, однако вскоре выяснилось, что это было их последнее занятие. Никто ничего толком не знал. Поговаривали, что наставница

получила издалека какое-то чрезвычайно важное известие, вынудившее ее в течение одного дня собраться и выехать за пределы ханства. Никто не знал, вернется ли она. Софи исчезла из Архота так же неожиданно, как и появилась в нем.

Близился к концу март. Природа медленно пробуждалась после зимнего сна. Все живое тянулось к ласковому весеннему солнцу, но Эли, потрясенная внезапным отъездом наставницы, встречи с которой стали для нее насущной необходимостью, казалось, не замечала происходящих перемен. Она впервые почувствовала острую боль потери.

Коварство Айша-Биби

На Востоке говорят: «Беда не стучится в калитку, а всегда приходит непрошеным гостем». Не успела Эльнара оправиться от удара, каким для нее стал отъезд Софи, в которой она видела идеал женщины, повлекший за собой закрытие Школы красоты, как вдруг произошло событие, повлиявшее на ход всей ее последующей жизни.

Однажды ночью Эли проснулась от негромкого разговора, происходившего под окном. Выглянув на улицу, она едва не вскрикнула от страха и неожиданности. Лет восемь-десять назад во дворе их дома отец построил специальную печь для выпечки лепешек, которую она каждое утро растапливала. Но сейчас — глубокой ночью — из печи шел дым. Рядом стояла мачеха, негромко переговариваясь с незнакомой высокой и худой старухой, закутанной с головы до пят во все черное. Она сосредоточенно смотрела на огонь, разгоравшийся под треножником, установленным на печь. На треножнике стояла кастрюля, из которой валил густой пар.

Не отрывая глаз от яркого огня, старуха медленно шевелила узкими, словно нитки, губами, при этом ее худое темное лицо, испещренное множеством глубоких морщин, выражало такое омерзительное удовлетворение, что Эли еще больше испугалась. Сначала она хотела броситься к отцу, чтобы рассказать о странных вещах, происходящих в их доме, но, вспомнив, каким уставшим он выглядел накануне, решила отложить разговор до утра. Девушка еще немного постояла у окна, а затем, продрогнув от ночной прохлады, отправилась в постель и тут же уснула.

Наутро мачеха, отведя взгляд в сторону, сообщила ей, что отец немного приболел и просил в ближайшие дни не беспокоить его. Вспомнив ночной эпизод, насмерть перепуганная Эльнара бросилась к мужской половине дома, но у входа стоял сын Айша-Биби Заир, категорически отказавшийся пропустить ее к больному. Эли обратилась за помощью к тетушке Айзаде, но и родную сестру мужа не допустила суровая Айша-Биби к Пехлибею, нежданно-негаданно оказавшемуся заточенным в четырех стенах. Несчастливая девушка билась подобно птице, пойманной в сеть, но никто не мог помочь ей.

Спустя пять долгих дней мачеха сказала Эльнаре, что ее отец наконец-то выздоровел. Не помня себя от счастья, девушка стрелой метнулась к мужской половине дома. На невысоком крыльце, украшенном затейливой резьбой, в белоснежной сорочке, подчеркивавшей бледность его осунувшегося лица, стоял Пехлибей.

К удивлению Эли, он не поцеловал ее, как обычно, не погладил по шелковистым черным волосам, даже не улыбнулся ей, а посмотрев на нее каким-то невидящим, отстраненным взглядом, сухо поинтересовался, здорова ли она и, получив утвердительный ответ, не задерживаясь более, направился к калитке. Его широкие плечи, вызывавшие по молодости трепет у всех местных красавиц, поникли, а упругая походка стала шаркающей, как у белобородых стариков. Потрясенная разительной переменой, Эльнара отчаянно закричала вслед: «Отец!» Но Пехлибей не обернулся и даже не замедлил шаг.

Какое-то время ошеломленная девушка с беспомощно протянутыми руками стояла на тропинке, ведущей в дом. Очнувшись от резкого окрика мачехи:

— Долго ты еще будешь стоять, негодница? Увиделась с отцом и хватит с тебя радостей, пора приниматься за работу. Вон коровы до сих пор еще недоенные, куры некормленные, самовар сто лет не чищенный, кто по-твоему будет всем этим заниматься? Уж я-то за свою

жизнь наработалась и, в отличие от тебя, всегда вела себя благонаравно. Я не позорила семью, шляясь по непотребным местам, вроде этой дурацкой Школы красоты, которая, слава Аллаху, наконец-то закрылась и избавила наш достойный город от нечистоплотных деяний и греховных помыслов. Что глаза свои бесстыжие вылупила? Думаешь, я не знаю, что ты, глупая, мнишь себя первой красавицей Архота и втайне мечтаешь о встрече с принцем на белом коне? Айша-Биби знает все на свете! Вот только кому ты нужна, сирота хоршикская или же персидская, это кому как понравится?

Довольная собственным остроумием, мачеха отвратительно засмеялась и, не в силах остановиться, продолжила обвинительную речь, радуясь возможности оскорбить все еще не пришедшую в себя ненавистную падчерицу:

— Думаешь, кто-нибудь, кроме тебя, верит в эти глупые сказки, что твоя покойная мать была персидской принцессой? Да какой отец, и уж тем более падишах, будучи в здравом уме, отдаст по доброй воле свою единственную дочь за такого неудачника, каким всегда был твой отец? Да если б не я, побирались бы вы с ним сейчас по дворам, выпрашивая милостыню и напрашиваясь на ночлег к таким порядочным и добрым людям, как я — почтенная жительница славного Архота Айша-Биби, на чьих плечах вот уж сколько лет держится дом! погоди, вот выдам я тебя замуж, хлебнешь горюшка и нескончаемых обид от мужа со свекровью, и вспомнишь ты тогда мою доброту, пожалеешь, что не ценила людского отношения, да будет поздно.

Мачеха перевела дух.

— Ну что смотришь, негодница? Совсем от рук отбилась, а все из-за этой школы, куда ты бегала почти полгода, и всякий раз рвалась с таким нетерпением, как будто там золото бесплатно раздавали. Говорила я Пехлибею, что не кончится добром эта сумасбродная затея, а он уперся, как ишак: «Эли знает, что делает». Теперь вот его глупая доченька ходит и неизвестно, о чем думает, наслушавшись вздорных речей иноверки, задумавшей подточить устои великого Хоршикского ханства через этих легковерных дурочек. Да где ж такое видано, чтобы порядочные девушки рассуждали про любовь и смели иметь какие-то желания, не испросив на то родительской воли! Да если б эта нечестивая иноверка не уехала вдруг сама, я добилась бы через городские власти, чтобы ее отсюда изгнали с позором. Эта мерзавка запомнила бы до конца жизни.

Услышав последние слова, Эльнара возмутилась гнусной клевете и глупыми речами мачехи:

— Лучше посмотри на себя, кара самовар! Где бы ты сейчас была, если б мой благородный отец три года назад не взял тебя в жены, доверившись мнению родственников, которые, как оказалось, очень заблуждались относительно твоих добродетелей? Не знаешь или не хочешь помнить? А я скажу: ты так бы и продолжала вместе со своим ленивым и глупым сыном побираться по дворам, выпрашивая милостыню и напрашиваясь на ночлег, потому что больше вы оба ни на что не способны.

Посмотри, во что ты превратила наш светлый уютный дом? По всем углам распиханы мешки и корзины с провизией, которая скоро начнет гнить, так как ее не успевают съесть, но ты из-за своей невероятной жадности все продолжаешь принимать подношения от людей, излеченных отцом, хотя от них можно было бы на время отказаться. Ты постоянно докучаешь отцу жалобами на нехватку денег, а между тем скотный двор давно ломится от живности, кладовая не вмещает всех продуктов, сундуки в твоих покоях набиты сукнами и разной одеждой на многие годы вперед, а шкатулка полна драгоценностей. Мой бедный отец

работает не покладая рук, но довелось ли ему хоть раз услышать от тебя доброе слово, увидеть ласковый взгляд?

Как смеешь ты, кара хатун, клеветать на мою наставницу — женщину, красивее и лучше которой я еще не встречала в своей жизни? Вы с ней одного возраста, но ты выглядишь старше ее лет на двадцать. Ты не умеешь красиво двигаться, улыбаться, не умеешь разговаривать. Ты ничего не знаешь, кроме как разносить по округе сплетни да завидовать всякому, у кого хоть на один кошель больше золота, чем у тебя. Ты никого не любишь, и тебя никто не любит. Твоя жизнь напоминает мне копошение червя в навозной яме — такая же нечистоплотная и бессмысленная. Я сегодня же скажу отцу, чтоб он развелся с тобой. Забирай все, что накопила, и убирайся из нашего дома. Ты нам не нужна!

Айша-Биби, давно позабывшая о своей прошлой, очень несчастливой жизни, поначалу хватала ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, не в силах вымолвить ни единого слова, а заодно искала глазами какой-нибудь предмет, которым можно было бы запустить в непутевую голову дерзкой падчерицы, но после последних фраз Эли она неожиданно расслабилась и даже улыбнулась, потом нарочито-смирненным тоном произнесла:

— Что ж, Эли, кое-какая правда в твоих глупых речах есть. Тебе, несмотря на все мои старания и искреннюю заботу, я действительно никогда не была нужна, но ты даже представить себе не можешь, насколько я нужна твоему отцу. Он так сильно любит меня, что скорее согласится выгнать из дома родную дочь, чем разведется со мной. Без меня ему с некоторых пор белый свет не мил, я очень нужна ему!

В узких глазах Айша-Биби загорелся недобрый огонек.

— Я гляжу, после учебы в этой Школе красоты ты слишком много говорить начала, разучилась уважать старших, несешь околесицу. Это сейчас, в пятнадцать-то лет, а что потом будет? Захочешь сесть мне на голову, свесив ноги, или, как только немного окрепнешь,пустишь нас с отцом по миру? Пора тебя выдавать замуж, уж если у отца не получилось, пусть муж займется твоим воспитанием, пока еще не поздно. А сейчас живо на скотный двор, делом надо заниматься, а не языком молоть. Погоди, придет отец, он тебе покажет, как поступают с детьми, не желающими слушать своих родителей.

Эли не верила собственным ушам, но мачеха говорила так уверенно, что на глазах девушки невольно закипели слезы бессилия. Не желая показывать свою слабость, она выбежала на улицу, к речке, у которой с детских лет привыкла находить душевное успокоение. Найдя пустынный уголок, остаток дня она провела там. Ей не хотелось возвращаться в отчий дом, где хозяйничала абсолютно чужая женщина. Но незаметно наступил вечер, и Эли поспешила назад, только сейчас подумав, что отец, наверное, не находит себе места от беспокойства за нее. К ее удивлению, а потом и отчаянию, он сурово отчитал ее за долгое отсутствие и за непослушание Айша-Биби, вынужденной, по его словам, везти на себе весь воз хозяйственных забот, в то время, как его взрослая дочь слоняется целыми днями неизвестно где, оскорбляя своим легкомысленным поведением доброе имя лекаря. После чего отец резко развернулся и ушел, оставив Эли в горьком недоумении.

С того дня Пехлибей, и прежде считавшийся малообщительным человеком, еще больше ушел в себя. Он стал вести себя странно: старался как можно реже выходить из дому, лечением больных занимался, казалось, через силу и без былого сострадания. Разобрал стоявшую среди сада и когда-то самим же построенную беседку, пустив ее на дрова, которых и так у них было вдоволь. Практически перестал общаться с дочерью.

После своей неожиданной и непонятной болезни Пехлибей словно бы потерял вкус к

жизни, пугая Эли, не раз пытавшуюся поговорить с отцом, абсолютным равнодушием ко всему на свете.

Однажды Эльнара навестила тетушку Айзаду, пожаловавшись ей на странное поведение отца и на все более невыносимый характер мачехи, с которой они ссорились по нескольку раз на дню. Погладив девушку по ее длинным красивым косам, тетя грустно молвила:

— Терпи, бедное дитя: и равнодушие отца, и грубость мачехи. Верю, что тебе сейчас очень нелегко, но если ты страдаешь в этой жизни, значит, так угодно Аллаху. Всемогущий Аллах справедлив и, когда в урочный час ты попадешь на Небеса, он тебя непременно за все вознаградит.

От таких речей Эльнара горько расплакалась. Увы, добрая тетушка ничем ее утешить не могла, а наоборот, еще больше расстроила, объяснив причины перемен в отце:

— Сказывали мне люди, милая, что Айша-Биби совершила тяжкий грех, обратившись к помощи черной колдуньи из племени пушуров. Я раньше не знала, верить этим словам или нет, а теперь вижу, что все — чистая правда. Заколдовала злая старуха твоего бедного отца, отняв у него волю и вкус к жизни. Для него сейчас, что ты, что дерево — все едино. Никто ему не сможет помочь, ведь чары пушурских колдуний считаются в Великой Степи самыми сильными и неотвратимыми. Потеряла ты, родненькая, не успев родиться, мать, а теперь и вовсе сиротой осталась. Терпи, мое бедное дитя, и знай, что каждому в жизни всегда воздается по делам его. Накажет рано или поздно всемогущий Аллах Айша-Биби за сотворенное ею зло, пожалеет она о своей глупости, да поздно будет. А ты молись, моя родная, Аллаху, проси его о помощи, и он обязательно поможет.

После этого разговора Эльнара ясно осознала, что в этой жизни она может надеяться только на себя, на свой ум и силу духа. С того дня, чем бы она ни занималась, все ее мысли сводились к одному: необходимо как можно скорее что-то предпринять. Смирение и покорность перед судьбой отнюдь не прельщали пылкую девушку, мечтавшую познать мир и найти свое место в нем. Вскоре сама жизнь подтолкнула ее к решительным шагам.

Однажды, собирая ягоды черешни во фруктовом саду, она случайно услышала разговор между отцом и Айша-Биби. Отец, как обычно, молчал, глядя куда-то вдаль отрешенным взором. Мачеха же, раскрасневшаяся после горячего чая, который, независимо от погоды, она по нескольку раз пила в течение дня, настаивала, что Эли пора выдавать замуж, что к ней, дескать, уже обращались несколько местных свах с довольно выгодными предложениями, и она обещала им в ближайшем времени дать ответ.

Опасаясь в душе непредсказуемого характера своенравной падчерицы, в последние дни имевшей подозрительно-задумчивый вид, что, по мнению бесчестной женщины, не сулило ничего хорошего, Айша-Биби хотела поскорее избавиться от девушки. Но была и другая причина побыстрее сосватать Эли: Айша-Биби, прозванная «самой жадной женщиной Архота», намеревалась извлечь из замужества немалую материальную выгоду. Эльнару она мечтала выдать за того, кто предложит больше денег в качестве калыма за невесту. Айша-Биби жаждала золота, а потому ни возраст, ни физическое здоровье жениха в ее глазах не имели никакого значения. Для работы по хозяйству она могла нанять кого угодно, а вот выгодно продать — только Эли. Конечно, всего этого она мужу не говорила, прикрывшись красивыми фразами о своем беспокойстве за судьбу падчерицы.

Пехлибей сидел, напряженно наморщив лоб, и тихо шевелил губами, словно изо всех сил пытался вспомнить или понять что-то очень важное для себя и дочери. Эльнара, над головой которой сгустились тучи, затаилась за деревьями, мысленно обращаясь к Аллаху с

просьбой ниспослать ее бедному отцу прозрение, пробудить в нем его прежнюю искреннюю любовь к ней, не позволить корыстолюбивой мачехе погубить жизнь его единственной дочери. Слова Айша-Биби по поводу «выгодных предложений» со стороны местных свах означали только одно: Эли хотели выставить на продажу, как какого-нибудь породистого скакуна, как бессловесную тварь.

Время шло, отец все так же молчал, а мачеха недовольно хмурила широкие и густые, как у мужчины, брови. В душе романтической девушки начал разгораться огонек робкой надежды, что отец придет в себя, усилием воли избавившись от чар злой колдуньи, и их жизнь вновь войдет в прежнее счастливое русло.

Наконец, Пехлибей очнулся от своих никому неведомых дум и негромко произнес:

— Все в руках Аллаха, и если ему угодно, чтобы моя единственная дочь рассталась с детством и обрела свой собственный очаг, значит, так тому и быть. Девочки рождаются в этом мире для того, чтобы не дать погаснуть роду человеческому, — это закон мудрой природы, которому все обязаны следовать. Да свершится воля Аллаха, аминь!

Потрясенная Эли медленно опустилась на траву, прикрыв рот легким покрывалом, чтобы сдержать крик отчаяния. В эти горькие мгновения она остро ощутила, что действительно рассталась теперь со счастливой страной детства и что впереди ее ждет совсем иная жизнь.

Побег из дома

Эли осталась одна со своей бедой. Отец по-прежнему был погружен в себя, подружка Магрифа вышла замуж и уехала из города, а где сейчас находится Софи — знал только Аллах. Девушке предстояло сделать серьезный выбор, от которого зависела вся ее дальнейшая судьба. Нужно было либо принять все как есть, без бессмысленного ропота и ненужных слез, либо оказать сопротивление обстоятельствам, чем бы эта неравная борьба ни закончилась.

Эльнара решила бежать. Она сама еще точно не знала куда, но оставаться в отчем доме с каждым днем становилось все опаснее. К Айша-Биби постоянно навевались незнакомые женщины, с каждой из которых она подолгу беседовала за наглухо закрытыми дверьми своей опочивальни. Ее сын Заир, которому мать поручила следить за Эли, дабы негодная падчерица не выкинула неприятный фокус, обманув радужные надежды Айша-Биби, не спускал с девушки глаз. Эльнаре же относительно своих намерений мачеха до поры до времени ничего сообщать не стала.

Да и до того ли было почтенной Айша-Биби, если бедная женщина, оповестив всех свах города о предстоящих торгах за самую красивую невесту Архота, теперь день и ночь ломала голову, кому отдать предпочтение? Хромому Алибею, предложившему ей два табуна лошадей, четыре отары овец и пять кошелей с золотом, или шестидесятилетнему пучеглазому Пахтияру, пообещавшему в качестве приданого один из своих роскошных дворцов, расположенных у самого берега Янури?

Был еще один серьезный претендент на руку дочери Пехлибея: косоглазый и круглый, как бочка, толстосум по имени Сагит. Поговаривали, что подвалы его ломятся от бочонков с золотом и серебром, а переполненные драгоценностями сундуки с трудом запираются. Так много всего было у сластолюбивого богача, уже имевшего трех жен. Однако хитрый и очень расчетливый Сагит не торопился называть свою цену за заманчивый товар, чем приводил нетерпеливую Айша-Биби в бешенство. В отместку жадному богачу, она заслала доверенных людей в соседние города с вестью о появлении в славном Архоте невесты, равной которой по красе не было во всем Хоршикском ханстве. Больше всего на свете Айша-Биби боялась прогадать, назначив цену за Эли ниже, чем она стоила...

На Востоке говорят: «Аллах посылает человеку испытания, чтобы через трудности указать ему путь к истине». Так произошло с Эльнарой. Однажды мачеха приказала ей очистить чулан, который намеревалась использовать в качестве хранилища для ожидаемых ею в недалеком будущем свадебных даров. Во время уборки девушка случайно обнаружила котомку, в которой оказались вещи ее родителей, заботливо сложенные когда-то Пехлибеем в память о незабываемом дне их скромного, но очень желанного бракосочетания. Вещи были брошены в дальний угол чулана зловредной мачехой: нежно-голубое атласное платье матери, легкое покрывало цвета утреннего неба, в уголке которого серебристыми нитками было вышито имя «Фарида», изумительные туфельки, белая отцовская рубашка, на груди украшенная орнаментом из серебристой парчи, мужские брюки, потрескавшиеся, но еще вполне приличные сапоги из тигровой шкуры, широкий пояс из мягкой, хорошо выделанной кожи, белая чалма, подаренная Пехлибею его другом Саидом.

С волнением и любопытством разглядывая одежду, Эльнара неожиданно поняла, что это сам Аллах посылает ей возможность как можно лучше и быстрее осуществить

задуманное непростое дело. До этого мгновения она знала лишь, что ей нужно бежать из дома, пока коварная мачеха не продала ее богатому и отвратительному старику, теперь же видела, как это можно сделать.

Эли решила переодеться мужчиной: так можно было не опасаться, что ее найдут раньше, чем она успеет затеряться на просторах Хоршикского ханства. Кроме того, мужчине гораздо легче и безопаснее передвигаться по стране, нежели юной красивой девушке. Правда, отцовская одежда была велика, но ведь ее можно было подшить, а вот ширину лучше оставить прежней, чтобы она скрывала ее девичьи формы. Не удержавшись от соблазна, Эльнара примерила материнский наряд. Красивое платье оказалось ей почти впору, и девушка решила взять его с собой. Затем сложила вещи обратно в котомку, которую со всяким ненужным хламом вынесла из чулана и спрятала в густых зарослях крыжовника.

На следующий день выяснилось, что ее хлопоты оказались весьма-таки своевременными. Утром мачеха вместе с отцом отправилась в один из соседних городов, чтобы переговорить с тамошним богатеем, заинтересовавшимся архотской невестой необыкновенной красоты.

Пятидесятилетний Кушпун был мужчиной в самом соку. В меру упитанным, не слишком старым, без явных физических изъянов, если не считать такой мелочи, как слабый слух, что с лихвой компенсировало его несметное богатство, часть которого он готов был пожертвовать ради обладания юным упругим телом, сладкими девичьими губами и бездонными черными очами.

На фоне более чем впечатляющего состояния Кушпуна все архотские женихи с их жалкими предложениями вмиг утратили в алчных глазах Айша-Биби всякую ценность. Не доверяя никому решение столь важного вопроса, она поспешно собралась в путь, чтобы лично провести выгодные торги. Ничего не подозревающая Эли осталась под бдительным надзором Заира.

Почувствовав, что пробил ее заветный час, Эльнара внутренне собралась. Теперь ей нужно быть крайне осмотрительной, чтоб ненароком не спугнуть капризную птицу удачи, припорхнувшую на плечо. Весь день она занималась хозяйственными делами, а вечером удалилась в свою комнату.

Дождавшись, когда совсем стемнеет, на цыпочках прокралась во двор. Убедившись, что Заир, по поручению матери последние две недели ночевавший на топчане под навесом, спит, Эли, неслышно ступая, направилась в мачехины покои. Эли хотела вернуть жемчужное ожерелье, доставшееся ей от покойной матери, которое коварная Айша-Биби однажды хитростью выманила у отца вместе с другими украшениями.

Несмотря на царившую в комнате темноту, зоркая девушка быстро нашла инкрустированную серебром кожаную шкатулку, где Айша-Биби хранила драгоценности. Ее ожерелье лежало на самом верху, Эли взяла его и, не задерживаясь, пошла к выходу. Но вдруг дверь комнаты открылась, и на пороге возник Заир с масляной лампой в руках. Эльнара в замешательстве остановилась. Наслаждаясь тем впечатлением, что произвело его неожиданное появление, толстяк медленно поставил лампу на пол и не предвещающим добра тоном сказал:

— Что ты делаешь, негодная, в покоях моей матери? Отвечай немедленно!

— Ты — не кадий, чтобы требовать от меня ответ, да еще в такой невежливой форме, — насмешливо возразила Эли, даже в столь небезопасной ситуации не желавшая опускаться до лжи.

— Для тебя я — кадий, — напыщенно заявил Заир, надеявшийся с помощью денег, что копила его скупая мать, когда-нибудь заполучить должность судьи, то бишь кадия. — Я мужчина, а значит, должен знать обо всем, что происходит в моем доме.

— И ты туда же, — презрительно протянула Эльнара. — С каких это пор дом, купленный моим отцом, стал твоим домом? Эх, Заир, что ты, что твоя мать, как все нищие, благодаря случаю выбравшиеся из нужды, вместо того, чтобы просто ценить, что у вас есть, начинаете протягивать свои жадные руки ко всему, что не имеет к вам никакого отношения. Ты пришел сюда три года назад, а я живу здесь с самого рождения.

— Это мой дом, — упрямо возразил Заир, — потому что тут хозяйничает моя мать. А тебя вообще скоро выдадут замуж, и ты уже сюда не вернешься, и этот дом рано или поздно достанется мне. Ясно? — рявкнул толстяк, обозленный звучавшим в голосе Эли превосходством. — И, между прочим, ты так и не ответила на мой вопрос, что ты тут делала.

— В прятки сама с собой игралась, — огрызнулась девушка, пытаясь пройти в дверь, которую практически полностью загородил Заир своим массивным телом.

— погоди, а что ты прячешь за спиной? Уж не своровала ли чего? Немедленно покажи руки!

Эльнара неохотно разжала ладонь.

— Я так и думал! — торжествующе воскликнул толстяк. — Ты решила воспользоваться отсутствием моей бедной матери, чтобы выкрасть у нее жемчуг. Маленькая воровка, я проучу тебя!

Он занес над головой девушки кулак, но она отпрянула в сторону.

— Неправда, я не воровка! Это твоя бессовестная алчная мать обманом забрала у меня ожерелье и спрятала его в шкатулке. Мне не нужны ее драгоценности, я только хочу вернуть вещь, по праву принадлежащую мне. Это ожерелье — единственное, что осталось у меня в память о моей покойной матери. Заир, отпусти меня с миром, Аллах вознаградит тебя за справедливый поступок.

Всегда не очень быстро соображавший Заир ненадолго задумался, потом на его толстых губах появилась неприятная улыбка:

— В твоих словах, негодная, есть смысл. Во-первых, я действительно справедливый и честный человек, каким и подобает быть кадию. Во-вторых, я уверен, что мы с тобой вполне можем договориться. Правда, у меня нет времени ждать награды от Аллаха, но ты сама, Эли, сможешь вознаградить меня по заслугам. — Его маленькие глазки похотливо забегали по изящной девичьей фигуре.

Заметив этот откровенный взгляд, Эльнара, никогда не считавшая толстого ленивого увальня, над которым посмеивались все окрестные девушки, за мужчину, усмехнулась:

— Поскольку единственная ценная вещь, что у меня есть — вот это жемчужное ожерелье, которое ты, разумеется, не получишь, тебе придется, братец, набраться терпения в ожидании награды свыше. Хотя, если подумать, ты того не стоишь. Я вообще не знаю, чего ты в этой жизни стоишь. — Эли откровенно насмеялась над Заиром, уже мысленно раздевавшего красавицу.

— Сегодня у тебя будет возможность узнать это, — угрожающим тоном произнес толстяк. После этого добавил, буравя девушку неприятным цепким взглядом: — Скоро тебя выдадут замуж за пятидесятилетнего Кушпуна, у которого уже есть три жены. Сама понимаешь, у него не хватит ни времени, ни сил сделать тебя по-настоящему счастливой, а ведь ты, Эли, как всякая другая девушка, мечтаешь о счастье, хочешь, чтобы твоя первая

брачная ночь запомнилась тебе на всю жизнь. А вот я могу сделать тебя счастливой, доставив удовольствие, о котором ты будешь вспоминать долгие годы. И вообще, Эли, ты должна гордиться тем, что на тебя обратил внимание такой молодой и крепкий мужчина, как я.

Приняв промелькнувшее в глазах девушки удивление по поводу подобной самонадеянности за испуг, он поспешно сказал:

— Не бойся, глупая, я научу тебя что делать, чтобы твой будущий муж не догадался, что ты потеряла девственность. Поверь, в этом нет ничего сложного, я знаю один древний и очень надежный способ. Думаешь, мне моя голова не дорога? Еще как, так что можешь положиться на меня, я не подведу. Однако, сколько можно говорить, пора бы и делом заняться. — Устав от непривычно долгой речи, сын Айша-Биби смахнул выступившие на лбу капельки пота и нетерпеливо протянул руки к манившему его вырезу, под которым скрывалась округлая грудь.

Возмущенная его самодовольством и грязными намерениями, Эльнара громко вскрикнула:

— Ты хочешь надругаться надо мной, подлый негодяй? Знай, у тебя ничего не выйдет. Да я лучше умру, чем уступлю твоим мерзким домогательствам, или же убью тебя!

От ее громкого голоса проснулся спавший у калитки пес. Услышав его лай, забрехали собаки с окрестных дворов. Испугавшись шума, Заир попытался потной рукой прикрыть рот девушки. Сопrotивляющаяся изо всех сил, Эли потеряла равновесие и упала, а в следующее мгновение на нее всей своей массой обрушился сластолюбивый толстяк. Обрадованный подобным поворотом, Заир жадно зашарил руками по легкому платью, прикрывавшему искушавшую его плоть.

В какой-то момент Эльнаре удалось высвободить одну руку. Она хотела вонзить свои тонкие пальчики в глаза насильнику, но промахнулась и случайно задела стоявшую на полу лампу. Светильник перевернулся и погас, неравная борьба продолжилась в темноте. Задыхаясь под тяжелым телом, девушка не имела даже возможности закричать, позвать на помощь. Зато заговорил Заир:

— Ну-ну, красавица, дергайся, дергайся, мне это начинает нравиться. Когда ты шевелишься, я лучше чувствую твое горячее гибкое тело и еще больше возбуждаюсь. Было бы гораздо хуже, если бы ты лежала, как бесчувственное бревно, к которому и прикасаться противно. А так я могу думать, что ты хочешь меня. Да-да, я даже немного приподнимусь над тобой, чтоб ты еще сильнее извивалась. Какая же ты горячая женщина, Эли, жаль, что я раньше этого не знал, а теперь тебя отдадут старому глухому Кушпуну, и останутся мне одни воспоминания о нашей жаркой ночи. Теперь своей лаской и нежностью ты должна возместить мне все, что я не успел получить от тебя раньше. Тебя ведь наверняка учили в твоей Школе красоты, что женщина обязана прежде всего стремиться к тому, чтобы заслужить любовь мужчины — властителя всех ее дум и вершителя ее судьбы. Так что постарайся мне понравиться.

Решив, что хватит ему заигрывать и церемониться, толстяк резко рванул за ворот девичьего платья. Тонкая ткань легко поддалась, обнажив маленькую и очень упругую грудь. Жадные потные руки насильника нетерпеливо разорвали платье до самого пояса, ухватились за нежные соски, вытягивая их вперед и безжалостно теребя, словно они являлись не частью живого организма, а, к примеру, были маленькими забавными кисточками, что украшали обычно уборы архотских модниц.

Эльнара застонала от боли, а возбужденный от звука ее голоса Заир поспешно припал своими толстыми влажными губами к двум чудесным, устремленным ввысь холмикам, благородная белизна которых ласкала взор даже в темноте. Толстяк мычал от наслаждения, временами пуская в ход свои крепкие зубы, а его похотливые руки терзали волнующую тонкую девичью спину, опускаясь все ниже и ниже. Девушка изворачивалась как могла, но каждое ее порывистое движение только усиливало похоть насильника, возмнившего себя покорителем женских сердец.

Между тем широкая мужская ладонь коснулась упругих ягодиц, тотчас напряженно сжавшихся от непрошеного вторжения. Гладкая чувствительная кожа этих головокружительных выпуклостей разбудила в Заире неистового самца. Задрав мешавший ему подол чуть ли не до самой талии, он устремился к заветной щели, одной рукой поспешно спуская с себя штаны, а другой грубо раздвигая стройные ножки своей бедной жертвы. Эли отчаянно вскрикнула, ощутив на своем бедре его горячий твердый член, беззастенчиво и быстро тершийся о нежную девичью кожу. Это, по-видимому, доставляло его обладателю дополнительное удовольствие, которое он хотел продлить, прежде чем ввести ствол во влагалище, находившееся от него теперь так близко. Можно было не торопить приятное событие превращения невинной девушки в женщину. В Божью тварь, призванную удовлетворять любое пожелание мужчины, жалкую суку, обязанную приползать на коленях к мужским стопам по первому же окрику в ее адрес, поганую подстилку, способную лишь раздвигать ноги да извиваться в нетерпеливых содроганиях под благородной тяжестью тела своего господина, которому нужно еще подумать, а стоит ли она такого счастья.

Так думал про себя Заир, до этих пор не имевший опыта близких отношений с женщиной. Из-за этого в разговорах с приятелями, любившими похвастаться своими действительными или мнимыми победами, он вынужден был сочинять всевозможные небылицы. Их ему подсказывало его извращенное воображение, которое приходилось пока что удовлетворять с помощью рук. И вот, наконец, его самое большое желание сейчас сбудется: он не только лишит невинности самую красивую девушку Архота, что само по себе уже возвысит его в глазах друзей, но и избавится от собственной девственности, очень оскорблявшей его мужское самолюбие.

Позабыв обо всем на свете от наслаждения, Заир не мог оторваться от упругого бедра, продолжая настойчиво тереться своим основным орудием. Одна его потная рука тем временем терзала аппетитную грудь и маленький животик Эли, а вторая, поблуждав по разгоряченному в неравной борьбе телу, остановилась на шелковистом и очень приятном на ощупь холмике. Потрепав мелкие волоски, он вознамерился проникнуть пальцами внутрь, дабы усилить свои ощущения перед последним решительным шагом. Для этого ему пришлось отвлечься от предыдущего занятия и для большего удобства приподняться над телом, уже почти переставшим сопротивляться.

Получив возможность нормально дышать, Эльнара собралась с силами и, в свою очередь, приподнявшись с пола, неожиданно изловчилась и укусила насильника прямо в нос. С детства не выносивший даже малейшей боли, Заир, одновременно причитая от жалости к себе и проклиная коварную девчонку, схватился за укушенное место. Девушка, не теряя времени, пыталась в темноте нащупать что-либо, способное помочь ей защитить свою честь.

Как назло, ничего подходящего не попадалось, а ведь Заир в любое мгновение мог снова броситься в бой. Конечно, она постаралась бы убежать, если бы были свободны ее ноги, на которых сидел толстяк. Оправляясь от боли, до крайности взбешенный насильник начал

угрожать жертве расправой, как вдруг дрожащими от волнения руками Эльнара нащупала в углу комнаты толстый деревянный засов, которым Айша-Биби имела обыкновение запирасть на ночь собственную опочивальню. Ухватившись двумя руками за тяжелую гладкую палку, девушка что было мочи ударила Заира. Тот охнул и медленно повалился набок.

С трудом высвободив ноги, Эли несколько минут сидела, разминая затекшие конечности. Пощупав его пульс и убедившись, что он жив, она направилась к выходу. После пережитого шока девушка уже ничего не боялась. В темном саду нашла свою котомку, переделась в мужское платье, взяла на кухне несколько пресных лепешек, горсть пшена и кожаную фляжку с водой. Подошла к колодцу и, глядя в свое отражение, решительно отрезала дивные черные косы, которые тут же закопала под деревом. Перекинув через плечо котомку, она пошла было к калитке, но вдруг вернулась в дом. Заир лежал в той же позе. Переступив через него, Эльнара подняла с пола оброненное в ходе недавней борьбы жемчужное ожерелье — память о матери. Вышла на крыльцо, окинула грустным прощальным взором отчий дом. При мысли, что уходит навсегда, смахнула с густых длинных ресниц невольные слезы и зашагала навстречу новой жизни.

Сказочный Перистан

Еще до побега Эльнара решила, что ей нужно бежать не просто куда глаза глядят, а в столицу Хоршикского ханства — Перистан. В огромном многолюдном городе легче было затеряться и найти подходящую работу.

Путь предстоял неблизкий.

На протяжении светового дня, невзирая на усталость, упорная девушка шла, а ночью старалась остановиться на ночлег в попадавшихся по дороге многочисленных селениях или в больших и малых городах. Расположенное в самом сердце Великой Степи, Хоршикское ханство было не только большим, но и весьма заселенным государством.

После того, как пятнадцать лет тому назад к власти пришел нынешний правитель — хан Тани, жизнь и в прежде достаточно благополучной стране еще более оживилась. Много путешествовавший по свету в годы своей юности, наследник могущественного престола получил хорошее образование, а также набрался богатого жизненного опыта. Придя к власти после смерти своего мудрого, любимого народом, но крайне осторожного и щепетильного в вопросах внешней политики отца, честолюбивый монарх задумал сделать Хоршикское ханство центром политики, культуры и торговли если не всего Востока, то хотя бы Азии.

Отправив послов в разные страны и к правителям кочующих в степи племен, дальновидный хан Тани передал, что отныне на территории всего Хоршикского ханства для торговых людей вводится беспошлинная торговля. Что миролюбивые хоршики с распростертыми объятиями ждут всех, кто придет к ним с открытой душой и чистыми помыслами.

Финансовые советники хана — почтенные белобородые аксакалы, привыкшие к размеренному и предсказуемому правлению предыдущего государя, забили тревогу. Они боялись, что своими, по их мнению, не до конца продуманными, чересчур поспешными и неосторожными действиями молодой, неопытный в государственных делах самодержец ослабит или даже разорит страну, в течение долгого времени добивавшуюся своей независимости и нынешнего благополучия.

Но хан Тани упорно добивался поставленной цели, а чтоб не отвлекаться на ненужные бесплодные споры и не слушать раздражавшего его старческого нытья, всех своих советников, доставшихся ему по наследству вместе с тронem, под разными благовидными предложениями удалил со двора. А заменил их всех одним лишь человеком — малоразговорчивым серьезным арабом по имени Хусейн, обученным тонкому искусству экономики в богатом Китае. Его Тани привез в страну после того, как однажды случайно спас от несправедливой казни. Хусейн помнил это и был беззаветно предан господину, но главное, умел понимать его буквально с одного взгляда.

Итак, разослав послов с заманчивым предложением, молодой амбициозный правитель развернул у себя в государстве активную деятельность. Для начала он приказал во всех без исключения городах ханства расширить и благоустроить все торговые рынки, заложить новые, отведя для этого лучшие земли. Жителям Хоршикского ханства было объявлено, что любой трудовой человек, владеющий каким-либо ремеслом, может обратиться в городскую казну для получения беспошлинной ссуды на открытие соответствующей мастерской.

При этом известии талантливые работающие люди из числа бедных мастеровых, годами гнувших спину на жадных несправедливых богачей, нимало не заботившихся об условиях

труда и жизни своих работников, воспрянули духом. У них появилась надежда на достойную жизнь. Конечно, далеко не все бросились в казну, опасаясь риска или не доверяя собственным способностям, ведь деньги рано или поздно нужно было возвращать. Но наиболее решительные и талантливые получили шанс изменить свою судьбу.

Не подозревая об истинных мотивах широкого жеста хана Тани, для которого люди служили средством к достижению еще большей власти, они на все лады превозносили государственную мудрость и человеческую доброту молодого правителя, прославляя его имя и искренне гордясь тем, что являются его подданными.

Между тем, введя беспошлинную торговлю в Хоршикском ханстве, открыв его границы для торговых людей со всего света, хан Тани ничуть не сомневался, что прежде всего к нему устремятся, охваченные жаждой наживы, его ближайшие соседи из стран Востока. Получив первую прибыль, они, конечно же, захотят вернуться сюда вновь и вновь, а вскоре уже просто не смогут обходиться без хоршикских рынков. Однако, даже сформировав самый большой караван с товарами, иноземные купцы не смогут доставить товары в Азию в таком количестве, сколько бы им хотелось продать небедным хоршикам: что ни говори, но и верблюды имеют свой предел выносливости.

Зато самим торговцам придется хорошенько раскошелиться: длительные остановки в хоршикских караван-сараях, питание, корм для скота, ежедневная плата за место на базаре — все это будет приносить в казну немалый доход. И даже деньги, заработанные на торговле, чужестранцы по замыслу хитрого хана Тани должны были оставить в его владениях, соблазнившись товарами хоршикских умельцев. А этих товаров после выдачи беспошлинных ссуд в его стране станет еще больше, а значит, со временем самодовольный надменный Восток, незаметно для себя проглотив коварную наживку, начнет испытывать постоянную нужду в изделиях, помеченных ханской тамгой. А уж о кочевниках, не производивших практически ничего ценного, кроме вкуснейшего напитка «шуат» из верблюжьего молока, козьего сыра да топленого масла, и говорить нечего — они и сейчас не мыслят своего существования без творений талантливых хоршиков.

«Человек — ничтожный раб своих привычек и слабостей, причем независимо от происхождения или полученного воспитания, — размышлял азиатский владыка в часы отдыха. — Пусть не сразу, но я добьюсь духовного порабощения всех народов Востока. Мне не нужны их земли, дворцы, толпы невольников, степь — большая, что хочешь, то и делай. Дворцы мои по роскоши превосходят их жалкие строения, а преданных мне и работающих подданных просто не счесть. Мне нужно их золото для укрепления моих обширных владений, мне нужна их беззаветная собачья преданность по отношению ко всему, что связано с великим Хоршикским ханством. Этого можно достичь, лишь исподволь навязав им свой образ жизни и мышления, приучив их пользоваться даже в мелочах продукцией только хоршикских ремесленников, постепенно поработив душу и разум народов всего поистине бескрайнего Востока. И, если на то будет воля Аллаха, я великий хан Тани, потомок славного рода Аспандияров, это сделаю!»

Молодой правитель хоршиков ничуть не сомневался в успехе затеянного им грандиозного плана. Первые десять лет его мудрого правления ознаменовались доселе невиданным в ханстве размахом строительства. Оживленные работы шли днем и ночью: строились новые благоустроенные рынки, возводились просторные караван-сарай, открывались многочисленные лавки, булочные, кондитерские, чуть ли не каждая улица имела свою чайхану.

По распоряжению властей в каждом городе ремесленные мастерские обязаны были располагаться только в специально выделенном для этого районе. Непременно огороженные высоким светлым забором, дабы остальная часть города всегда выглядела нарядной, вызывая у приезжих гостей острое желание почаще приезжать сюда и наслаждаться атмосферой вечного праздника.

Это впечатление еще больше усиливалось благодаря множеству театров, открывшихся по величайшему указанию просвещенного монарха. В столице ханства с успехом действовал национальный театр, в соседнем Тазаре — настоящий японский театр «Кабуки», в Архоте местных жителей и гостей города радовали своим искусством талантливые греческие актеры. Помимо этого, возводились как профессиональные, так и любительские концертные залы, где состязались в мастерстве протяжного степного пения опытные мастера и молодые, мечтающие о певческой карьере.

К концу первого десятилетия правления мудрого и терпеливого азиатского владыки его честолюбивые мечты постепенно начали сбываться. Хоршикское ханство уже не воспринималось самонадеянным, кичащимся своей древней историей Востоком, как дикое логово непросвещенных темных степняков. Его стали считать пусть не центром, но очень важной частью всего огромного региона, где решались многие серьезные политические вопросы, активно развивались культура и образование, процветали ремесла, велась оживленная торговля, привлекая даже купцов с берегов далекого Средиземного моря. В столице ханства — яркой жемчужине Востока, городе Перистане, дальновидные правители соседних государств стали открывать свои посольские представительства для укрепления взаимодействия с местной властью.

Неудивительно, что хан Тани, ревностно следивший за выполнением всех реформ и соблюдением законности и порядка в стране, в течение короткого времени совершившей большой скачок в развитии, особое внимание уделял столице, где сосредоточилась политическая, экономическая и культурная жизнь всего огромного региона. Государственная казна, едва не опустошенная в первые годы его правления, когда вкладывались огромные средства в строительство, теперь была полна, как никогда.

Не только города, но даже крупные селения за счет развития торговли и ремесел полностью обеспечивали свои нужды, и при этом исправно платили налоги в казну, один из которых полностью направлялся на благоустройство и процветание главного города страны.

Как правило, Перистан просто потрясал воображение тех, кто впервые посещал Центральную Азию. Преодолев на величавых верблюдах огромную и малозаселенную степь, которой, казалось, никогда не будет конца и края, донельзя уставшие путники, издали увидев сверкавшие золотом купола многочисленных перистанских мечетей, принимали их за миражи. А по мере приближения к прекрасному городу убеждались, что он является самой настоящей реальностью. Практически всегда, прежде чем подойти к белокаменным городским стенам, они в восхищении ненадолго застывали, любясь величавой красотой и изумительной, парящей архитектурой столицы, затмившей в годы правления хана Тани своим головокружительным изяществом многие известные города Древнего Востока.

Перистан казался неправдоподобно прекрасным, чтобы так просто поверить в подлинность его существования, чтобы так легко, без внутренней робости, шагнуть в его широкие ворота, с двух сторон украшенные фигурами застывших в прыжке тигров. За свою неслыханную красоту город был прозван «сказочным Перистаном».

При хане Тани Перистан разросся чуть ли не вдвое. Из славящегося трудолюбием Китая,

из щепетильной в вопросах вкуса Японии, из хранильницы памятников древности Греции, из арабского мира приглашал честолюбивый правитель искусных зодчих. Строительство чудо-города должно было навечно вписать его имя в славную летопись Хоршикского ханства.

Практически все общественные здания Перистана были построены из прочного кирпича, способного выстоять не одну сотню лет. Театры, общественную библиотеку и места отдыха горожан хан Тани приказал облицевать красным гранитом. Лечебницы города украшал драгоценный малахит, а строгость и взыскательность, царившие в образовательных заведениях, где обучение велось за счет государственной казны, подчеркивал тщательно отобранный черный гранит. Купола всех без исключения мечетей были покрыты сплавом золота высочайшей пробы, а двери и окна инкрустированы драгоценными камнями. Но вся эта роскошь, благодаря обдуманной архитектуре, не только не утомляла глаз, но придавала городу поистине сказочный облик. Перистан был гордостью и самой большой любовью хана Тани.

Дорога в столицу

Эльнара добиралась до Перистана целых два с половиной месяца. Это был очень трудный путь для одинокой и бедной девушки. Чтобы заработать себе на пропитание и ночлег, она бралась за любую работу, а поскольку была переодета мужчиной, то и предлагали ей, как правило, что-либо из мужских дел. К счастью, учитывая юношескую хрупкость телосложения, ей не доверяли поднимать или переносить тяжести, но и того, что выпадало на бедную девичью долю, хватило, чтобы очень скоро свалить с ног крепкого мужчину.

Эли выдавала себя за юношу-сироту, потерявшего родителей и теперь скитающегося в поисках лучшей доли. Говорила, что направляется в столицу. Часто она использовала полученные от отца знания тех или иных трав, поддерживающих силы и защищающие организм от чрезмерного переутомления.

За время своего пути Эльнара повидала немало городов и селений великого Хоршикского ханства, о существовании которых прежде и не подозревала. В некоторых из них любознательная девушка задерживалась не на один день. Ей нравилось бродить по маленьким улочкам, застроенным старыми, нередко пустовавшими сооружениями, грустно взирающими на мир пустыми окнами. В них даже уличная пыль казалась древней. Эли мысленно пыталась представить, как жили здесь люди в прошлые времена, о чем они думали, к чему стремились? Какие страсти бушевали за некогда изящными арками полуобвалившихся домов, какие пылкие признания и страшные клятвы слышали эти истрескавшиеся и потемневшие стены?

Иногда в каком-либо из караван-сараев, сделав всю порученную ей работу, Эли тихонько усаживалась в уголок и слушала занимательные истории, до которых так охочи кочующие люди, число коих за последние годы в государстве особенно возросло. Слушая этих бывалых путников, видевших, по их словам, едва ли не весь белый свет и, естественно, всегда немного приукрашавших свои удивительные рассказы, она думала, что, наверное, это неплохо — быть мужчиной. Свободно передвигаться по миру, распорядиться своей жизнью, приобретать новые знания. Но, вспоминая Софи, понимала, что и женщина при желании может построить свою судьбу согласно собственным представлениям о счастье. Эта мысль очень подбадривала ее, внушая надежду и усиливая свойственную ей жажду жизни.

В дороге попадались разные люди — добрые и злые, бесхитростные и коварные, жадные и щедрые, умные, целеустремленные, сильные духом и чересчур пассивные, покорно следующие судьбе, не умеющие или не стремящиеся сопротивляться обстоятельствам. И каждый из них своим жизненным примером чему-то учил юную, но очень внимательную и впечатлительную путешественницу. От ее распахнутых навстречу всему новому глаз не ускользали никакие мелочи. Эли ясно видела, что бедняки нередко оказывались более честными, щедрыми и душевными людьми, нежели те, в карманах которых в изобилии позвякивали золотые и серебряные монеты. С досадой и горечью подмечала, что умные не всегда были добрыми, а умелые часто не могли правильно распорядиться посланным им свыше божественным даром. Глядя на окружающий ее многообразный мир, дочь Пехлибея и Фариды отчетливо осознавала, сколь многому ей еще предстояло научиться, сколько узнать и понять, чтобы найти свое место в этой совсем непростой жизни.

До Перистана оставалось несколько дней пути, как вдруг с Эльнарой приключился

казус, который впоследствии покажется ей даже забавным. В тот день шел дождь, и ей пришлось чаще, чем обычно делать в дороге остановки. В город ювелиров Тазар она вошла поздним вечером, когда улицы уже опустели. Поплутав по темным переулкам в поисках караван-сарая, Эли неожиданно услышала, что кто-то зовет ее. Обернувшись, увидела грузного мужчину средних лет, стоявшего у калитки одного из домов.

Владелец небольшой ювелирной мастерской Арун в этот поздний час вышел во двор, чтобы узнать, на кого брешет его старый хромо́й пес. Увидев стройную фигуру одинокого путника, решил, по его словам, прийти на помощь юноше, оставшемуся без ночлега.

По-прежнему одетая в мужское платье, Эльнара не заподозрила ничего дурного. Поблагодарив за гостеприимство, прошла в дом.

На мужской половине царили тепло и тишина. Радужный хозяин усадил случайного гостя за низенький круглый стол и приказал бесшумно появившемуся слуге принести ужин для дорогого Али — так называла себя Эльнара. Ну а чтоб быстрее согреться и скоротать время в ожидании трапезы, предложил выпить отличного красного вина. Узнав, что юный Али никогда прежде не пробовал спиртного, очень удивился и, почему-то оживившись при этой новости, стал настаивать еще сильнее. Эли как могла отказывалась, но потом, не желая обижать доброго человека, согласилась чуть пригубить.

Тем временем слуга накрыл на стол, и потекла обычная беседа между двумя малознакомыми людьми. Эльнара, как обычно, старалась поменьше говорить о себе, а хозяин, с удовольствием прикладываясь к кубку с вином, расхвастался, описывая свои успехи в торговле ювелирными изделиями. Говорил, что они настолько красивы и редки, что якобы сам хан Тани лично приезжал, чтоб заказать драгоценности для своей новой молодой жены. Изрядно проголодавшаяся в дороге, девушка кивками головы давала понять, что внимательно слушает его, а на самом деле думала о том, как встретит ее гордая столица Хоршикского ханства, куда в поисках счастья стекалось множество людей не только со всей страны, но и окрестных земель.

Очнувшись от своих дум, увидела под самым носом несколько украшений, которые Арун держал на небольшом круглом подносе: широкий мужской браслет из серебра, золотой перстень с огромным ярким рубином и толстая золотая цепочка. Распахнув от удивления свои дивные раскосые глаза, девушка удивленно воскликнула:

— Что это и для кого?

Пришел черед удивляться самодовольному хозяину дома:

— Я же говорил, Али, что хочу подарить тебе эти чудесные драгоценности в память о нашем приятном знакомстве. Ты что, не слышал меня?

Смутившаяся Эльнара неловко пробормотала, что, конечно, все слышала, но принять этот дар никак не может. Захмелевший Арун продолжал настаивать, его гостя, принимаемая им за юношу, упорно отказывалась. Устав от спора, толстяк решил признаться в истинной причине своей, не характерной для него щедрости:

— Я уважаю тебя, о мой юный друг Али, за твою честность и принципиальность. Такие люди, как ты, — сегодня большая редкость. Скажу более, я горжусь нашей дружбой. Ты не только очень красивый, но и самый лучший из всех людей, кого я встречал за свою сорокалетнюю жизнь. Я — не бедный человек, у меня есть все, что только нужно смертному для счастья, и я могу себе позволить поделиться с тобой частицей нажитого честным трудом благополучия.

Эли протестующе взмахнула рукой, но Арун продолжил:

— Не перебивай меня, прелестный друг, я еще не все сказал. Разве не учили тебя в детстве родители, что к старшим нужно относиться с почтением и внимательно слушать, что изрекут их мудрые уста? Ты хороший, очень привлекательный мальчик, честное слово, я таких милых созданий на своем веку еще не встречал, но слушай меня дальше. Я был с тобой сегодня абсолютно искренен, ничего не утаив ни о своих немалых доходах, ни о хороших возможностях и влиянии, которым я пользуюсь в нашем славном Тазаре. Ты должен это иметь в виду, прежде чем дать ответ, услышав мое предложение.

Ты, как я понял, круглый сирота, нуждающийся в покровительстве, не так ли? Так вот, дорогой Али, я готов стать твоим могущественным покровителем в обмен на сущий пустяк. Время от времени, по моему желанию и велению ты, милый мальчик, будешь со мной ласков и очень нежен. Наверное, невинное дитя, ты еще не сталкивался с мужской любовью? В этом нет ничего страшного, я научу тебя, любимый, всему, что необходимо будет знать, дабы уметь доставлять удовольствие такому благородному мужу, как я!

Увлечшийся своей речью, толстяк гордо ударил себя в грудь, а потом, взглянув на остолбеневшую Эли, никогда не слышавшую ранее о мужской любви, умилился:

— Ах, Али, твои чудные глаза подобны ярким звездам, что освещают путь одинокого странника! Стань моей звездой, любимый, и я сделаю тебя самым счастливым человеком на этой грешной земле! Бери драгоценности, не стесняйся. Когда взойдет солнце, я осыплю тебя золотом с головы до ног. У меня ты будешь жить так, как даже принцы не живут. Ну же, одень этот прекрасный перстень и уподи в мои объятия, давай сольемся с тобой в чудесном любовном экстазе!

Дрожащий от нетерпения толстяк протянул короткие руки. Эльнара пришла в себя. В памяти остро вспыхнул эпизод из ее прошлой жизни, предшествовавший побегу из отчего дома. С ненавистью глядя в дышавшее животной похотью, лоснящееся от жира лицо Аруна, своими окрепшими в дороге ногами она ловко пнула гнусного толстяка в живот. Чрезмерно перепивший вина, он не удержался и упал на спину. Короткая рубашка задралась, обнажив смуглый жирный живот, напоминавший кожаный бочонок, в котором кочевники обычно привозили в город напиток из верблюжьего молока — шуат. Уверенная в своих силах, Эли не выдержала и рассмеялась, а затем, прихватив свою скромную котомку, направилась к выходу.

Уже светало, когда девушка, наконец, обнаружила караван-сарай. Поправив чалму, под которой скрывались ее уже изрядно отросшие волосы, постучала в ворота. На стук вышел худой старик с недовольным лицом и грубо заявил что поспать мальцу уже не удастся, если он хочет присоединиться к отправляющемуся со двора каравану, который держит путь в столицу Хоршикского ханства. Обрадованная Эльнара бросилась договариваться с караванщиками, чтоб они взяли ее с собой.

Караванщики были не против и поручили девушке двух упрямых ишаков, упорно не желавших двигаться в нужном направлении.

Новый поворот судьбы

Огромный многолюдный Перистан, куда стекалось со всего бескрайнего Востока и обширной Азии множество самого разношерстного люда, обычно засыпал, когда на небе появлялись первые звезды. Но и просыпался ни свет ни заря, едва заслышав с минарета главной мечети столицы протяжный призыв муэдзина на утреннюю молитву.

Однако юная дочь архотского лекаря, чтобы выжить в чужом, густо заселенном, не расположенном к состраданию городе, как правило, вставала с постели еще раньше.

Поначалу Перистан ошеломил скромную провинциалку ярким блеском и утонченной восточной роскошью, непрерывным гулом голосов многоязычного населения и нескончаемыми людскими потоками. Здравомыслящая девушка решила, что не стоит спешить расставаться с ролью мужчины, пока не решит, чем может здесь заняться.

Упорная девушка, в жилах которой текла смешанная кровь, была от природы расположена к внимательным неторопливым наблюдениям и глубоким философским размышлениям. Но и была склонна к пылким, романтическим и безрассудным поступкам и даже к самопожертвованию. Дочь Востока, подобно губке, впитывала окружающий ее хаотичный мир, чтобы затем, оставшись наедине с собой, тщательно обдумать все увиденное, по возможности отделив зерна от плевел.

Эли не гнушалась никакой работы, помня о том, что ей сейчас, прежде всего, необходимо выжить. Нанявшись прислужкой к богатому торговцу тканями — самодовольному и пузатому Аршибеку, она добросовестно выполняла любое поручение.

Девушка, по-прежнему выдававшая себя за юношу-сироту по имени Али, обязана была до блеска начищать большой медный самовар, носить из колодца свежей воды, растапливать для повара печь во дворе, а после скудного завтрака идти убирать скотный двор. Поскольку в Перистане все торговые лавки открывались сразу же после утренней молитвы, то во второй половине дня Эльнаре необходимо было заменить стоявшего у хозяйского прилавка слугу.

В тесной душной лавке, до потолка заваленной тюками с японским шелком, ярким персидским атласом, индийскими хлопчатобумажными и парчовыми тканями, китайской шерстью, отрезами из тонкого славянского льна, было тяжело дышать и передвигаться, рискуя ежеминутно свалить что-нибудь себе на голову. А голову разгневанный подобной неуклюжестью хозяин запросто мог приказать отсечь долой. Однако гибкая и ловкая Эли с удовольствием работала в торговой лавке: для нее это было и сменой занятия, и возможностью увидеть других людей.

Прошло почти полгода.

В один из хмурых осенних дней, наводивших невообразимую тоску и уныние, в мануфактурную лавку Аршибека заглянула знатная дама в богатом одеянии. Она была молода и удивительно хороша собой. Стройная, с безупречной чистой и гладкой кожей, густым черным волосом и каким-то особым магнетическим взглядом. Ее прекрасные глаза, по форме напоминавшие восточный кинжал, отливали чудесным изумрудным светом, тая в себе некую загадку. Красивая незнакомка была подобна яркому лучу солнца, в пасмурный день неожиданно осветившему темную лавку. От нее исходил дразнящий аромат чудных благовоний. А накинутое легкое голубое покрывало показалось неискушенной провинциалке из Архота необыкновенным и притягательным.

Окинув прищуренным взглядом выставленный на продажу товар, небрежно пощупав

разложенные на прилавке ткани, загадочная незнакомка снизошла до разговора с проворным, стройным и красивым юношей, который учтиво предложил кое-что из завезенных накануне новинок. Однако молодая женщина нетерпеливым жестом прервала бойкую речь и начала расспрашивать: кто он, сколько ему лет, из каких мест прибыл и кто его родители.

Эльнара рассказала заученную наизусть легенду про мальчика-сироту Али родом из захолустного селения. Поговорив еще немного, знатная дама, назвавшаяся Зухра-ханум, пришла к выводу, что юноша не только очень красив, но и довольно умен. Поинтересовавшись у Али, какое жалованье ему выплачивает хозяин, искренне поразились жадности Аршибека, а затем предложила перейти к ней, пообещав гораздо более интересную работу и значительно лучшие условия жизни. Не долго думая, Эли согласилась и в тот же вечер переехала на новое место.

Если прежде не знакомая с настоящей роскошью Эльнара наивно полагала, что хозяин мануфактурной лавки Аршибек, проживавший в двухэтажном доме с множеством пристроек и огромным фруктовым садом, имевший трех жен, последняя из которых была ее сверстницей, державший большое количество скота и немало челяди, является очень богатым человеком, то, увидев обитель Зухра-ханум, поняла, что заблуждалась. Истинное богатство было здесь.

Трехэтажный беломраморный дворец, где проживала прекрасная, но незамужняя женщина, буквально утопал в роскоши. Он состоял из множества больших и малых комнат, в которых отсутствовала мебель, но пол был устлан изумительными персидскими коврами, имевшими такой высокий и густой ворс, что ноги, ступая по ним, утопали по щиколотки. Эли справедливо предположила, что одни только ковры в доме Зухра-ханум уже стоят баснословных денег. Все двери были изготовлены из ценного красного дерева и имели ручки из чистого золота, высокие окна были занавешены серебристой парчой, украшенной по краям золотой вышивкой. Во многих комнатах стояли привезенные из Китая вазы различных форм и расцветок. Покои ежедневно опрыскивались дорогими благовониями. В них царили приятный полумрак и легкая прохлада, благодаря кипарисам со всех сторон окружающим дом. По дворцу бесшумными тенями сновали многочисленные слуги, одетые в платья, обшитые серебристой парчой.

Несколько первых дней своей жизни на новом месте Эльнара была предоставлена самой себе. Ее поселили в небольшой уютной комнатке на втором этаже, хотя, как заметила наблюдательная девушка, вся остальная прислуга жила этажом ниже. Ее никто не беспокоил, хорошо кормили, она беспрепятственно гуляла по роскошному дворцу и тщательно ухоженному саду, по-детски наивно удивляясь и искренне восхищаясь окружающей ее красотой и гармонией.

На шестой день госпожа вызвала к себе Эли. Покои Зухра-ханум оказались на верхнем этаже. Высокий чернобородый араб молча проводил девушку в господскую опочивальню. Это была просторная комната с такими высокими потолками, что Эли невольно поежилась, переступая порог, почувствовав себя совсем маленькой. Пол был застелен чудесным белоснежным ковром. У большого окна находилось широкое низкое ложе, застеленное яркочерным покрывалом из тяжелого китайского шелка. На нем, подложив под царственную голову пышные подушки, возлежала хозяйка этого великолепия, одетая в просторное белое платье, подчеркивавшее характерную для нее бледность лица. Коротким хлопком ладоней она отдала приказ бесшумно появившемуся слуге приготовить угощение.

В этот раз Зухра-ханум беседовала с Эли более подробно и обстоятельно. К безмерному удивлению дочери скромного архотского лекаря, прекрасная госпожа не торопилась объявлять Али, в чем будут заключаться его обязанности, а начала с искренним интересом расспрашивать о том, какими знаниями он владеет и к чему стремится.

После беседы, длившейся едва ли не целый час, Зухра-ханум объявила, что в ее доме и без Али достаточно слуг, но она, убедившись в его остром, пытливом уме и похвальном стремлении к новым знаниям, решила предложить ему более интересное и ответственное дело — стать ее доверенным помощником. В чем будут заключаться обязанности Али, госпожа пока уточнять не стала. Но, к невероятной радости Эльнары, сообщила, что для лучшего исполнения работы, ей в течение ближайшего полугодия предстоит пройти курс обучения различным наукам, для чего будут наняты специальные учителя.

Переменчивая судьба юной дочери Пехлибея заиграла новыми красками. Отныне каждый прожитый ею день был наполнен радостью познания. Способная и жадно стремящаяся ко всему новому, девушка буквально на лету схватывала все, что говорили почтенные и многоопытные учителя, обучавших ее географии, истории, литературе, а также арабскому и латинскому языкам. С Зухрой-ханум, желавшей, чтобы ее подчиненный как можно глубже овладел знаниями, девушка виделась лишь от случая к случаю.

В течение дня она прилежно занималась, а вечерами прогуливалась по роскошному саду, где ее внимательный острый взгляд радовали необычайной красоты растения и цветы из разных концов света, а тонкий слух услаждало пение поистине райских птиц.

Каждую ночь, перед тем как заснуть, любознательная дочь Пехлибея с удовольствием слушала занимательные восточные сказки. Их ей рассказывал слуга — высокий худой старик с испещренным добрыми морщинками смуглым лицом. Своим внешним видом он сам напоминал одного из сказочных персонажей.

За эти месяцы Эльнара несказанно похорошела. Ей исполнилось шестнадцать лет. Прежде немного угловатая фигурка приобрела приятные округлые формы, а юношеская порывистость движений сменилась характерной для девушек Востока утонченной женственностью и необычайной грациозностью. Природа ее наделила нежной белой кожей, маленьким точеным носиком, пухлыми вишневыми губами, тонкими бровями и раскосыми дивными очами. Она притягивала к себе восхищенные взгляды, словно редкий и прекрасный цветок. Пожалуй, сейчас Эльнара могла соперничать красотой даже с самой Зухра-ханум.

Все тайное становится явным

Однажды, после традиционного полуденного сна, личный слуга Зухра-ханум, тот самый молчаливый чернобородый араб, что впервые ввел девушку в высочайшие покои, приказал ей следовать за ним, так как госпожа пожелала увидеть своего воспитанника. К удивлению Эли, вместо того, чтобы подняться на верхний этаж, где располагалась опочивальня хозяйки дворца, они спустились вниз, затем через незаметную дверь в стене, задрапированную тяжелыми тканями, вошли в длинное, узкое, абсолютно пустое помещение, соединявшее, как вскоре выяснилось, дом с подземным переходом. Слуга по имени Абуталип по-прежнему угрюмо молчал, следуя впереди девушки и освещая путь лампой. Эли шла по тесному, темному, холодному туннелю, стараясь как можно реже и тише Дышать, дабы своим учащенным дыханием не выдать невольно охвативший ее страх перед таинственной неизвестностью. Мрачный Абуталип показался ей вдруг служителем дьявола, но иного выхода, как молча идти за ним, у нее не было.

Наконец, они дошли до каменных, истертых временем ступенек, которые вели наверх. От непривычно яркого, после темного подземелья, солнечного света Эльнара зажмурила глаза, а когда открыла их, то поразилась окружающей обстановке.

Она находилась в просторном светлом помещении с необычным куполообразным потолком, целиком изготовленным из тонкого прочного стекла. Стены комнаты были задрапированы тончайшей тканью небесно-голубого цвета, пол аккуратно выстелен белой гладкой плиткой. Одна из стен была полностью застеклена, а за ней виднелась большая поляна, на которой росли ярко-красные маки. В центре удивительного помещения располагался огромный бассейн из сверкающего черного гранита, а сбоку стояла низкая суфа, застеленная шелковым красным покрывалом. На ней в позе лотоса сидела Зухра-ханум в прозрачной белой сорочке, настолько тонкой, что она абсолютно не скрывала ее прелестей.

Заметив это, Эльнара смущенно отвела взгляд в сторону. Госпожа звонко рассмеялась и, кивком головы отпустив Абуталипа, пригласила Али расположиться рядом с ней. На низком столике, инкрустированном чудным малахитом, стояло разнообразное угощение — таящая во рту халва, нежные спелые персики, сладкая дыня, аппетитная хурма, гроздь крупного винограда, шербет.

Госпожа радушно угощала своего воспитанника. От выпитого вина бледные щеки ханум порозовели, в чудных изумрудных глазах появился хищный блеск.

— Тебя нравится здесь? — обратилась она к Али, коснувшись своими тонкими белыми пальцами с длинными и ухоженными ногтями изящной спины собеседника.

Эли вздрогнула.

— Не удивляйся, Али, что ты раньше не видел этого помещения. Оно огорожено от моих основных владений высоким забором, дабы никто не мешал моему отдыху или тем важным делам, которыми я здесь время от времени занимаюсь. За последние месяцы ты настолько похорошел, что мне захотелось перевести наши с тобой отношения в еще более тесное русло, сделать их настолько близкими, о чем ты даже и не смел мечтать. Да, Али, не удивляйся, на свете порой происходят разные чудеса, и сегодня ты сможешь познать одну из самых красивейших женщин Перистана. Я дарю тебе свою любовь. Ну же, не смущайся, обними меня покрепче и жарко поцелуй в уста своими чудными, обещающими неслыханное

наслаждение губами цвета ранней вишни.

Зухра-ханум потянулась к растерявшейся Эли и, не в силах сдерживать охватившего ее любовного пыла, опрокинула изящного соблазнительного любовника на суфу, припав жадным, нетерпеливым ртом к трепещущим от волнения и неожиданной ситуации прелестным чувственным губам. Эльнара беспомощно трепыхалась, понимая, что ей уже не скрыть своей тайны и пыталась вымолвить хоть слово, но, разгоряченная не на шутку госпожа, упорно проталкивала свой гибкий, искушенный в любовных утехах язык в полость заманчивого рта. Почувствовав, как стонет от невероятного возбуждения ее набухшая грудь с торчащими, словно стрелы, сосками, она хотела потереться ею о тело юного любовника. Но, рванув ворот его тонкой шелковой сорочки, увидела под одеждой два белых нежных и округлых холмика. Обнаружив вопиющий обман, резко отпрянула, нахмутив брови и прищулив свои хищные глаза.

Запинаясь от смущения, Эльнара поведала, что была вынуждена скрывать правду, опасаясь преследований со стороны коварной мачехи, намеревавшейся насильно выдать ее замуж за богатого и отвратительного старика.

Госпожа продолжала недоверчиво смотреть на нее холодным, почти враждебным взглядом, потом, откинувшись на пышные подушки, спросила, кто может подтвердить правдивость рассказанной девушкой истории, Эльнара, пожав плечами, ответила, что только ее родственники из Архота, однако если мачеха узнает о местонахождении Эли, то ей придется несладко, так как вряд ли Айша-Биби захочет отступать от своих прежних планов относительно дочери Пехлибея.

Услышав эти имена, Зухра-ханум приподнялась с подушек и переспросила, правильно ли она поняла, что Эльнара — дочь архотского лекаря Пехлибея? Получив утвердительный ответ, госпожа вдруг заулыбалась и о чем-то ненадолго задумалась. Эли удивленно поинтересовалась, откуда светлейшей ханум известно имя ее скромного отца? На это Зухра-ханум уклончиво ответила, что талантливое целителя из Архота знают все жители Хоршикского ханства. Эльнара была рада столь лестному отзыву об отце, хотя ее несколько смутила игравшая на губах госпожи тонкая и как будто злорадная улыбка. Но скоро она об этом позабыла, так как разгоряченная выпитым вином и недавно испытанным любовным возбуждением Зухра-ханум, желавшая удовлетворения своей плоти, решила воспользоваться тем, что было под рукой, то бишь юной Эли.

Нашептывая разные ласковые слова, она увлекла смущенную девушку на постель, потребовав, чтобы та полностью разделась, а затем, увидев ее ладное свежее тело, ощутив приятную упругость кожи, пришла в невероятное возбуждение. Эльнара, не понимавшая, что от нее хотят, поначалу не сопротивлялась.

Зухра-ханум долго, с явным наслаждением целовала невинные уста девушки. Потом припала к ее изящной стройной шее, долго не могла оторваться от соблазнительных нежных сосков, смакуя их неповторимый вкус. Лаская чудную маленькую грудь приятными неторопливыми движениями утонченного любовника. Или вдруг под влиянием накатившего, словно прихотливая волна, невыносимого возбуждения, вонзаясь ненасытным ртом в белые милые округлости, оставляя на них следы от своих острых мелких зубов.

Эльнара, впервые ощутившая еще непонятое томление, находилась в некотором замешательстве. Но когда почувствовала, что нетерпеливая рука госпожи спустилась к пушистому черному холмику, поочередно надавливая на него дразнящими, то сильными, то едва ощутимыми и от этого еще более возбуждающими движениями, наконец-то пришла в

себя.

Сообразив, что не только мужчины, как она случайно узнала в городе ювелирных дел мастеров Тазаре, но и женщины могут испытывать порой влечение друг к другу, она вырвалась из сильных объятий госпожи, тяжело дыша и гневно сверкая своими дивными очами.

В эту минуту девушка была так необыкновенно хороша, что ханум не возмутилась ее дерзостью и неповиновением, а, полюбовавшись еще немного прелестным обликом Эли, милостиво отпустила ее, сообщив, что с завтрашнего дня она будет дополнительно к основным занятиям получать еще и уроки танцев.

Благодаря интересному и непрерывному обучению, девушка вскоре позабыла о неприятном случае, и ее жизнь вновь вошла в привычное русло. Но однажды ночью Эльнара, накануне дольше обычного занимавшаяся танцами, никак не могла заснуть. Промаявшись добрый час без сна, решила проветрить комнату, подошла к окну и вдруг едва не вскрикнула от страха.

По усыпанной гравием дорожке, от ворот прямо к дому, неторопливым и уверенным шагом направлялась старуха, которую такой же глубокой ночью она видела во дворе отчего дома рядом с Айша-Биби, после чего ее бедный отец так сильно изменился, позабыв родную дочь. Эли сразу узнала эти узкие, словно шелковые нитки, губы, темное, испещренное глубокими морщинами угрюмое лицо, высокую, слегка сутулую фигуру в зловещем черном одеянии.

К безмерному потрясению девушки, ужасная старуха спокойно и беспрепятственно прошла внутрь дворца. Несколько мгновений до крайности ошеломленная Эли растерянно стояла, потом хотела броситься в покои Зухра-ханум, чтобы предупредить госпожу об опасности, которая могла исходить от непрошеной гостьи, но, вспомнив их последнюю встречу, невольно покрылась румянцем и решила не торопить события.

Следующей ночью Эльнара уже специально не стала ложиться в постель, а спряталась в гостиной, через которую проходил каждый, кто направлялся во внутренние покои дворца. Здравомыслящая девушка вспомнила странный рассказ тетушки Айзады, больше похожий на сказку, о том, что отвратительная старуха — злая колдунья из кочевого племени пушуров, и решила попытаться выяснить, кем же на самом деле была таинственная старуха в черном.

Ждать пришлось долго. Уже забрезжил рассвет, когда донельзя уставшая от длительного ожидания Эльнара услышала негромкие и на сей раз торопливые шаги. Осторожно выглянув из укрытия, убедилась, что через гостиную проследовала та самая старуха все в том же неизменном одеянии. Крадучись, девушка пошла за ней. Более всего на свете она не ожидала, что старуха войдет в подземный переход, соединявший дворец с комнатой отдыха Зухра-ханум. Задумавшись на мгновение, Эльнара решила довести начатое дело до конца. Мысленно обратившись к всемогущему Аллаху за поддержкой, двинулась следом за незнакомкой по тесному, темному и очень холодному туннелю.

Помещение с куполообразным стеклянным потолком не имело входной двери, а отделялось от перехода тканью из темно-синего бархата, за которой и притаилась дочь Пехлибея. Отодвинув краешек тяжелой занавеси, она с изумлением увидела, что старуха, не снимая с себя одежды, босая и с невероятно длинными ногтями вошла в чистую воду бассейна. Потом простерла руки вверх и, пробормотав какую-то непонятную фразу или же заклинание, вдруг поднялась над водой, подобно вихрю и закружилась в воздухе. Спустя несколько мгновений она исчезла, словно ее никогда и не было. Вместо нее из бассейна,

вода в котором куда-то тоже бесследно испарилась, появилась Зухра-ханум в белоснежном платье, украшенном на груди чудным сапфиром пронзительного синего цвета.

При виде этой картины, не поддающейся разумному объяснению, огромные глаза Эли, казалось, стали еще больше, но теперь она поверила в правдивость истории, рассказанной тетушкой Айзадой.

Понимая, что ей нельзя здесь задерживаться, дабы злая колдунья не узнала, что Эльнаре стала известна ее страшная тайна, девушка осторожно двинулась к выходу из подземелья, но, продрогнув от царивших в туннеле сырости и холода, не удержалась и чихнула. Позади раздался громкий голос: «Эй, кто здесь?» Юная красавица стремглав побежала по темному переходу, но проворная колдунья настигла ее у самого выхода. Ухватив Эли своими холодными цепкими руками, она поволокла упирающуюся девушку обратно, попутно бормоча под нос ругательства.

Комната отдыха Зухра-ханум уже не казалась испуганной девушке такой уютной и милой, как при первом посещении. От стен веяло жутким холодом. Да и сама хозяйка с перекошенным от ярости лицом, выглядела довольно устрашающе. От ее прежней красоты не осталось и следа.

— Ну что ж, маленькая плутовка, обманом проникнувшая в мой дом, — произнесла она негромким и оттого еще более пугающим шепотом, — я полагаю, ты узнала, что хотела, а ведь до тебя в мою великую тайну был посвящен лишь один человек — мой верный слуга Абуталип. Не знаю, что ты хотела этим добиться, но свою судьбу, негодная дочь глупого отца, ты точно предрешила.

А ведь я, узнав кто ты есть на самом деле, хотела предоставить тебе возможность, которой мало кто из смертных мог удостоиться — быть доверенным помощником во всех моих великих делах в борьбе с тем самым добром, которому столько лет за сущие гроши служит твой глубоко заблуждающийся в истине отец. Я тебе могла дать знания, неизвестные больше никому на всем белом свете — знания черных колдунов, увы, исчезающего с лица земли малочисленного и благородного племени пушуров. Эти знания — огромная сила и поистине безграничная власть над жалкими людишками.

Как ты догадываешься, я веду двойную жизнь и получаю неслыханное наслаждение, изображая в дневное время знатную даму, а в ночные часы перевоплощаясь в свой истинный образ. И ты, глупая девчонка, сумевшая войти ко мне в доверие, могла бы жить такой же насыщенной событиями и исполненной тайными знаниями жизнью. Однако своим дурацким любопытством ты перечеркнула собственную судьбу. Что ж, пусть будет так.

Колдунья помолчала.

— Но я не намерена сейчас пачкать о тебя руки. Ты проживешь еще один месяц, целых долгих тридцать дней и ночей, а на тридцать первую ночь я принесу тебя в жертву великому грозному Ахуру, которому я служу верой и правдой вот уже много лет. С незапамятных времен у нас существует один обычай, которому я строго следую каждые шесть лет. В первую ночь полнолуния я приношу в жертву могущественному Ахуру юную душу, тем самым продлевая собственную жизнь. Ты отлично подходишь для этой миссии.

Жаль только, маленькая глупая девчонка, что ты не сможешь своими глазами посмотреть на это захватывающее зрелище, когда алая кровь медленно заливает белоснежный алтарь, возведенный в честь великого повелителя зла Ахура. Но я постараюсь растянуть твою смерть так, чтобы ты могла увидеть хотя бы начало. Я вырежу из твоей груди маленькое сердечко и буду хранить его в красивом сосуде в память о твоей редкой чарующей красе, прекрасная

юная дочь заблудившегося в дебрях своей памяти лекаря Пехлибея.

А сейчас я запру тебя в маленькой темной комнатке без окон, чтобы ты не совершила очередную глупость. Ну-ка, иди сюда, да поживее!

Колдунья грубо втокнула онемевшую от испуга девушку в тесную каморку, дверь в которую была замаскирована тяжелой тканью. Эли осталась одна в кромешной темноте.

Испытания продолжаются

Эльнара не знала, как много времени прошло, когда в дверном замке повернулся ключ, и на пороге ее темницы возникла высокая мрачная фигура Абуталипа. Преданный слугитель злой колдуньи принес несчастной пленнице масляную лампу, сухую лепешку и воду в деревянной, покрытой мелкими трещинами кружке. Девушка попыталась заговорить с ним, но слуга не проронил ни слова.

Потекли унылые дни. Поначалу Эли горько плакала от ощущения абсолютной беспомощности, но потом попыталась взять себя в руки и поискать какой-нибудь выход из сложившейся ситуации.

Несколько раз с лампой в руках она принималась тщательно исследовать пол, стены и потолок своей мрачной темницы в поисках нечаянного выхода. Иногда громко кричала и звала на помощь в надежде, что кто-то ее услышит. Однако недолгие часы ободряющей надежды сменялись длительными приступами отчаяния и невыносимой душевной боли. Порой, измученной постоянным внутренним напряжением, девушке казалось, что еще немного — и она сойдет с ума. Правда, прекрасной пленнице удалось начать отсчет времени, поскольку Абуталип, приносящий ей хлеб и воду, появлялся, как она догадалась, строго один раз в сутки и в одно и то же время.

Однажды он пришел, сильно прихрамывая на правую ногу. На участливые расспросы Эли хмуро буркнул, что его ужалила оса. Дочь архотского лекаря, имевшая благодаря отцу немалые познания в искусстве целительства, попросила разрешения осмотреть больное место. После чего объяснила суровому слугителю, какие травы и масло ему нужно принести, чтобы она приготовила мазь, с помощью которой огромная опухоль, причинявшая бедняге жуткие страдания, тут же спадет. Недоверчиво покосившись на юную девушку и не сказав ни «да», ни «нет», араб молча удалился, а через пару часов принес все, что было велено.

Тщательно размельчив в маленькой чашке каждую из трав и добавив в смесь оливкового масла, Эльнара все как следует перемешала и наложила мазь на больную ногу. На следующий день радостный Абуталип пришел поблагодарить свою спасительницу. А между делом тихо спросил, что он может для нее сделать? Девушка, не раздумывая, попросила его принести котомку, в которой хранила самые дорогие ее сердцу вещи — жемчужное ожерелье и голубое атласное платье. К вечеру того же дня араб исполнил ее скромную просьбу. Шел семнадцатый день с момента заточения Эли, а ночью ей приснился удивительный сон.

Незнакомый старик с белой благообразной бородой, тонкими благородными чертами и вдумчивым взглядом умных карих глаз сказал ей:

— О юное дитя! Меня зовут Мехмед, я твой прадед по материнской линии, ведущей свой славный род от храброго персидского военачальника Каира, не раз спасавшего отчизну от вторжения чужеземцев и принявшего почетную смерть в одном из боев. Благодаря ему, название нашего рода вписано в славную летопись великой Персии. Ты всегда должна помнить, дочь моя, о своем благородном происхождении. Ведь отец твой, искусный лекарь Пехлибей, совершил в своей жизни немало подвигов, пусть и не на поле брани, но своим беззаветным трудом и чутким сердцем способствовал спасению многих людей, дай Аллах ему долгие лета! Твоя бедная мать, одна из лучших красавиц Персии — прекрасная Фаарида,

успела дать тебе жизнь, но сама скончалась в родовых муках. Ты — последняя представительница достойного рода Каиров, который ни в коем случае не должен угаснуть, и ты продолжишь его!

Душа моя, ты несказанно порадовала меня минувшим днем. Даже в тяжких испытаниях, выпавших на твою нелегкую долю, ты сумела сохранить благородство души и доброту сердца, которые всегда отличали представителей славного рода Каиров. Ты бескорыстно пришла на помощь приставленному к тебе Черной колдуньей бессловесному исполнителю ее злой воли. В свою очередь, я хочу помочь тебе, невинное дитя, указав путь к выходу из темницы. Он находится на полу под тяжелыми деревянными нарами, на которых ты спишь. Ядам тебе силы сдвинуть их с места, чтобы через находящийся под ними подземный ход, ты смогла выбраться за пределы дворца. Все остальное уже зависит от тебя, Эли. Но знай, что, несмотря на все испытания, что посылала и еще не раз пошлет тебе судьба, ты будешь по-настоящему счастлива. Да не оставит тебя Всевышний, аминь!

Эльнара проснулась и дрожащими от волнения руками принялась сдвигать в сторону прежде упорно не поддававшиеся ей тяжелые нары. Раньше, после ряда бесплодных попыток, она думала, что они заколочены в пол, но сейчас нары медленно отходили в сторону. Под ними, в покрывшийся плесенью и мхом пол был вбит большой ржавый крюк. Эли потянула его и не поверила собственным глазам: под полом действительно оказался подземный ход. Сон оказался вещим.

Прихватив котомку, девушка поспешно спустилась вниз и, не оглядываясь, двинулась к спасительному выходу, освещая путь лампой. Оказавшись на свободе и с трудом сдержав закипающие на глазах слезы, она с наслаждением вдохнула чистый ночной воздух и быстро зашагала прочь, подальше от проклятого дворца, в котором ее хотели принести в жертву черным силам.

Наутро Эльнара отправилась на главный базар Перистана, где в пестром многолюдье легче всего было затеряться. Подустав от всех приключений, решила, что пришла пора сменить мужское платье на девичий наряд, тем более что и роскошные черные волосы, скрываемые от посторонних глаз неизменной чалмой, уже давно отросли. Купленное ею тут же платье нежно-розового цвета, какие обычно носили жительницы расположенных поблизости от столицы селений, подчеркивало стройность ее маленькой изящной фигурки и придавало свежесть бледному, после пребывания в сырой темнице лицу.

Разговорившись со словоохотливым торговцем зеленью, девушка узнала, что не далее как сегодняшним утром к нему подходил садовник из богатого дома хоршикского вельможи Алишера, искавший умелую трудолюбивую помощницу на место недавно вышедшей замуж работницы. Эльнара, желавшая поскорее куда-нибудь определиться, дабы ее не смогла отыскать Черная колдунья, очень заинтересовалась этим предложением и, поблагодарив, отправилась по указанному ей адресу.

Дом Алишера находился на одной из красивейших и оживленных улиц столицы. Нижний этаж, предназначенный для подсобных помещений и многочисленной прислуги, снаружи был облицован благородным черным гранитом, а два верхних — украшены драгоценным малахитом. Собственно, это был даже не дом в традиционном смысле этого слова, а сказочный дворец, утопающий в немыслимой роскоши. Изнутри он весь сверкал от обилия золота, серебра и драгоценных камней, встречавшихся даже там, где в них не было никакой необходимости. Вся мебель в доме была изготовлена из ценного красного дерева, посуда — только из чистого золота и высокопробного серебра, а пол целиком выстлан

белым мрамором. Многочисленные зеркала разнообразных форм и размеров были оправлены драгоценными камнями, и даже на головных уборах слуг, неизменно одетых в белоснежную одежду, притягательным светом сверкали изумительные по красоте украшения. Это была безудержная роскошь, характерная для людей, слишком легко и быстро добившихся благосостояния.

И действительно, хозяин дома Алишер был одним из приближенных хана Тани. Благодаря острому уму и ярким ораторским способностям, он в сравнительно короткий срок выбился из простых служащих на почетный пост советника по вопросам внешней политики. Послы, отягощенные возложенной на них ответственностью, надутые купцы, уверенные в том, что миром правит золото, простые хоршики, связанные с жителями соседних государств родственными или иными интересами, — все шли на поклон к влиятельному Алишеру и, естественно, не с пустыми руками. Неудивительно, что у светлейшего вельможи к концу десятого года службы накопилось столько богатств, что впору было строить второй дом, предназначенный лишь для размещения непрерывно поступающих со всех сторон даров.

Вот в такое, отмеченное Божьей милостью место и попала скромная уроженка Архота в качестве помощницы садовника.

Работа на свежем воздухе пошла девушке на пользу. На ее нежных щеках появился приятный румянец, чудные раскосые глаза, выплакавшие в мрачной темнице столько горьких слез, приобрели притягательный чувственный блеск, пухлые вишневые губы были всегда готовы растянуться в очаровательной улыбке...

О ленивом человеке на Востоке обычно говорят: «Его обгонит даже ишак». Но, пожалуй, и быстроногая лань не смогла бы настичь проворную гибкую дочь архотского лекаря, с утра до вечера без устали перемещавшуюся по огромной территории дворцового сада. То, приподнявшись на цыпочки, она старательно срезала крону многочисленных кустарников, чтобы они не заслоняли от живительных лучей солнца робко тянущиеся к свету более мелкие растения, доводя простыми садовыми ножницами край внешней линии просто до совершенства. То быстрым легким шагом обходила стройные ряды деревьев и кустов, проверяя чистоту текущих вдоль них арыков, питавших своей прохладной водой глубокие корни многолетних растений. То, склонившись над рыхлой, тщательно обработанной землей цветочных клумб, с любовью высаживала нежные ростки прекрасных цветов. При этом, обладавшая чудным музыкальным слухом и приятным мелодичным голосом, девушка нередко сопровождала свою работу, приносящую ей удовольствие, пением.

Однажды, услышав ее чудный голос, на лужайку заглянул сам хозяин здешних земель, сановный вельможа могущественного хана Тани светлейший Алишер, имевший привычку перед ужином совершать небольшую прогулку. Взглянув на талантливую певунью, он по достоинству оценил ее редкую притягательную красу, а немного пообщавшись с ней, был очень удивлен чересчур обширными для женщины, тем более столь юного возраста, знаниями в самых разных областях.

После этого случая приближенный великого хоршикского хана еще несколько раз находил время побеседовать с удивительной девушкой, каждый раз все более поражающей гибкостью острого ума и глубиной рассуждений. Спустя почти полтора года Эльнара, вновь переодевшаяся в женское платье, придумала себе новую легенду, которую и поведала Алишеру.

По ее словам выходило, что она являлась дочерью знатных людей из кочевого племени аргунов. Потеряв в детстве обоих родителей, вследствие разгоревшейся после смерти ее отца

внутри племени ожесточенной борьбы за власть, она была вынуждена бежать под защиту могущественного хана хоршиков. Эли знала, что проверить подлинность ее рассказа практически невозможно, так как после усиления в Великой Степи влияния Хоршиковского ханства осторожные аргуны стали кочевать на самом юге степи, дабы в случае опасности успеть скрыться в сопредельных странах Востока.

Благородное происхождение девушки вкупе с ее необыкновенной красотой и редким умом произвели на светлейшего вельможу очень благоприятное впечатление. Он решил, что дочь покойного предводителя племени аргунов, о существовании которой совсем не обязательно было знать его высокому господину, озабоченному решением более важных вопросов, вполне достойна стать наставницей двух его маленьких дочек. Эльнара, которой наряду с хорошим жалованием был обещан свободный доступ в богатую библиотеку дворца, не стала отказываться от заманчивого предложения и вскоре из уютного небольшого домика она переселилась на второй этаж роскошного жилища Алишера. Ее переменчивая судьба совершила очередной интересный виток.

Добросердечной девушке без труда удалось найти общий язык с двумя очаровательными малютками, за короткое время так сильно привязавшимися к своей ласковой и красивой наставнице, что даже перед сном их сложно было оторвать от нее. В этих милых хлопотах неспешно проходили день за днем, а вечерами Эльнара обычно удалялась в дворцовую библиотеку, которую кроме нее мало кто посещал.

В просторном помещении с высокими потолками, украшенными по краю затейливой лепкой, а посередине — живописными фресками, были такие узкие окна, что тут всегда царил полумрак. Вдоль стен стояли очень высокие массивные шкафы из красного дерева, запиравшиеся на замки, ключи от которых хранились в стоявшей на низком столике малахитовой шкатулке.

Выбрав одну из книг, Эли, уютно поджав под себя ножки, устраивалась на удобном диванчике и погружалась в мир занимательной истории или всевозможных приключений. Тут добро всегда побеждало зло, а храбрые воины с красивыми мужественными чертами лица бесстрашно бросались спасать из плена прекрасных юных девушек, которых затем брали в жены. Читая эти сентиментальные повествования, романтическая девушка и сама начала мечтать о любви.

Однажды в библиотеку, ошибившись дверью, заглянул частый гость дома Алишера, его близкий друг и младший брат хана Тани — Фарух. Увидев в глубине помещения расположившуюся на низком диванчике девушку, увлеченно читавшую книгу, он удивленно остановился, а разглядев ее необычную красу, подошел ближе. Услышав шаги, Эльнара, привыкшая к своему неизменному одиночеству в стенах библиотеки, оторвалась от чтения и подняла голову. При виде ее чудесных черных глаз, опущенных густыми длинными ресницами, молодой человек пришел в восхищение. Стараясь не смутить девушку, он непринужденно и вместе с тем весьма деликатно заговорил с ней, чтобы узнать, кто она? Эли изумленно смотрела на незнакомца, изо всех сил пытаясь не выдать охватившего ее волнения.

Друг хозяина дома внешне необычайно сильно был похож на героя одного из романов, недавно прочитанных ею и под впечатлением которого чувствительная девушка все еще продолжала пребывать. Высокого роста, с широким разворотом плеч, стройной осанкой, небольшой аккуратной бородкой и проникающим в самую душу внимательным взглядом больших карих глаз, он показался Эли воплощением образа настоящего мужчины,

способного ради любви на самые безрассудные поступки.

С того дня молодые люди время от времени виделись в библиотеке, обмениваясь нехитрыми новостями, перекидываясь невинными шутками, а в романтической душе дочери архотского лекаря все ярче разгоралось пламя первой любви. Стараясь не заглядывать слишком далеко в будущее, Эльнара просто радовалась этим встречам и все сильнее привязывалась к Фаруху.

Однажды хозяин дома устроил небольшую пирушку по случаю рождения его второй женой долгожданного наследника. На пирушку пригласил несколько близких друзей, включая Фаруха. Прознав об этом, Эли понадеялась, что любимый человек, еще не подозревающий о ее чувствах, все же выберет минутку, чтобы пообщаться с ней, а потому в тот вечер дольше обычного задержалась в библиотеке.

Уже почти стемнело, когда, наконец, тяжелая двустворчатая дверь бесшумно отворилась. Обрадованная девушка бросилась навстречу, но вдруг застыла на месте от удивления и замешательства: на пороге, пошатываясь от чрезмерно выпитого вина, стоял Алишер. Увидев Эльнару, он удовлетворенно улыбнулся и нетрезвым голосом протянул:

— Думаю, красавица, в столь поздний час ты именно меня ждала здесь, в этом приятном полумраке? Конечно, мне давно следовало догадаться о твоей страсти к такому почтенному и видному мужчине, как я, но поскольку на все воля Аллаха, стало быть, именно в день великого для меня праздника всемогущему Аллаху было угодно одарить меня любовью прекрасной, как загоревшаяся на небе звезда, юной девушки.

О Эльнара, свет очей моих, самая чувствительная струна моей тонкой возвышенной души! Твоя несравненная красота подобна живительному источнику влаги в знойной пустыне, так утоли же жажду одинокого путника, приди в мои горячие объятия!

Долговязый Алишер растопырил длинные руки. Эли попятилась к дивану, пытаясь объяснить нетрезвому мужчине, что он очень сильно заблуждается относительно ее чувств к нему, но, разгоряченный винными парами и близостью красивой девушки, господин ничего не хотел ни слышать, ни понимать, а упрямо заявил:

— Я ценю твою скромность, радость глаз моих, ты — настоящая дочь Востока! Но я знаю, что, когда лукавые женские уста изрекают «нет», более правдивое сердце хочет сказать «да». Но, впрочем, пора заканчивать нашу затянувшуюся игру. Ну же, поцелуй меня, твои пленительные губы просто сводят меня с ума. Представляю, как ты хороша в постели, прелестная дикарка из кочевого племени аргунов.

Самодовольный вельможа потянулся к Эли, но вместо горячего поцелуя получил пощечину. Разъярившись ее упорным сопротивлением, он повалил хрупкую девушку на диван, приговаривая:

— Глупая девчонка, ты на кого посмела поднять руку? Да за неповиновение советнику самого хана Тани я посажу тебя, как только взойдет солнце, в холодный сырой зиндан, где ты сгниешь заживо. Но до утра есть время, и ты еще можешь попытаться исправить свою ужасную ошибку, только для этого нужно очень постараться.

Одним рывком Алишер разорвал платье на груди Эльнары, потом потянулся к подолу. Не желавшая сдаваться девушка увидела небольшой кинжал на его поясе, который озабоченный мужчина позабыл снять. И проворно выхватила его из изящных, украшенных бриллиантами ножен. Потом, не раздумывая, нанесла короткий, но сильный удар в грудь.

С тихим стоном насильник повалился на пол.

Тяжело дыша, Эли вскочила на ноги, и в это время в библиотеку вошел Фарух, которого

в этот вечер она так мечтала увидеть. При виде представшей его изумленному взору картины, младший брат хана Тани мгновенно протрезвел. Его лучший друг в нелепой позе недвижно лежал на полу, а на его белоснежной сорочке растекалось большое алое пятно. Рядом стояла дрожавшая от негодования девушка в разорванном на груди платье. Объяснения были излишни. Фарух быстро подошел к Алишеру, пощупал его пульс, потом, схватив за руку Эльнару, ни слова не говоря, повел ее через черный ход к выходу из дворца. На улице он ненадолго оставил ее. Прислонившись в прохладной стене, Эли пыталась собраться с мыслями, одновременно придерживая сползающую с плеч шелковую ткань. Девушка вздрогнула, увидев перед собой роскошный паланкин, но тут же упокоилась — в нем сидел Фарух, единственный на свете человек, которому доверяло ее сердце. Усадив Эльнару в носилки, мужчина приказал слугам следовать в его дворец, а сам остался в доме несчастного друга.

Искушение Эльнары

Потрясенная случившимся, сжавшись в комок, Эли сидела в уголке длинного дивана, стоявшего посередине просторного помещения с множеством узких окон, по-видимому, служившем для Фаруха комнатой отдыха. Перебирая в памяти детали трагического события минувшего вечера и внутренне содрогаясь от мысли, что лишила человека жизни, Эльнара приходила к выводу, что, если бы ситуация вдруг повторилась, она поступила бы именно так, а не иначе. Когда-то гордая дочь Востока дала себе слово, что никому в целом мире не позволит навязывать ей свою волю и не позволит вмешиваться в свою жизнь. Слово это она намерена была держать во что бы то ни стало.

«Возможно, уже утром меня казнят, — невесело думала она, обхватив руками колени и упершись в них подбородком, — это очень печально, но, увы, — неизбежно. Кто поверит бедной одинокой девушке, ведь у меня нет ни одного свидетеля, кто мог бы подтвердить, что я не собиралась убивать Алишера, а только защищала свою честь. Я никогда больше не увижу яркого солнечного света, не почувствую ласкового дуновения свежего весеннего ветерка, не порадуюсь чистому первому снегу. Я уйду в мир иной, а на земле ничего не изменится. Люди по-прежнему будут жить, любить, страдать, порой ненавидеть друг друга, и никто не вспомнит обо мне, не пожалеет, что меня нет рядом. Но я не должна роптать на судьбу, ведь за свою короткую жизнь мне довелось познать великое счастье любви. Правда, он не догадывается о моих чувствах, но я знаю, что моя любовь придаст мне силы достойно встретить смерть, я умру с его именем на устах».

Внезапно Эльнара выпрямили спину и глядя по сторонам более осмысленным и живым взглядом, подумала:

«Однако почему я должка умереть? Ведь я совсем молода. За свои шестнадцать лет я никому не причинила зла, и уж тем более не стала бы лишать жизни Алишера, если бы у меня была возможность сбежать от него. Нет, я не хочу умирать. Не для того я бежала из отчего дома, а потом из темницы злой колдуньи, чтобы так легко сдаться. Вот и сейчас мне нужно бежать, попытавшись как можно дальше уйти от Перистана. Что я здесь делаю? Жду, пока за мной придут свирепые стражники и поволокут на площадь под любопытные взгляды праздной толпы? Мне нельзя терять времени. Верю, Фарух поймет и простит меня. О, как бы я хотела поблагодарить своего спасителя, признаться ему в своих чувствах. Даже если он не сможет ответить на них, пусть хотя бы знает, что есть на свете девушка, которая любит его и будет любить до конца дней своих. Нет, я не могу уйти просто так, мне нужно оставить Фаруху письмо».

Эли направилась к письменному столу и, обмакнув перо в изящную позолоченную чернильницу в форме очаровательного маленького львенка, принялась быстро писать своим красивым мелким почерком. Она уже заканчивала свое спонтанное и немного сумбурное послание, когда дверь комнаты отворилась и вошел владелец сих роскошных покоев. Он выглядел уставшим, его посеревшее после бессонной ночи лицо осунулось, а под глазами залегли темные круги. Не ожидавшая этой встречи, Эльнара растерянно приподнялась из-за стола, не зная, что ей сказать и что делать.

Неторопливым шагом всегда уверенного в себе человека Фарух подошел к столу и взял в руки письмо. Бледные щеки девушки невольно покрылись румянцем, ей захотелось провалиться сквозь землю. Ведь одно дело, оказавшись далеко за пределами дворца, мечтать

о том, как любимый вскрывает письмо. По мере чтения удивление на его лице сменяется выражением искреннего сожаления, что он лишен возможности сделать ответное признание, и совсем другое видеть эту сцену воочию, не зная, что будет дальше.

Фарух закончил читать. Эльнаре показалось, что прошла целая вечность. Мысленно умоляя Аллаха послать ей сил выдержать это испытание, она приготовилась к самому худшему. Однако любимый подошел к ней и, легко подняв на руки, прижал бедную девичью голову к своей широкой и надежной груди. Он ласково поглаживал ее по длинным шелковистым волосам и нежно нашептывал ей в ушко, что она нужна и дорога ему, как никто на целом свете. До глубины души взволнованная таким признанием, Эли расплакалась. По-прежнему не выпуская из рук девушку, Фарух сел на диван. Обняв его за шею, уже почти успокоившаяся Эли, негромко спросила:

— Что теперь будет?

— Ты останешься здесь, — твердо ответил любимый, — я знаю, что ты не виновата в гибели Алишера. Видно, Аллаху было угодно призвать его открытую честную душу к себе на Небеса. Конечно, будучи трезвым, мой бедный друг никогда бы не позволил себе подобной вольности по отношению к женщине, но радость от рождения сына, по-видимому, совсем затмила ему разум. Увы, ему никто уже не сможет помочь, нам не остается ничего другого, как хранить о нем память в своем сердце и продолжать жить дальше.

— Ах, свет души моей, — печально ответила Эльнара, — как мне ни хорошо и покойно рядом с тобой, но я должна бежать из Перистана, пока еще есть такая возможность. Я очень надеюсь, что спустя время, когда эта трагическая история немного позабудется, я вновь смогу увидеть тебя, конечно, если ты этого захочешь, любовь моя.

— Пока я рядом с тобой, ты не должна ничего бояться, — возразил Фарух. — Верь мне, здесь, в доме брата хана Тани, тебя никто не станет искать. Более того, отправив тебя сюда, я вернулся в библиотеку и вложил кинжал в руку Алишера, чтобы слуги, обнаружив мертвое тело, подумали, что под воздействием винных паров он сам покончил с собой. Затем я присоединился к ни о чем не подозревающим друзьям, а немного погодя отправил слуг на поиски запропавшего хозяина дома. Мой расчет оправдался — никому и в голову не пришло подозревать тебя, моя бедная любимая Эльнара. Но тем не менее я думаю, что тебе пока лучше пожить здесь, чтобы прийти в себя после всего, что сегодня случилось, а там посмотрим, как нам с тобой быть дальше. Помни, я люблю тебя, и это главное.

Эли осталась жить в роскошном дворце Фаруха.

Он вел себя с ней крайне деликатно и бережно, прилагая все силы, чтобы она поскорее забыла пережитую трагедию. Общась с Эльнарой, Фарух никогда не упоминал имени покойного друга, но зато каждый день признавался ей в любви, которой проникся к ней в их первую же встречу.

Эльнара была счастлива, как никогда. Ее любовь к Фаруху день ото дня разгоралась подобно яркому костру. Она любила так страстно и самозабвенно, как могут любить только дочери древнего мудрого Востока.

Каждую ночь, прежде чем отправиться на покой, она в специальном золотом тазу мыла любимому ноги, после чего своими ласковыми умелыми руками массировала их, дабы сон дорогого ей человека был крепок и спокоен. А потом надолго припадала к его стопам, покрывая их то нежными, то глубокими, страстными поцелуями, наслаждаясь ощущением своей абсолютной принадлежности мужчине, у ног которого она хотела бы провести остаток дней своих.

Приподняв девушку с пола, Фарух целовал ее милое лицо, дышавшее неподдельной страстью, ее чудные, созданные для любви губы, при одном взгляде на которые кружилась голова, ее дивную шею, соблазнительно трепетавшую при каждом прикосновении. Ничего другого молодые люди, чтившие нравственные понятия и обычаи своего народа, себе не позволяли.

Шли дни. Эльнара все более растворялась в любимом и почти не вспоминала о прошлом. Ей безумно нравилось все, что так или иначе было связано с Фарухом. Его дом, личные вещи и даже слуги казались без памяти влюбленной девушке самыми лучшими на свете. Правда, Эли удивляло свойственное Фаруху пристрастие к красивым безделушкам и драгоценностям, но она объясняла это его происхождением и, следовательно, полученным им воспитанием. Она старалась не думать, что это может стать преградой их счастью.

Однажды вечером Фарух вернулся домой раньше обычного. Он был непривычно задумчив и рассеян. Долго не хотел объяснять встревоженной Эльнаре причину своей грусти, но потом разоткровенничался. Устремив на девушку серьезный взгляд больших карих глаз, он с печалью в голове произнес:

— Я люблю тебя, свет моей души, однако есть причины, по которым я не могу пока взять тебя в жены, хотя очень этого хочу. Ты прекрасна, юна и невинна, как та утренняя звезда, красой которой я порой люблюсь из окна опочивальни. Поверь, я не хотел бы смущать твой чистый светлый разум, но ты настойчиво просишь меня объяснить тебе причину моей грусти, и я вынужден сделать это признание. Ты не представляешь, любовь моя, как долго я держал себя в руках, пытаюсь обуздать нестерпимые желания моего грешного тела. Но, увы, на собственном примере я убедился, что есть предел человеческим силам. Мне мало тех ласк, что ты великодушно даришь мне каждый вечер, мои и душа, и тело жаждут большего.

Я вижу в твоих прекрасных глазах, Эльнара, страх и понимаю тебя, ведь невинность — это самое святое, что есть у девушки, и она по праву принадлежит ее супругу, я же пока не могу назвать себя твоим мужем. Я знаю, что мы обязательно поженимся и будем счастливы, как никто на свете, но только чуть позже. Скажи мне, счастье и смысл моей жизни, смогла ли ты быть со мной близка до того счастливого мгновения, когда мулла освятит наш с тобой союз согласно мусульманским законам? Не бойся, я не стану лишать тебя невинности, есть другие способы, помимо того, о котором ты, должно быть, догадываешься, доставить мужчине наслаждение. Поверь, я ценю твою девичью скромность и невинность, и ни на чем не настаиваю, но в твоей воле, душа моя, сделать меня счастливым. Ах, Эльнара, если бы ты только знала, как я бесконечно одинок в этом мире!

Крайне смутившись просьбой Фаруха, Эльнара не знала, как ей поступить, дабы не обидеть любимого, и при этом не поступиться собственными нравственными принципами. Однако его последняя фраза положила конец ее внутренним колебаниям. Эли сделала шаг навстречу Фаруху. Он подхватил ее на руки и понес в свою опочивальню. Бережно уложил на огромное низкое ложе, загасил ночник. Пока в кромешной темноте любимый освобождался от одежды, Эльнара, с некоторым сожалением осознавая, что отступать уже поздно, пыталась сообразить, как ей вести себя дальше. «Жаль, что мы не изучали этого в Школе красоты», — простодушно подумала она, ломая голову над тем, что имел в виду Фарух, говоря о неких способах сделать приятное мужчине. «Все-таки очень любопытно, — размышляла Эли, стараясь морально подготовить себя к предстоящему испытанию, — что ждет меня, если любимый, по его словам, не намерен лишать меня девичьей чести, но хочет,

чтобы я отдалась ему? И, вообще, кем я смогу считать себя после этого: девушкой или женщиной? Ах, о чем это я думаю! Разве любовь — не самое главное?»

Эли невольно вздрогнула, когда склонившийся над ней Фарух, словно бы угадав ее тайные мысли, нежно прошептал:

— Я люблю тебя, и это главное!

Позабыв о всех своих тревогах и сомнениях, Эльнара обвила руками шею любимого и прошептала в ответ:

— Я люблю тебя, солнце моей жизни!

Фарух покрыл поцелуями ее зардевшееся от смущения лицо, спустился ниже, умелыми руками избавляя любимую от ненужного сейчас платья.

От ласковых, но сильных прикосновений его умелых рук чувствительное тело Эли трепетало, словно струны рубаба, на котором до появления в их доме Айша-Биби изредка играл отец, выплескивая в музыку свою по-прежнему не утихавшую тоску по любимой Фариде.

«Я люблю Фаруха! — думала Эльнара, отдаваясь в сладкий плен доселе неведомого ей восхитительного чувства. — Да, это и есть любовь, когда ты полностью растворяешься в другом человеке, без раздумий и колебаний вверяя ему свою душу и тело, потому что он — твоя когда-то утерянная половинка, твой главный смысл жизни, твое предназначение на земле. Я говорила, что никому не позволю распоряжаться своей жизнью, потому что была юна и не знала любви, не знала этой, поистине упоительной власти мужчины, способной заставить тебя позабыть обо всем на свете. Все — суета сует, главное — любовь».

— Главное — любовь, — словно эхо раздался голос любимого, и Эли вновь поразились тому, как порой слово в слово совпадают их мысли, что бывает только у действительно любящих друг друга людей.

В окно заглянула круглая любопытная луна, осветив ярким светом сплетенные в тесном объятии обнаженные тела влюбленных. На нежных девичьих щеках заалел румянец смущения, восхищенный Фарух покрыл их жаркими поцелуями, одновременно лаская руками маленькую упругую грудь с устремленными ввысь сосками. Эльнара не сдержала сладострастных стонов, выгнувшись всем телом и еще крепче прижавшись к возлюбленному, ощущая волнующую тяжесть и жар в самом низу живота.

Не ожидавший от неопытной девушки каких-либо проявлений страсти, Фарух не стал медлить. Мягким, но настойчивым движением он вложил в трепещущие руки Эльнары свое главное мужское оружие и показал милой, как ей следует обращаться с его самой большой гордостью.

К удивлению мужчины, сие невинное занятие привело его пылкую возлюбленную в настоящий экстаз. Ухватившись обеими руками за горячую твердую плоть и уперев головку в свое изнемогающее от жара лоно, она то сжимала ствол в отдельных, особенно возбуждавших ее местах, то кончиками пальцев быстро пробегала по всей поверхности, как будто играла на свирели. То подобно лодочке ласково и долго скользила маленькими ладошками по невероятно большой и очень твердой плоти, вызывавшей у нее и чувство искреннего восхищения, и чувство некоторого страха.

Незаметно для себя Эли унеслась в заоблачные дали. Ее роскошные черные волосы небрежно разметался по подушкам, а густые длинные ресницы взволнованно трепетали. Слегка приоткрытый и очень соблазнительный рот дышал подлинной чувственностью. В эти чудные мгновения она была необыкновенно хороша и до боли желанна. Полюбовавшись

этой трогательной красой, Фарух жадно впился в сводившие его с ума пухлые вишневые губы. Податливый девичий рот принял его гибкий язык не просто с благодарностью, но словно воронка стал нетерпеливо вбирать его внутрь в нестерпимой жажде наслаждения. В Эли во весь голос заговорил великий инстинкт любви.

Этот страстный зов не мог быть не услышан самцом, всегда готовым ринуться в бой. Фарух откинулся на спину, легко намотал длинные волосы на руку, а затем подтянул к себе девушку так, что его мужское достоинство оказалось у самых ее губ. Он полулежал на высоких белоснежных подушках, его мужественная смуглая грудь равномерно вздымалась, а глубокий взгляд красивых карих глаз излучал власть и абсолютную уверенность в себе. Эльнара, к своим шестнадцати годам уже усвоившая, что мужественность — это всегда несоизмеримо больше, чем просто сила, смотрела на него зачарованным любящим взглядом.

— Бери, — негромко приказал Фарух и прикрыл глаза.

«Он не поместится в мой рот, — обеспокоенно подумала девушка, благоговейно взирая на торчавшую перед самым носом огромную твердыню, невольно заставившую ее почувствовать себя очень маленькой и незащищенной, — он, вообще, никуда не поместится. Не понимаю, как с этим можно передвигаться, что-то делать... Все-таки как мне повезло, что я не родилась мужчиной!»

Набрав в легкие побольше воздуха, Эльнара попыталась взять член в рот, но с ужасом обнаружила, что входит одна лишь головка, да и то с большим трудом. После нескольких безуспешных попыток протолкнуть ствол глубже, она решила распробовать то, что есть. Для чего вынула головку изо рта, с удовольствием облизала ее со всех сторон, а потом, глядя замороженным взглядом на маленькую заманчивую дырочку, осторожно приоткрыла ее губами и, уже не сдерживая себя, прильнула к ней долгим страстным поцелуем.

Эта маленькая, очень сладкая и уже бесконечно родная дырочка таила в себе огромную и безумную силу. Стоило ее приоткрыть, как она принимала форму небольшого человеческого глаза, за что Эли тут же наградила ее коротким любовным прозвищем «мое око». Чувствительное нежное «око», словно сознавая свою исключительную власть над девушкой, ласково дразнило ее, то плотно смыкая врата, будто приготовившаяся к вражеской осаде крепость, то гостеприимно распахивая их навстречу жаркому девичьему язычку, стремящемуся проникнуть как можно глубже, дабы полнее ощутить неповторимый вкус и аромат могущественного живительного источника, вызывавшего у Эли слезы восторга и умиления одновременно.

— Прости, мое око, — тихо шепнула Эльнара, — но меня ждет древо жизни, самой сладкой частью которого, несомненно, являешься ты, моя радость. Я еще вернусь. — Ее нежные губы заскользили вдоль огромного твердого ствола, медленно поднимаясь от могучего надежного основания к горделиво покачивающейся кроне и вновь спускаясь обратно, не оставляя без ласки ни единого местечка. Почувствовав, что жаждет большего, она стала втягивать в себя волнующую горячую плоть, наслаждаясь ее несказанной сладостью.

«Ах, какая прелесть! Ничего слаще я в жизни не пробовала, — восхищенно думала Эли, подолгу смакуя отдельные места, а то жадно всасывая ствол так глубоко, что ей казалось: еще немного, и он пробьет ей гортань. О, как же мне повезло, что я родилась женщиной!»

Сама того не замечая, до крайности возбужденная девушка, одной рукой придерживая достоинство любимого, чтобы оно не соскальзывало с ее влажных трепещущих губ, другую руку направила меж своих ног к готовому взорваться от внутреннего напряжения и сильного

притока крови затвердевшему бугорку. От этого двойного удовольствия ей захотелось лезть на стенку, и, если бы ее волосы по-прежнему не были намотаны на руку Фаруха, она бы, наверное, так и сделала.

С глухим вскриком: «Бери глубже!», похожим на рычание молодого зверя, Фарух повалил ее навзничь. Теперь голова Эли лежала на высоких подушках, а любимый, присев над ее лицом, быстро и часто вводил свой невероятно разбухший член в ее рот. В затуманенном воображении Эльнары мужская плоть сейчас представляла в виде огромной рыбины с серебристой, мелко подрагивавшей чешуей, которая, играя на солнце, то ныряла, то выныривала из ласковых вод необъятного океана, и этим океаном была ее взбудораженная гортань.

А спустя мгновение она увидела себя на каком-то быстроходном корабле, который стремительно мчался на всех парусах по небесно-голубым водам, поднимавшим его к самому солнцу. Совершенно обессилевшая девушка устало подумала, что сейчас яркое светило опалит ее своим жаром, но внезапно острые желтые лучики превратились в единый сосуд, из которого в ее пересохший рот потекла обильная и немного густая влага. Уже ничему не удивляясь, переполненная чувствами и впечатлениями, Эли с благодарностью глотала ее и не могла насытиться прежде неизвестным, удивительным вкусом, который нельзя было назвать ни сладким, ни горьким, может быть, пряным, а главное — очень возбуждающим. Несколько капель упало на ее разгоряченное лицо, и в этот же миг полость ее рта странным образом опустела, словно из нее вынули все зубы и язык в придачу, в голове шумело.

С трудом разлепив густые ресницы, Эльнара обнаружила рядом с собой блаженно раскинувшегося Фаруха. Постепенно ее сознание прояснялось. Невольные судороги пробежали по хрупкому девичьему телу при воспоминании о пережитом, поистине неземном наслаждении. Не открывая глаз, любимый произнес:

— А теперь поцелуй его так, чтобы он засверкал, заблестел ярче звезд, мерцающих сейчас на этом небосклоне.

Эли послушно склонилась над мужской плотью и вдруг вздрогнула, ощутив, как какой-то небольшой гладкий предмет медленно проникает в ее задний проход.

— Не бойся и продолжай делать то, что ты делаешь, — раздался негромкий голос Фаруха. — Я обещал показать тебе, каким образом ты можешь доставить мне удовольствие. С одним из этих способов ты уже познакомилась, есть и другой, и я уверен, что тебе, моя маленькая пылкая возлюбленная, он понравится не меньше. Правда, поначалу тебе, возможно, будет немного больно, но за удовольствие всегда приходится платить. Да и потом, душа моя, ты ведь и сама знаешь, как для меня свята твоя невинность, поэтому придется потерпеть, зато потом будет очень хорошо, и не только мне, поверь моему слову.

Склонившись над стволом и приподняв ягодицы, чтобы любимому было удобнее заниматься его делом, с некоторым замиранием сердца, которое обычно вызывает неизвестность, Эльнара целовала и со всех сторон вылизывала на глазах твердеющую и увеличивающуюся в размерах плоть, вновь возбуждавшую ее уже одним своим видом. Вместе с тем самой себе ей было неловко признаться в том, что испытываемые ею необычные ощущения от той гладкой палочки, что ввел в нее Фарух, возбуждают ее отнюдь не меньше. Она не знала, чего он добивается, но его действия ей были приятны. Не сумев справиться с охватившим ее желанием, Эли задвигала бедрами, отчего вращение палочки усилилось, и она вошла еще глубже. Девушка застонала.

— Дай мне свой рот, алчущий наслаждений, — повелел Фарух, притягивая к себе возлюбленную. — А теперь, светочей моих, повернись ко мне спиной и встань на четвереньки, раздвинув руками два своих чудных полумесяца, и помни, что ты должна очень постараться, чтобы я остался доволен.

До последнего мгновения Эльнара не могла поверить в то, что огромная и твердая мужская плоть способна войти в этот узкий проход. Страх, любопытство, возбуждение — все перемешалось в ней, вызывая невольные содрогания изящного хрупкого тела. Эти содрогания усилились, когда ствол начал медленно входить в нее. Эли застонала, но, увы, не от страсти. В голове зашумело, на глаза навернулись слезы. Откуда-то издалека раздался голос:

— Терпи. Когда он полностью войдет, боль прекратится.

— Когда он войдет, я умру, — в отчаянии думала девушка, все ниже опуская голову и все выше поднимая ягодицы, следуя указаниям рук возлюбленного.

Ствол вошел. Два прилегающих к нему маленьких упругих шарика победоносно ударились о нежные девичьи полушария, и это невинное движение вдруг очень возбудило поникшую было Эли. Она вспомнила, как совсем недавно терлась о них лицом, вдыхая их непередаваемый чувственный аромат, как перекатывала их во рту, словно они были не частью живого организма, а чем-то вроде любимых ею спелых сладких персиков, как смаковала их вкус, отличающийся от всего того, что ей уже удалось испробовать в захватывающих любовных играх.

Смазанный какой-то мазью, ствол мягко скользил внутри нее. Ошеломленная Эльнара тонко чувствовала каждое его движение, доставлявшее ей невероятное наслаждение: он то устремлялся вперед, словно пущенная твердою рукою стрела, то внезапно отклонялся в сторону, как корабль, неожиданно решивший сменить свой курс. Потом начинал быстро вращаться подобно ступке, которой кочевники взбивают напиток из верблюжьего молока «шуат», и вновь неторопливо и свободно скользил. В воображении Эли опять предстала серебристая рыба, большая, гладкая, мелко подрагивающая.

И вдруг, небрежно махнув хвостиком, рыба исчезла, а на ее месте оказался огромный, тускло-сверкающий меч с большими широкими ножнами. Он входил в нее такими сильными и глубокими ударами, что она, наверное, не удивилась бы, если бы его кончик вышел из ее гортани, издававшей столь громкие сладострастные стоны, что девушке пришлось вцепиться зубами в покрывало, дабы приглушить собственные крики. Последний решающий удар оказался настолько впечатляющим, что у Эльнары подкосились коленки, и, обливаясь светлыми слезами счастья, она рухнула ниц, увлекая за собой своего, не менее счастливого возлюбленного.

Так произошло приобщение юной красавицы из Архота к великому таинству любви, и с того знаменательного дня непосредственная в своих чувствах Эли всякий раз с нетерпением ожидала ночи, чтобы отдаться во власть всепоглощающей головокружительной страсти.

Прошел месяц. Эльнара буквально парила на крыльях счастья. Будучи по своей природе очень благодарным человеком, она хотела сделать для любимого что-нибудь особенное. Долго ломала голову и, наконец, решилась.

Стоял теплый осенний вечер, навевавший самые романтические мысли и желания. Донельзя взволнованная своим решением, Эли переделась в свадебный наряд покойной матери. Голубое атласное платье, обшито жемчугом, сидело на ней как влитое, туго обтягивая ее маленькую округлую грудь, тонкую талию и стройные соблазнительные бедра.

Чуть выше колен оно расширялось, ниспадая равномерными складками и слегка приоткрывая носочки изумительных изящных туфель. Не привыкшая скрывать лицо, гордая дочь степей немного поколебалась, но, выдерживая наряд в едином духе, все же накинула на голову легкое персидское покрывало цвета утреннего неба. Прекрасное жемчужное ожерелье обвилось дивную тонкую шею. Кокетливо улыбнувшись своему отражению в висевшем между окнами большом зеркале, девушка немного покружилась по комнате, а затем, целомудренно прижав коленки друг к дружке, скромно присела на краешек обитого розовым бархатом дивана в ожидании любимого. Эли и сама не представляла, как она была необыкновенно хороша.

За окном забрезжил рассвет, когда прикорнувшая Эльнара услышала знакомые шаги. Ее маленькое сердечко учащенно застучало, щеки покрылись нежным румянцем, а в широко распахнутых глазах появился характерный для влюбленных чувственный блеск.

Двустворчатая резная дверь из темного дуба распахнулась, и на пороге показался едва державшийся на ногах Фарух, бережно поддерживаемый за талию незнакомым привлекательным юношей. Почувствовав запах вина, Эли невольно отшатнулась в сторону. Заметив это, любимый усмехнулся и насмешливо произнес:

— Что, запах не нравится? Или, может быть, тебе не нравлюсь я — брат великого хоршикского хана, надежда и гордость нации? Что ты понимаешь в мужчинах, маленькая глупая женщина? Что ты вообще понимаешь в этой жизни, недоразумение природы, появившееся на свет по случайной прихоти Всевышнего, как впрочем, и все остальные твои сестры по разуму? — Довольный своей остротой, Фарух рассмеялся.

Не веря собственным ушам, Эльнара молчала, надеясь, что все услышанное ею — не более чем пьяная шутка. Но Фарух, прежде не свойственным ему неприятным и торжествующим тоном, продолжал:

— А еще ты не знаешь, птичка, что я тебя красиво обманул!

— Он обманул тебя, — нетрезво улыбаясь, подтвердил приятель.

— И ты мне больше не нужна, глупая женщина!

— Ты ему больше не нужна, — словно попугай, повторил юноша.

— Милый, тебе лучше немного помолчать, отдохни на моем широком плече, моя радость. — На глазах донельзя изумленной девушки ее возлюбленный страстно поцеловал в алые губы красивого и немного жеманного юношу, а затем, поудобнее устроившись вместе с ним на соседнем диванчике, злорадно усмехаясь, сказал:

— Ты думала, птичка, что я люблю тебя и только лишь мечтаю, чтобы жениться на тебе, ведь так, маленькая женщина? Ах, глупые курицы, вы все мечтаете об одном и том же, как же это скучно! А между тем по-настоящему понять и полюбить мужчину может только мужчина, например, такой, как мой Инкар, которого совершенно случайно мне посчастливилось сегодня встретить. Посмотри, как он красив, изящен, нежен, сколько в нем чувственности и искренности, сколько нерастраченной любви! Какая женщина может с ним сравниться? Ни одна во всем белом свете, включая мою жену!

— У тебя есть жена? — голос Эльнары предательски дрогнул.

— Я вижу, ты удивлена? Ах да, птичка, я совсем забыл тебе сказать, что вот уже несколько лет, как я женат, и даже имею маленькую дочь. Она вместе со своей матерью живет в отдельном дворце на другом конце Перистана. Я их при случае навещаю, как положено добропорядочному мужу и благонравному отцу.

— Зачем же ты мне лгал? — В прекрасных глазах Эли читалась такая глубокая боль,

которая не оставила бы равнодушным даже самого жестокосердного человека.

Но Фарух был закаленным в придворных интригах царедворцем, привыкшим топтать чувства других людей. Задумчиво погладив по волосам заснувшего юношу, он тонко улыбнулся и произнес:

— Видишь ли, так случилось, что с юных лет я стал питать непреодолимую страсть к красивым изящным юношам, к таким, как Инкар, радость моих глаз и улада моего сердца. Конечно, никто из моих родных об этом не догадывался. А когда подошло время, я, как положено, взял себе жену, но при первой же возможности под благовидным предлогом отселил ее подальше от себя, дабы она не мешала мне предаваться моим излюбленным утехам. Время от времени я навещаю ее, чтоб исполнить свой супружеский долг.

— Для чего в таком случае понадобилась я? — бесцветным голосом спросила Эльнара.

— Во-первых, не забывай, что я был вынужден пригласить тебя в свой дом, дабы спасти тебя от заслуженной кары, — ухмыльнулся Фарух. — Во-вторых, в сравнении со многими женщинами ты не только очень красива, но и необычайно умна, я искренне заинтересовался тобой. Правда, мои намерения относительно тебя мне самому еще были не совсем ясны, когда случай привел тебя в мой дворец. А потом мне захотелось иметь тебя рядом с собой так, как держат редкую птицу или приобретают завезенный с далеких земель цветок необыкновенной красоты. Но, на твое несчастье, вскоре твоя женская сущность наскучила мне. С недавних пор я вернулся к своим старым добрым друзьям и прежним, милым моему сердцу забавам. И теперь я должен расстаться с тобой, птичка, а мое ложе любви отныне будет делить со мной Инкар — без сомнения, самый красивый и нежный юноша на этом свете.

Конечно, я с самого начала знал, что ты — лишь временное явление в моей жизни. Будучи женщиной, ты при всем желании не могла сполна утолить мою страсть, хотя и очень старалась. Мне хотелось поступить с тобой по возможности справедливо, и я долго думал над тем, как это сделать. Надеюсь, ты понимаешь, птичка, что ни один человек на свете, кроме самых близких и проверенных мною людей, не должен знать, что брат великого хоршикского хана занимается любовью с мужчинами. Знание подобной тайны карается смертью, но я открыл тебе ее для того, чтобы ты знала, почему я оставил тебя, несмотря на всю твою пылкую любовь ко мне. Ты должна ценить мое благородство, женщина. Однако в жизни за все приходится платить...

При этих словах, пытавшаяся держать себя в руках Эли невольно вздрогнула. Сердце юной девушки защемило от тоски и обиды, с невыразимой горечью она подумала: «И этому человеку я хотела сегодня вечером подарить свою невинность в знак вечной любви и беззаветной преданности... Что же мне теперь делать?»

— А теперь, — словно бы угадав ее тайные мысли, заплетающимся языком произнес Фарух, пытаясь опереться на своего, спящего безмятежным сном приятеля, — ты должна узнать и по достоинству оценить мое мудрое, справедливое решение. Ты еще совсем юна и очень хороша собой, птичка. Мне действительно жаль лишать тебя жизни, да и потом, кое-кто из моих друзей, предпочитающих в постели женщин, мог бы попользоваться тобой, не так ли? Вот я и подумал: зачем добру пропадать? Радуйся, я сохраню тебе голову. Однако, для того, чтобы ты невзначай все же не проболталась об известной тебе тайне, завтра утром я велю отрезать тебе язык. И все останутся довольны. Ах, кстати, ты даже не догадываешься, глупая, что я обманул тебя дважды. Ты не знаешь, что... — не договорив, сморенный сном, Фарух уронил голову на колени спящему другу.

Какое-то время Эльнара была не в силах сделать ни единого движения и лишь в оцепенении смотрела на мужчин, пытаясь осмыслить услышанное и прийти в себя. Наконец, крепко прикусив губы, чтобы не дать вырваться переполнявшему крику отчаяния, она медленно попятилась к дверям: прочь из жестокого дома, бездумно растоптавшего и предавшего ее первую любовь!

Прекрасная пленница

К счастью, вынужденный тщательно скрывать от всех свой истинный образ жизни, Фарух имел немногочисленную прислугу, благодаря чему спешно покидавшей его дом Эльнаре удалось выскользнуть из дворца никем не замеченной.

Многолюдный Перистан лениво просыпался после выходного дня, проведенного одними в приятной праздности, другими в пьяных кутежах, третьими — в кропотливом труде, всецело направленным на выживание.

С бидонами, полными вкусного парного молока, спешили на базар одетые в белые фартуки и высокие колпаки молочники, которым нужно было поскорее сбыть скоропортящийся продукт. В том же направлении неспешно двигались груженные добром неторопливые ишаки, для острастки понукаемые зевающими хозяевами.

Скрипя плохо смазанными колесами и разнося окрест дразнящие запахи свежеспеченной сдобы, медленно ехала разбитая арба хозяина хлебной лавки, непрерывно крутившего головой по сторонам — как бы эти несносные мальчишки не стащили чего.

О чем-то весело шушукаясь и взявшись под руки, пробежали шурша накрахмаленными фартуками торговли цветами, по традиции носившие на головах пышные венки, дабы их сразу можно было отличить от всего прочего люда, проводившего на кормившем его рынке большую часть своей жизни.

Неярко светило сентябрьское солнце, дул легкий свежий ветерок, журчала в арыках прохладная чистая вода, с легким шелестом падали на землю пожелтевшие листья. Повсюду царило характерное для осени умиротворение природы. Но всей этой, поистине божественной красы не замечала охваченная невыносимой душевной болью юная девушка в прелестном голубом одеянии.

С трудом подавляя рвущиеся из груди рыдания, не разбирая дороги, она бежала неизвестно куда по незнакомым улицам и небольшим переулкам. Один сердобольный прохожий попытался окликнуть ее и спросил: не может ли он ей чем-то помочь? Но она посмотрела на него таким диким взглядом, что он отшатнулся и поспешил пойти прочь. Вконец обессиленная Эльнара упала у высоких ворот какого-то богатого дома, на крыше которого развевалось что-то вроде яркого стяга.

Прошло немного времени. Из ворот дома на белоснежном скакуне выехал важный господин в сопровождении небольшой свиты. Почувствовав простор, нетерпеливый конь едва не наступил копытом на распростертую на пыльной земле хрупкую девушку. Заметив неподвижное тело, один из всадников спешил и приблизился к незнакомке. Пока он проверял ее пульс, несчастной девушкой неожиданно заинтересовался его господин. Удивительно легко для его грузного тела, без всякой помощи он прыгнул со своего красавца-скакуна, подошел к Эли и долго разглядывал ее. Потом, нахмутив брови, приказал слугам снять с бесчувственного тела почему-то особенно заинтересовавшие его покрывало и жемчужное ожерелье. Повертев эти предметы в руках и окончательно рассердившись, он велел занести по-прежнему находившуюся в беспомощности девушку в дом, после чего продолжил свой путь.

Эльнара очнулась в незнакомом помещении с высокими потолками, украшенными красивыми фресками, и удивленно оглянулась по сторонам. У ее ног сидела незнакомая старуха с добрым морщинистым лицом и щербатым ртом. Эли попыталась было расспросить

ее о том, где она находится и как, вообще, тут оказалась? — но старушка, непрестанно твердя, что «господин сам все расскажет», поспешила к хозяину, вот уже добрых пять дней ожидавшему, когда же незнакомка придет в себя, с долгожданной для него вестью.

Ощущая смутную внутреннюю тревогу, Эльнара попыталась приподняться с непривычного высокого ложа, но уже в следующее мгновение упала обратно, не в силах сделать ни малейшего движения от охватившей ее слабости после стольких дней беспомощности.

Открылась дверь и показалась грузная фигура седовласого мужчины с небольшой окладистой бородкой и зорким взглядом живых черных глаз. Мужчина что-то держал за спиной и смотрел на девушку холодно и даже враждебно, будто она являлась его личным и очень ненавистным врагом. От этого жесткого взгляда Эльнара вся похолодела и невольно съежилась под тонким одеялом, только сейчас обнаружив, что на ней нет абсолютно никакой одежды.

— Кто ты? — спросил незнакомец тоном, не сулившим ничего хорошего.

Девушка поняла, что здесь лучше творить правду и только правду, без каких бы то ни было легенд.

— Эльнара, дочь Пехлибея из города Архота.

— Что ты делала у моего дома?

— Я не знаю, кто вы, и совсем не помню, как я оказалась здесь.

— Ты лжешь, — последовал бесстрастный и категоричный ответ. — Ты не могла так просто оказаться именно у моего дома. Что ты хотела узнать или, быть может, украсть?

— Я не воровка! — в негодовании вскричала Эли. — И я уже говорила, что не знаю вас, так зачем же мне что-то выискивать или узнавать?

— Ты не воровка, — едко повторил незнакомец и вынул из-за спины сверток, в котором, к удивлению девушки, оказались ее платье и ожерелье. — Тогда как у тебя появились эти вещи? Говори правду!

— Это мои вещи! — возмутилась Эльнара. — И я не понимаю, зачем с меня их сняли?

— Твои? — переспросил мужчина жестким безжалостным тоном. — Если правда, что тебя зовут Эльнара, то почему же в уголке этого покрывала, а также на золотой пластинке, соединяющей ожерелье, указано, а в ином случае вышито, совсем другое имя? Кого ты вздумала обмануть, маленькая негодная плутовка? Немедленно отвечай, как к тебе попали эти вещи, или я лично отрублю тебе твою лживую глупую голову!

— Я говорю правду! — вновь вскричала искренне недоумевающая девушка. — Платье и ожерелье достались мне в наследство от моей бедной покойной матери.

— Как звали твою мать? — голос незнакомца дрогнул.

— Фарида, дочь Сатара родом из Персии, — заметив эту, не менее непонятную перемену удивленно ответила Эли.

— Ты дочь Фариды? — потрясенно произнес мужчина.

— Да, а вы что, знали мою мать?

Вместо ответа незнакомец крепко прижал к своей широкой груди девичью голову, осыпая ее поцелуями вперемешку с невольными слезами.

— Я — Сатар, отец Фариды, а ты, выходит, моя родная и единственная внучка! Я знал, что моя бедная дочь, потеряв голову от любви к этому паршивому хоршикскому целителю, необдуманно покинула свой отчий дом и уже ушла из жизни, но не знал, что она родила дочь.

— О, Всевышний, твоя милость воистину не знает границ, ты не позволил угаснуть достойному роду Каиров, не раз спасавших свое отечество — прекрасную древнюю Персию! О Эльнара, свет очей моих, теперь я могу покинуть этот бранный мир со спокойной душой. Дай я хорошенько посмотрю на тебя, мое бесценное сокровище!

Широко распахнутыми глазами смотрела Эли на мужчину, неожиданно оказавшегося ее родным дедом.

— Как же я сразу не догадался! — сокрушался тот, восхищенно глядя на девушку. — Ты ведь очень похожа, душа моя, на свою покойную мать, пользовавшуюся славой первой красавицы Персии. Тот же нежный овал лица, благородный точеный нос, дивная тонкая шея, роскошный волос и глаза почти те же, лишь чуть-чуть подпорченные дикой азиатской кровью.

— Мы не дикари! — возмутилась гордая дочь степей. — И мой благородный отец вовсе не паршивый целитель, как вы изволили выразиться, а один из талантливейших лекарей великого Хоршикского ханства!

— Все хоршики страдают неумеренной гордыней, — невозмутимо ответил дед. — Ну что ж, как бы то ни было, а наполовину ты, дитя мое, все же персиянка, и не просто персиянка, а продолжательница рода Каиров, о славных деяниях которого я тебе еще расскажу. Ты должна гордиться своими корнями.

О Создатель, я столько лет страдал из-за разлуки с моей родной прекрасной Персией, откуда я был выслан в качестве посла в далекое Хоршикское ханство по воле сына покойного падишаха, которому я много лет служил верой и правдой. Однако сменивший моего господина на престоле его сын Хусейн не простил мне побега Фариды, обещанной ему в жены, и я оказался здесь, где все было чуждо моему бедному одинокому сердцу. Но теперь я понял, ради чего так страдал, и ни о чем не жалею. Ты, свет очей моих, скрасишь мою жизнь на старости лет. В следующем году заканчивается определенный мне моим повелителем десятилетний срок службы, а это значит, что я смогу вернуться в Персию, но уже вместе с тобой, моей единственной наследницей. Ты увидишь страну, прекрасней которой нет на свете. Мы будем очень счастливы!

Бывший визирь, а ныне посол Персии, неожиданно обрета внуку, окружил ее такой заботой и лаской, что его ближайшее окружение, знавшее своего господина как жесткого и даже жестокого человека, только диву давалось. С удовольствием и даже рвением исполнялось малейшие пожелания выздоравливающей юной красавицы. Эльнара просто купалась в его горячей любви и бесконечном обожании.

Сатар поселил внуку в лучшие покои своего небольшого, но очень красивого дворца. По восточной традиции он был обставлен роскошной мебелью из благородного красного дерева, обитого дорогим бархатом и сверкающей парчой, и устлан множеством изумительных ковров.

Соблюдая обычаи родной Персии, хозяин строго следил, чтобы комнаты постоянно опрыскивались дорогими благовониями и чтобы в них всегда стояли свежие цветы. Дабы запахи не смешивались, одни покои украшали только благородные хризантемы, другие — роскошные розы, в-третьих устанавливали вазы с романтичными фиалками, в четвертых кружил голову стойкий запах сирени. Огромное множество редких цветов росло летом в саду сзади двухэтажного дворца, первый этаж которого был облицован черным гранитом, а второй — красным. В этом доме было приятно жить. Сия приятность усиливалась бережной заботой и трогательным вниманием человека, обогревшего усталую душу Эли.

Мало-помалу девушка оживала, она вновь становилась похожей на себя — озорную, в меру капризную, ласковую, веселую Эльнару. Ее легкие шаги и звонкий смех раздавались по всему дому, искренне радуя всех, кто в нем жил.

Незаметно наступила зима, покрыв землю пушистым белоснежным ковром. Ослепительный снег щедро обсыпал ветви деревьев, крыши домов, купола мечетей. На центральной площади Перистана местные власти построили сказочный ледовый городок, где с утра до вечера шумела ребятня. В выходной день народ веселили наряженные в шутовские платья актеры, а на столичных рынках шла бойкая торговля всевозможными меховыми изделиями.

Любящий дед приобрел для Эли изящную шубку из нежного белого песка и высокую шапку, отороченную этим же мехом. В зимнем наряде Эльнара была чудо как хороша. Неудивительно, что, когда вместе с двумя молоденькими прислужницами она выходила на прогулку, многие прохожие оглядывались ей вслед, восхищаясь ее утонченной красотой и изумительной грацией. Сатар с гордостью называл ее «моя принцесса».

Однако, как известно, все хорошее имеет скверную привычку быстро заканчиваться. Эли вдруг стала замечать, что ласковая забота деда постепенно перерастает в нечто другое, выходящее за рамки обычных родственных отношений. При ежедневных встречах он начал целовать ее не в лоб, а в губы, несмотря на явное смущение и протесты внучки. Порой беседуя с ней на самые разные темы, он мог внезапно прервать разговор и порывисто прижать ее к себе так близко, что у девушки перехватывало дыхание. Дошло до того, что в купальне, стены которой, как и в остальных комнатах, были задрапированы тканями, она не могла отделаться от неприятного ощущения, что за ней кто-то исподтишка наблюдает, подмечая каждое ее движение и разглядывая ее нагое тело. Все это очень беспокоило Эли, но как и что сказать деду, она просто не знала.

Терпению Эльнары пришел предел, когда однажды, проснувшись среди ночи, она обнаружила деда сидящим на ее постели, причем он не просто сидел, а воспользовавшись тем, что Эли спала, откинул в сторону одеяло из верблюжьей шерсти, задрав ее ночное платье чуть ли не до самой шеи, и при свете луны любовался ее обнаженным телом. Он был так этим увлечен, что не заметил ее пробуждения.

Разъяренная донельзя Эльнара схватила первый попавшийся ей под руку предмет, коим оказался высокий серебряный подсвечник и, не раздумывая, запустила им в бесстыжую голову. Увы, она промахнулась, поскольку именно в это мгновение деду вздумалось зачем-то наклониться. Подсвечник угодил в стену. Посол и один из почтенных людей благословенной Персии на миг растерялся. Он тупо смотрел на валявшийся на полу тяжелый подсвечник, пытаясь сообразить, что сие значит, потом посмотрел на Эли и резко пригнул голову, потому что на сей раз в него летела бронзовая подставка для книг. Прикрывшись подушкой, мужчина отчаянно завопил:

— Эли, милая, ты, наверное, не узнала меня? Это я, твой дед. Ничего не бойся и прекрати бросаться чем попало, так ведь можно голову ненароком разбить.

— Я узнала тебя, бесстыдный развратник! И я действительно хочу разбить твою, потерявшую разум голову, потому что ты это заслужил своим отвратным поведением и грязными помыслами.

— Душа моя, о чем ты говоришь? Разве может быть грязной любовь, которую я питаю к своей единственной и ненаглядной внучке? Вот даже среди ночи пришел полюбоваться тобой, а ты спросонья повела себя так, будто в твою опочивальню ворвался разбойник.

Успокойся, моя принцесса, все хорошо.

— Уж лучше бы на твоём месте оказался разбойник, — с горечью ответила Эльнара. — Я, конечно, замечала, что в последнее время ты вел себя довольно странно, но все-таки надеялась, что я ошибаюсь относительно тебя. Мне было так больно расставаться с мечтой о семье и домашнем уюте, а ты обманул мои надежды, прокравшись сюда посреди ночи и обнажив мое невинное тело с явно греховными желаниями и нечистыми помыслами. Мне стыдно за тебя. Но что произошло, то произошло, ничего уже не изменишь. На рассвете я покину твой дом, и мы забудем друг о друге, словно никогда и не встречались в этой жизни.

— О каком невинном теле ты говоришь? — внезапно расхохотался оправившийся от испуга Сатар. — Вот никогда бы не подумал, что моя прекрасная внучка умеет так искусно лгать! Можешь ли ты себе представить, что на усеянном звездами небосклоне вдруг появилось солнце? Ты скажешь: «Так не бывает», верно? Вот такими же несовместимыми понятиями являются «невинность» и ты!

— Как ты смеешь так говорить? — возмутилась Эли.

— Возмущаться должен я, твой дед. Моя родная внучка, не будучи замужем, в шестнадцать с небольшим лет уже была в близких отношениях с мужчиной, а может, и не с одним. Правда, при этом сохранила девственность. Где такое видано? Позор на мою седую голову! Однако, узнав об этом, я, как благородный человек, ни словом не попрекнул тебя. Наверное, зря. Теперь же ты мне рассказываешь сказки про свою невинность и еще смеешь возмущаться по поводу моего действительно невинного занятия. Да, мне, как мужчине, приятно видеть красивое и юное девичье тело. Что ж тут плохого или грешного?

— Ты же мой дед, — прошептала потрясенная Эли.

— Сначала я — мужчина, а уж потом — дед, — нагло заявил Сатар.

— Как ты узнал?.. — Эльнара смущенно запнулась.

— О том, что ты не совсем девушка? — ухмыльнулся догадливый дед. — Очень просто. Когда тебя в бесчувственном состоянии подобрали на улице и доставили в мой дом, я, огорченный увиденными на тебе вещами моей дочери, но и пораженный твоей необычайной красотой, велел сведущему человеку осмотреть тебя. Вот тогда-то все и выяснилось. А ты тут рассказываешь сказки о своей невинности.

— Я не намерена оправдываться и что-то объяснять, — возразила девушка, — но я считаю себя все-таки невинной, во всяком случае, моя душа ничем дурным не запятнана. И потом, я никогда никому не позволяла и не позволю вмешиваться в мою жизнь.

— Так наивно рассуждать ты могла до встречи со мной, — заметил высокомерный перс. — А теперь я — полновластный хозяин твоей судьбы.

— Я уйду от тебя, — гордо ответила Эльнара, — как уходила от других бесчестных людей, пытавшихся надругаться над моей душой или телом.

— От меня никто еще так просто не уходил, — ответил Сатар. — Я запру тебя в этой комнате до тех пор, пока ты не смиришься со своей судьбой, а потом увезу тебя в Персию, где никто не будет знать о том, что мы близкие родственники, после чего женюсь на тебе. Ты будешь жить в прекрасном доме, окруженная уважением и почетом, потом у нас появятся замечательные дети. Что еще нужно для счастливой жизни?

— Любовь, — коротко молвила девушка, потрясенная просто не укладывающимися в голове рассуждениями родного деда.

— Я люблю тебя, — живо ответил Сатар, — а со временем и ты полюбишь меня. У тебя нет другого выхода, милая.

После этих слов он попытался обнять Эльнару, но она, вздрогнув всем телом, словно от укуса змеи, сначала резко отшатнулась в сторону, а потом дала зарвавшемуся деду короткую, но сильную пощечину.

Разозленный ее неповиновением, он больно схватил Эли за волосы, пытаясь повалить на постель, но чудом ей удалось вырваться. Не теряя драгоценного времени, она быстро подбежала к занавешенной роскошным ковром стене, на котором висело несколько вложенных в изящные ножны клинков. Выхватив один из них, она тяжело перевела дыхание и, сверкая своими дивными очами, хрипло произнесла:

— Не подумай, что хвастаюсь или лгу, но однажды в такой же ситуации мне пришлось отправить одного очень настойчивого мужчину на небеса. Поверь на слово, моя рука не дрогнет. Я сумею защитить свою честь, потому что она для меня — превыше всего на свете. Уходи.

Оценив серьезность ее слов и решимость намерений, Сатар нехотя поднялся с ложа, немного помедлил, не в силах отвести глаз от дышавшего гневом и оттого еще более прекрасного лица. Она сейчас была похожа на дикую кошку, особенно привлекательную в своей недоступности. «О, как бы я хотел тебя приручить!» — мысленно простонал сластолюбивый перс, а вслух произнес, еле сдерживая кипящую в нем ярость:

— Что ж, я уйду, но ты еще ответишь мне за все, маленькая потаскуха: и за пощечину, и за подсвечник с подставкой, и за клинок, что сейчас в твоих руках. Раз не захотела добром, придется взять тебя силой. Запомни: Сатар из рода Каиров всегда получает что хочет. Отныне ты — моя пленница.

Для Эльнары настали тяжелые дни. Она больше не могла свободно передвигаться по дому, не имела права выходить на улицу. К дверям ее покоев были приставлены два стражника со свирепыми физиономиями, а окна по приказанию жестокого деда были зарешечены мелкой и очень прочной решеткой. Еду к ней в опочивальню теперь всегда приносила старая глухая служанка, которую бесполезно было о чем-то расспрашивать или просить.

Никогда в жизни Эли не чувствовала себя такой одинокой, как в эти горькие дни, разве что в темнице Черной колдуньи, но ведь боль, причиненная посторонним человеком, всегда переносится легче, а сейчас у Эльнары даже не было слез, чтобы выплакать свое поистине вселенское горе.

В один из дней она, как обычно, в сопровождении стражников, отправилась в купальню. Оставив охранников за дверями, вошла в жарко натопленное помещение, искренне радуясь тому, что хоть какое-то удовольствие в ее молодой, но совершенно безрадостной жизни еще осталось. И, предвкушая ни с чем не сравнимое наслаждение, которое она всегда испытывала, погружаясь после горячей воды в прохладную чистую воду бассейна, где, прикрыв глаза, любила плавать, вспоминая реку детства — могучую полноводную Янури.

Однако на этот раз, едва успев раздеться, она увидела, как в купальню ворвались стражники, и без каких-либо объяснений повалили ошеломленную внезапным вторжением девушку на широкую низкую деревянную скамью, на которой она обычно отдыхала после долгого плавания в бассейне. Вдруг раздался знакомый голос:

— Всыпьте ей десять ударов плетью, нет, лучше пятнадцать. Может, тогда немного призадумается, как ей вести себя с родным, любящим негодницу дедом.

Эльнара попыталась приподняться, но первый же удар по голой незащитной спине заставил безвольно повиснуть ее тонкие изящные руки, после второго удара, сама того не

желая, она закричала страшным, исполненным нечеловеческой боли голосом, а после пятого — потеряла сознание. Белая кожа ее стройной спины, маленьких упругих ягодиц и прелестных чувственных ног окрасилась глубокими кровавыми полосами.

При виде этой картины Сатар, последние несколько лет страдавший мужским бессилием, что причиняло сластолюбивому персу невыносимые муки, необыкновенно возбудился. Собственно, приятное возбуждение, правда, меньшей силы, он почувствовал еще при первой встрече. Эли тогда бледная и прекрасная, лежала на пыльной земле у ворот его дома. Но сейчас его мужская плоть затвердела и восстала, словно поднятый на дыбы молодой горячий жеребец. Он даже присел на стоявший неподалеку от скамьи диван, чтобы скрыть от слуг свое состояние. После одиннадцатого удара он прекратил истязание уже абсолютно бесчувственного тела и отослал слуг прочь.

Опершись локтем о высокую подушку, Сатар сидел и с вожделением глядел на распростертую обнаженную и окровавленную Эльнару. Сердце пятидесятилетнего сластолюбца учащенно билось, он все никак не мог поверить, что к нему вернулась его былая мужская мощь. Сняв с себя широкий кожаный пояс и приспустив штаны, он восхищенно оглядел огромную и невероятно твердую плоть. Потом откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и быстро заработал руками.

...Сатару едва исполнилось тринадцать лет, когда жена его покойного старшего брата решила приобщить юного деверя к великому таинству любви. Страдавшая от неудовлетворенности, пылкая опытная женщина нашла в лице молодого родственника очень способного и неутомимого ученика. Однако спустя год юный ветреник принялся изменять своей наставнице, чем приводил искренне привязавшуюся к нему любовницу в глубокое отчаяние. Она не хотела делить его ни с кем, плакала и даже угрожала. В итоге, вечно хнычущая Зейда так надоела любвеобильному Сатару, что однажды заметно повзрослевший и возмужавший подросток во время очередного выяснения отношений дал ей хорошую пощечину. Удар оказался настолько силен, что бедная женщина отлетела в противоположный угол, да еще при падении стукнулась головой о шкаф, расцарапав себе лоб и щеку. По лицу тонкой струйкой потекла кровь. С ужасом глядя на разъяренного любовника, она поползла к дверям. Сатар, внезапно испытавший сильное возбуждение, опередил ее. С глухим рычанием он бросился на ошеломленную Зейду, в нетерпении разрывая ей платье на груди, вонзаясь в губы и изо всех сил вдавливая в пол слабое незащищенное тело. Они оба вознеслись на небеса. Правда, изменять после этого Сатар не перестал, но теперь Зейда, ощущая особенно сильный любовный голод и навещая своего легкомысленного любовника, уже намеренно старалась разозлить его, зная, что потом ей сторицей воздастся. Сатара такие отношения устраивали.

В возрасте двадцати трех лет он встретил юную прекрасную Гулям, девушку-сироту из одного знатного персидского рода. Потеряв голову от любви, Сатар отослал надоевшую ему ревнивую Зейду в дальней горное селение, а сам женился на хрупкой нежной красавице. Родилась дочь, очень похожая на свою мать, и жить бы молодой семье да поживать, если бы не неумный характер и странные привычки новоиспеченного мужа. Наибольшее возбуждение и удовлетворение Сатар получал, лишь предварительно как следует поистязав свою юную покорную супругу. Для темпераментного ненасытного Сатара избивание любимой жены было не более чем необходимой частью пылкой любовной игры, а для Гулям его любовь превратилась в кошмар.

В одну из жарких ночей чересчур увлекшийся Сатар не рассчитал силу и придушил

любимую тонким кожаным ремешком, обвитым вокруг ее изящной белой шеи. За ремешок он дергал, словно за поводок, когда нагая Гулям по его прихоти ползала на четвереньках вокруг ложа. Конечно, истинную причину ее смерти никто не узнал: у бедной Гулям не было близких родственников, которые могли бы заинтересоваться ее преждевременным уходом из жизни. Трехлетняя Фарида осталась сиротой.

Безутешный Сатар приказал доставить во дворец Зейду.

Безусловно, в сравнении с Гулям Зейда сильно проигрывала и по возрасту, и по внешности. Но, раскусив привычки своего возлюбленного, искусно изображала возбуждавшие Сатара страх и покорность. Однако, к негодованию вельможи, его бывшая любовница за прошедшие четыре года со времени их последней встречи очень состарилась и обрюзгла. От стройной белотелой красавицы не осталось и следа. Зейда стала похожа на мерзкую жабу. Разочарованный Сатар избил ее до полусмерти и велел вышвырнуть из дворца, как ни к чему не пригодную вещь. Плоть, однако, по-прежнему жаждала удовлетворения.

Спустя время в его доме появилась старая китаянка со сморщенным, словно высохший пень, лицом и зорким взглядом хитрых узких глаз. С ее появлением интимная жизнь неугомонного перса заметно разнообразилась: старая Чжуань умела подбирать угодных ее господину наложниц, которых к тому же, прежде чем представить вельможным очам, она предварительно обучала тонкостям восточной любви. Повторно жениться спесивый Сатар не спешил, хотя богачи из всей Персии сватали за подающего надежды молодого царедворца своих дочерей, но его все не устраивали то внешность, то родовитость предлагаемых невест.

Незаметно подрастала Фарида. Решительностью и независимостью характера она пошла в отца, а вот внешне была очень похожа на мать — покойную Гулям. Когда дочери исполнилось пятнадцать и она вдруг расцвела подобно бутону розы, завоевав славу первой красавицы Персии, Сатар с ужасом обнаружил, что его неимоверно влечет к ней, вплоть до скрежета зубов и легкого головокружения. Сознывая, что это страшный грех, Сатар ночами не мог заснуть, представляя дочь в своих объятиях или же лежащую в его ногах, нагую и покорную, красивую и беззащитную, безумно желанную, как Гулям. Порой изнемогающему от страсти Сатару казалось, что он хочет дочь еще сильнее, чем когда-то ее мать.

Неизвестно, чем бы эта история закончилась, если бы Фаридой неожиданно не заинтересовался наследный принц. Желание шахзаде — закон для любого жителя Персии, будь он даже приближенным падишаха, как Сатар. Не очень молодой визирь отчасти был горд сделанным ему предложением, но и опечален в силу известных лишь ему одному причин. Как бы то ни было, Фариду, несмотря на ее протесты, принялись готовить к роли жены будущего властителя Персии.

Желая угодить шахзаде, Сатар велел старой Чжуань обучить дочь искусству любви, дабы она всегда оставалась любимой и желанной супругой для своего всемогущего мужа. Однако, как мы знаем, этим планам не суждено было сбыться. Сбылось то, о чем Сатар после безвременного ухода из жизни Фариды и не мечтал: на старости лет он обрел внучку, разительно похожую и на мать, и на бабушку.

Юная прекрасная обнаженная Эльнара с кровавыми полосами на тонкой спине, маленьких ягодицах и стройных ногах возбуждала Сатара до головной боли. Немного пошатываясь на нетвердых от волнения ногах и не отрывая от девушки горящих глаз, он медленно приблизился к скамье, с некоторым сожалением накинул на свою прекрасную пленницу тонкую белую простыню, дабы кровоточащие раны не прилипали к его одежде, и

осторожно опустился на Эли. Уже отчасти подзабытые восхитительные ощущения волной накатили на него. Чуть не рыча от наслаждения, Сатар задвигался по юному девичьему телу, стараясь потеснее прижаться к ягодицам. Все сильнее возбуждаясь, просунул руки под грудь Эльнары и принялся жадно тискать упругие восхитительные округлости.

Сатар и раньше любил разглядывать из потайного окошка в купальне безумно соблазнительное тело внучки, когда она беззаботно плескалась в наполненном пеной чане или скользила, словно рыбка в бассейне. Он еле сдерживал желание броситься и подмять под себя эту дразнящую нежную плоть. Вонзиться в ее чувственный вишневый рот и упругую сладкую щель между ног, исторгнув из упрямой девчонки побежденный крик невыразимого сладострастия. Он бы вынудил ее подчиниться всепоглощающему зову природы, следуя которому она должна была бесстыдно раскинуть свои белые ноги и, подобно змее, извиваться на мокром прохладном полу под благородной тяжестью мужского тела. Действительность превзошла самые смелые ожидания Сатара. Тело находившейся в беспамятстве Эли было не только упругим и нежным, но еще очень податливым, возбуждающе покорным.

Словно изголодавшийся зверь, Сатар вонзал в свою добычу зубы и ногти, оставляя на дивных тонких плечах и белой округлой груди глубокие следы овладевшей им нешуточной страсти. Чуть приподнявшись над Эли, своим твердым, как железо, стволон он бил по ягодицам точными сильными ударами. Проступающие под тонкой простыней красные полосы еще более возбуждали его. «Моя любимая Эльнара, моя маленькая принцесса, ты слишком юна и еще не понимаешь, что ты просто создана для меня. Благодаря тебе, я вновь чувствую себя настоящим мужчиной. Я всегда буду любить тебя», — думал Сатар, обычно не склонный к сентиментальным чувствам.

Ему безумно хотелось войти в нее, но даже в минуты несказанного наслаждения хладнокровный, здравомыслящий перс не терял головы, памятуя о сделанном ему накануне наставлении: «Она должна сама захотеть отдаться тебе, и тогда мужская сила не покинет тебя до последних дней твоей жизни». Почувствовав, что он вот-вот кончит, Сатар сдернул с бесчувственного тела простыню и окропил его своим семенем. Окунувшись в прохладную воду бассейна, довольно скоро пришел в себя. Тщательно оделся, накинул на девушку чистую простыню и ушел. Эли осталась одна.

Любовная наука Шакиры

Эльнара очнулась от ласковых прикосновений теплых рук, мягко скользивших по ее безумно болевшей спине. В голове шумело, во рту пересохло. Она хотела спросить, где она и что с ней, но язык еле ворочался, и запекшиеся губы не смогли выдать ни единого звука. Эли решила бороться с силами и попытаться припомнить, что же произошло перед тем, как она потеряла сознание.

Перед глазами мелькали то белая мраморная лестница с широкими гладкими перилами, то просторный коридор, устланный великолепным ковром, то бассейн, облицованный блестящим черным гранитом. Очень знакомая картина, где-то она уже такое видела... Но где? Ах да, в доме своего деда.

Эли вдруг вспомнила, как в сопровождении стражников спустилась по лестнице, потом прошла в конец длинного коридора, открыла массивную дверь и куда-то вошла. Почему-то вошла одна, без стражников. Очень странно, ведь в последнее время, стоило ей выйти из своей комнаты, как охранники тут же становились у нее за спиной и следовали за ней по пятам. Эта постоянная слежка вызывала в душе гордой дочери степей чувство возмущения и протеста, поэтому она старалась выходить как можно реже.

Итак, она вошла в комнату. Эльнара видела себя сейчас со стороны, как она стоит на пороге, блаженно прикрыв глаза и как будто бы чему-то радуясь. Ей вдруг становится нестерпимо жарко. Почему? Ведь на ней нет одежды, сейчас нет одежды, хотя... Эли с удивлением увидела, что там, на картинке, которую показывала ее память, она медленно снимает с себя платье, но, несмотря на это, жар упорно продолжает проникать в ее тело, обволакивая приятным головокружительным теплом. Ей очень хорошо. Но что это?

Она лежит на широкой низкой скамье полностью обнаженная, вдруг в воздухе слышится какой-то непонятный свист, такое впечатление, будто над ее головой стремительно пронеслась стрела. Спину обожгло чем-то горячим, и в тот же миг такая же горячая, сладкая волна неожиданно залила низ ее живота, волнуя юную кровь и пылкое воображение. Не сдержав сладострастного стога, девушка невольно вжалась в твердое ложе, на котором она лежала. Как никогда ранее, Эльнара сейчас жаждала любви, пусть кратковременной, ненадежной, но только действительно ощутимой для ее жаркого мечущегося тела и тонкой чувствительной души.

Ее стон был услышан.

— Ты пришла в себя, маленькая шалунья? — внезапно раздался незнакомый низкий женский голос.

В следующий миг обладательница сего голоса ловко и легко, словно Эли была пушинкой, перевернула ее с живота на спину, причем так осторожно, что ей совсем не было больно. Эльнара увидела коренастую женщину средних лет со смуглым лицом, глубокими карими глазами, темно-вишневыми губами и тонким, немного крючковатым носом. Незнакомка была одета в просторное голубое платье, обшито у ворота сверкающим бисером.

— Кто ты? — слабым голосом спросила Эльнара.

— Меня зовут Шакира, — просто представилась женщина.

— Где я? — прозвучал следующий вопрос.

— Где ты еще можешь быть, как не в доме своего деда? — усмехнулась женщина,

вытирая голубым полотенцем руки, смазанные то ли мазью, то ли жиром.

— Что со мной? — В черных глазах Эли читалась тревога.

— А разве ты ничего не помнишь? — накинув на девушку легкое покрывало, Шакира присела на краешек ложа.

— Помню, но не все. Лестница... Коридор... Я зачем-то вошла в какую-то комнату, разделась. Потом... — Эльнара запнулась, на щеках выступил румянец.

— Потом тебе стало хорошо, — досказала Шакира, внимательно взглянув на нее своими загадочными глубокими глазами, которые, казалось, способны были проникать в самую душу человека.

— Откуда ты это знаешь? — Эли была сейчас похожа на дикую кошку.

— Я все знаю, — спокойно ответила Шакира.

— Мне кажется, однажды я тебя уже видела, только не могу вспомнить, где и когда, — задумчиво произнесла девушка.

— Тебе стало хорошо, — пропустив эти слова мимо ушей, невозмутимо продолжила Шакира, — после того, как на твою обнаженную спину со свистом опустилась плеть. Знаю, это ни с чем не сравнимое ощущение, когда твою, привыкшую к неге и ласке плоть внезапно обжигает острый, проникающий едва ли не до костей удар плетью. Правда, после второго раза ты почувствовала жуткую боль, а потом и вовсе потеряла сознание, но сначала тебе было хорошо.

Эли вдруг все вспомнила: и что было, и почему это произошло.

Кровь бросилась в голову, в глазах потемнело, стало трудно дышать. О, как в эти мгновения она ненавидела весь мир, такой надменный и холодный. О, как она страдала от того, что у нее есть дед, как жалела, что ни подсвечник, ни подставка для книг не достигли в тот печальный вечер своей цели!

— Ты принадлежишь к тем немногим женщинам, — откуда-то издалека раздался голос Шакиры, — кого Всевышний наделил слишком большой силой духа, а поскольку женщина по природе своей всегда слабое создание, ты, сама того не сознавая, порой испытываешь сильную нужду в том, чтобы почувствовать себя слабой к беззащитной. Это чувство способно доставить тебе не меньшее наслаждение, чем любовь и ласка.

— Я не хочу любви, я не хочу вообще ничего! — простонала Эльнара в ярости от того, что кто-то смеет так глубоко заглядывать к ней в душу.

— Ты хочешь любви, более того, ты создана для любви, — спокойно возразила Шакира, протягивая ей чашу с каким-то напитком. — Выпей это, милая, у тебя прибавится сил. Я смазала тебе спину целительной мазью, и уже скоро твои раны заживут. Вот увидишь, от них даже следа не останется. Негоже такой красавице так долго оставаться не у дел. — Загадочно улыбнувшись, Шакира направилась к выходу, бросив на ходу: — Теперь мы часто будем видеться, милая. Я велю принести тебе легкий ужин.

Своей неторопливой величавой походкой и грациозными движениями она напомнила Эльнаре горячо любимую Софи. Ей вдруг захотелось попросить Шакиру не уходить так быстро. Но та уже скрылась за дверью, оставив в комнате запах дорогих благовоний и невольной грусти, вызванной ее уходом.

Шакира сдержала свое обещание. Каждый день по несколько часов она проводила у постели выздоравливающей Эли, развлекая ее всевозможными рассказами. Как и Софи, она немало путешествовала по миру, и ей было чем удивить юную восторженную девушку. Правда, при этом Шакира ничего не рассказывала о себе. Собственно, не только Эли, но

даже Сатар толком не знал, кто она, откуда родом и каково ее прошлое? Просто однажды, лет шесть-семь тому назад, она неожиданно появилась в доме персидского посла. К удивлению слуг, после недолгого разговора с ней господин приказал отвести незнакомке лучшие покои и незамедлительно выполнять все ее пожелания. Никто не знал, что их связывает, но все видели, что самоуверенный и жестокосердный Сатар прислушивается к мнению Шакиры. Ее не любили, но с ней считались.

С Эли дело обстояло несколько иначе.

После того, как дед приставил к ней стражников, гордая дочь знойной Азии, привыкшая к бескрайним просторам, чистому воздуху и свежему ветру, ощущала себя во дворце Сатара ничуть не лучше, чем в мрачной темнице Черной колдуньи. Шакира стала для юной пленницы отдушиной.

Благодаря ей, Эльнара вновь научилась смеяться и радоваться жизни, с ней она могла говорить обо всем на свете, зная, что обязательно найдет понимание и поддержку. Собственно, Шакира при желании могла бы расположить к себе любого человека, но далеко не всегда испытывала желание. С Эли, несмотря на разницу в возрасте, они стали подругами.

С дедом Эльнара не виделась вообще, он как будто бы исчез из ее жизни. Однако стражники, день и ночь стоявшие у дверей ее опочивальни, по-прежнему не отходили от нее ни на шаг. Помочь избавиться от унижительной слежки ей не могла даже Шакира.

На дворе стояла зима. Лютые обжигающие морозы, когда жизнь на улицах столицы, казалось, совсем замирала, сменяли характерные для этих мест сильнейшие бураны, заносившие снегом дома чуть ли не до самой крыши. Затем вновь устанавливалась ясная солнечная погода, радуя перистанцев белоснежным чистым покровом и свежим морозным воздухом.

Запертая в четырех стенах Эли, задыхалась от одиночества и невозможности что-либо изменить в существующем положении вещей. Все ее помыслы и желания сводились лишь к одной мысли: побегу.

Зная, что в начале осени истекает десятилетний срок службы ее деда в Хоршикском ханстве, девушка торопилась, ведь время бежит незаметно, а осуществить побег из чужой страны было бы еще сложнее, чем сейчас.

От Шакиры Эльнара узнала, что на празднование Навруза, или Нового года по мусульманскому календарю, ее дед вместе с послами других стран приглашен в город Тазар, который в этом году по высочайшему повелению хана Тани был избран местом большого национального торжества. Такие празднества, как известно, длятся не один день, и Эльнара решила, что пробил ее час. Правда, до долгожданного события оставался еще целый месяц, но подготовка к побегу тоже требовала времени.

Жалуясь на якобы мучившую ее бессонницу, Эли несколько раз получала от Шакиры порошки со снотворным, которые прятала в сундуке со своей одеждой. В назначенный час, то есть на праздник Навруз, когда дед в течение нескольких дней будет отсутствовать в городе, она намеревалась подмешать снотворное в вино и угостить им своих стражников. Тогда ей будет открыт путь к свободе.

Несмотря на добрые отношения с Шакирой, даже ей, боясь сглазить удачу, она не решалась признаться в своем отчаянном замысле. Но с другой стороны, старшая подруга в последнее время вела себя довольно странно, все ее разговоры сводились исключительно к теме любви.

Однажды Шакира предложила Эли пойти вместе в купальню. Искупавшись в горячей мыльной воде, вдоволь наплескавшись в бассейне, разморенные женщины вытянулись на широких деревянных скамьях. Напоив Эльнару укрепляющим бальзамом, заботливая подруга принялась делать легкий массаж, попутно рассуждая о том, что каждой женщине, а уж тем более такой молодой и красивой, как Эли, просто необходима любовь.

— В любви — великая сила, — делилась Шакира своими знаниями с неопытной девушкой. — Именно любовь позволяет женщине оставаться подлинной женщиной, а мужчине — настоящим мужчиной. Любовь до конца их дней оберегает от болезней, преждевременной старости и всевозможных жизненных несчастий. Лишенное ласки и поцелуев тело подобно высохшему на солнце цветку — такое же блеклое и ломкое. Увы, жизнь скоротечна, и нужно успеть испытать все отпущенные на твой век радости, а главной среди них и является любовь.

— Всевышний позаботился о своих детях, наделив человека способностью чувствовать и переживать, несвойственной другим живым существам. Этот божественный дар нужно ценить. Вот скажи, Эльнара, приятен ли тебе массаж, что я сейчас делаю? Что ты при этом испытываешь?

— Мне очень хорошо. Я полностью расслабляюсь, забывая обо всех своих невзгодах. Тело такое легкое, что, кажется, еще немного, и я воспарю, словно птица, — ответила девушка, а потом с благодарностью добавила: — Ты просто волшебница, Шакира. У тебя такие чудные умелые руки, что мне хочется их расцеловать.

— За добрые слова — спасибо, однако у меня самые что ни на есть обычные руки, никакого волшебства! — рассмеялась Шакира, а потом задала свой следующий вопрос: — Ответь, только честно, о чем ты сейчас думаешь, чего хочешь?

— Ну-у, не знаю... Наверное, о том, чтобы это состояние длилось как можно дольше, — неуверенно ответила Эли.

— И все? — недоверчиво спросила Шакира. — Разве ты не хочешь, милая, чтобы твои ощущения стали еще более сильными, более глубокими? Ну, хотя бы вот такими... — Легкими движениями пальцев несколько раз она пробежала по тонкому девичьему позвоночнику, отчего Эльнара вдруг выгнулась и застонала. — А если вот так... — Умелые руки Шакиры быстро задвигались по всей спине Эли. Со стороны казалось, что она к ней практически не прикасается, но эти невесомые движения исторгли из девушки столь сладострастные стоны, что, желая приглушить их, она была вынуждена вцепиться зубами в льняное полотно, которым была накрыта скамья, где она лежала.

— Вот видишь! — торжествующим тоном произнесла Шакира, присаживаясь на соседнюю скамью. — Твое тело хочет гораздо большего, чем предполагает твой юный неопытный разум. Между тем я сделала тебе просто массаж. А теперь представь, что ты могла испытать, если бы на моем месте оказался мужчина, который умеючи приласкал бы твою трепещущую от возбуждения грудь? Тесно сомкнутые от снедающего их внутреннего жара бедра? Изнемогающее от невыносимого желания влажное лоно? Мужчина, который сполна дал бы тебе то, в чем так сильно нуждается твое прекрасное грешное тело. Ты бы улетела на Небеса, позабыв про свою гордость, про свой стыд, свое прошлое, полностью растворившись в нем — безграничном властителе твоих дум и полновластном хозяине твоего тела. Ты бы ползала у его ног, умоляя, чтобы он не покидал тебя, потому что всю полноту жизни женщина способна познать только рядом с мужчиной.

— Нет, я хочу принадлежать только себе! — запротестовала Эли, постепенно отходя от

только что пережитого волнующего, сладостного, но непозволительного ей, незамужней девушке, наваждения.

— Принадлежать только себе может лишь никому не нужная женщина, — хмыкнула Шакира, но тут же переменила тон: — Ах, моя бедная девочка, я не могу спокойно смотреть на твои мучения, позволь мне помочь тебе.

В руках женщины появился предмет, при виде которого Эли невольно вскрикнула.

— Я вижу, тебе уже знакома эта штучка? — улыбнулась Шакира. — Конечно, настоящая вещь гораздо лучше, но за неимением... — Она протянула девушке большой коричневый фаллос, очень похожий на натуральный. — Бери, ну чего ты боишься? Или стесняешься? В этом нет ничего зазорного. Между прочим, многие одинокие женщины мечтали бы иметь у себя такую игрушку. Потрогай, она очень приятна на ощупь.

Шакира подошла к Эльнаре, по-прежнему со страхом и смущением взирающую на огромный член. И, поскольку девушка явно не желала брать его в руки, присела на краешек скамьи и медленно принялась водить им по разгоряченному девичьему телу. Провела фаллосом вокруг трепещущих вишневых губ, спустилась к нежной шее. Пощекотала вмиг затвердевшие розовые соски, помассировала маленькую округлую грудь, поиграла с пупком и слегка надавила на маленький черный треугольник. От этого прикосновения Эли застонала и попыталась плотно сомкнуть бедра. Но настойчивая Шакира вынудила ее вновь раздвинуть ноги. Очень скоро, немного погуляв по большим половым губам, фаллос проник в святая святых, правда, не слишком глубоко, чтобы не нарушить целостность девственной плевы, но достаточно ощутимо для жаждущего любви тела. При всем желании Эльнара не могла сдержать стонов. Она металась на широкой скамье, терзая свою набухшую грудь и кусая пересохшие губы.

— Тебе хорошо, родная? — шепнула Шакира.

Не открывая глаз, девушка кивнула головой.

— Тогда выпей еще немного бальзама и введи сама эту сладкую игрушку в свое лоно, ведь тебе лучше известны желания твоего тела. Держи, не бойся и раздвинь пошире ножки, так тебе будет удобнее.

Сначала очень осторожно и медленно, потом все быстрее Эли начала водить фаллосом по большим половым губам, при этом стараясь почаще прикасаться к затвердевшему маленькому бугорку, особенно чутко отзывавшемуся на ласку. Ее дыхание участилось, на лице и груди появились прозрачные капельки пота. Невыносимое желание жгло ее изнутри подобно каленому железу. Позабыв обо всем на свете, Эльнара полностью отдалась своим ощущениям. Ей казалось, что внутри перекатываются волны. Они все плывут одна за другой, порой накрывают друг друга, торопятся куда-то, но все не могут достичь чего-то очень важного, доводя ее до полнейшего изнеможения. Она должна помочь им, у нее больше нет сил терпеть эту сладкую боль. Волны пытаются заплыть еще дальше? Ну что ж, значит, так нужно. О да, глубже, еще глубже! Вдруг острая боль пронзает тело. С трудом разлепив густые влажные ресницы, дрожащими от пережитого напряжения руками Эльнара вынимает из влагалища наполовину окрасившийся в алый цвет фаллос. Откуда-то издали слышится голос:

— Ну вот ты и стала женщиной.

«Кто это? Ах да, Шакира». У Эльнары жутко болит голова, ее немного подташнивает, одновременно знобит.

— Мне холодно, накрой меня чем-нибудь, Шакира.

— А ты сильная девушка, — с неподдельным удивлением замечает Шакира, накрывая Эли большим теплым полотенцем. — Я думала, ты горячими слезами по поводу нечаянно утраченной девственности зальешь весь этот бассейн до краев...

— Что толку плакать, хотя... конечно, мне очень обидно, что все так произошло. Кто теперь поверит в мою невинность?

— Кто любит, тот поймет, — успокаивающе заметила старшая подруга. — Очень жаль, что я не успела тебя вовремя остановить. Тебе больно? Хочешь, я принесу тебе лекарство?

В ответ Эльнара молча кивнула головой.

Когда за Шакирой захлопнулась дверь, Эли зарыдала во весь голос, не в силах сдержать душевную боль. Ей все не верилось, что эта нелепость произошла именно с ней: каких-то пять минут назад она была девушкой, и вдруг стала женщиной. О Аллах, за что такое наказание?! Как ей с этим жить дальше? А ведь жить надо. Слегка пошатываясь, девушка направилась к бассейну, не подозревая, что из потайного окошка за ней наблюдает Сатар.

Через несколько дней Шакира вновь пригласила Эльнару в купальню. После традиционного легкого массажа девушка задремала на теплой скамье. Ей приснилось море, которого она никогда не видела, но о котором читала в тех книгах, что ей давала в свое время Софи. Во сне Эльнара в белоснежном легком платье стояла на пустынном песчаном берегу, с восторгом глядя на величественную безбрежную голубую гладь. Высоко в небе сияло солнце. Над водой, издавая гортанные крики, летали красивые гордые чайки, а о берег бились мягкие волны. Нагретый на солнце песок приятно щекотал ее босые ноги. Эли было так хорошо, что немного кружилась голова. А море звало ее к себе. Одним движением сбросив платье, девушка разбежалась и нырнула в теплую воду, и сразу же ее тело приобрело невесомость. Легко рассекая неглубокие волны, она поплыла вперед, потом перевернулась на спину, нежась в ласковых объятиях моря. Неожиданно совсем близко к ней подлетела чайка. Эли отчетливо видела ее трепещущие крепкие крылья, блестящие черные глаза. Вдруг птица зависла прямо над ее лицом. Сама не зная зачем, девушка открыла рот. В голове промелькнула мысль: «Наверное, она хотела меня напоить. Какая чудесная добрая птица!»

Очнувшись от своего удивительного сновидения, Эльнара открыла глаза и увидела над собой улыбающееся лицо Шакиры. Хотела ей что-то сказать и тут обнаружила у себя во рту фаллос, похожий на тот, которым она невзначай лишила себя невинности, но только чуть меньше размером. Он был смочен какой-то густой белой жидкостью.

— Вкусно, не правда ли? Это сладкое молочко, я его специально для тебя приобрела сегодня утром на главном базаре, — ласково улыбнулась подруга, глядя на возмущенное лицо Эльнары.

— Зачем ты это сделала?! Я не понимаю, чего ты вообще добиваешься? — Девушка была разозлена не на шутку.

— Я тебе уже говорила, милая, — невозмутимо ответила Шакира, — что твое созревшее для любви тело хочет гораздо большего, чем предполагает твой разум, идущий на поводу у общепринятого мнения. Ты утверждаешь, что хочешь принадлежать только себе, а в действительности цепляешься за взгляды людей, до которых тебе не должно быть никакого дела. Ты слишком юна и просто не представляешь себе, как порочен этот огромный мир, как развлекаются в своих роскошных дворцах все эти, с виду чинные и благородные мужчины и женщины, и даже те из них, кто уже одной ногой стоит в могиле. Прелести загробной жизни на деле мало кого интересуют, все хотят радостей для души и тела сейчас, пока у них есть хоть какое-то здоровье и соответствующие возможности.

Посмотри на себя, Эльнара! Ты молода, красива, умна и очень чувственна. Поверь моим словам, ты просто создана для любви! Ты спала и не могла видеть себя со стороны, а я смотрела и восхищалась тем, с какой любовью, с каким наслаждением ты вылизывала со всех сторон, целовала и втягивала в себя эту невинную сладкую игрушку. Я думаю, не только потому, что она была предварительно мною смочена в сладком молочке. Ты хочешь любви, моя милая девочка, но не желаешь в этом признаваться. Зачем же понапрасну мучить себя? Возьми его в руки, оближи у основания. Так, теперь поднимайся выше, но не торопись, тщательно вылизывай, работай своим жарким язычком. Поласкай уздечку, она ведь такая сладкая, что ее хочется просто съесть. Попробуй головку, на ней еще сохранились остатки молока, не правда ли, она своим видом кое-что напоминает, не менее вкусное? Умничка! Теперь вбирай его в себя, только постепенно, рассчитывай свои силы, ведь наскоком можно взять только спящую глубоким сном и не подозревающую о грозящей опасности крепость, а мужской член — это самый большой друг женщины. Он никогда ее не предаст и не подведет, если будет уверен в ее любви и верности. А вот теперь не останавливайся, вбирай его в себя глубже, еще глубже, не бойся, ты сможешь! Все, хватит, пора и передохнуть. Вытри слезки и попей молочка, першение в горле сразу прекратится. Все у нас с тобой получится, родная, это только вопрос времени.

— Шакира, зачем тебе это нужно — обучать меня искусству любви? — откинув упавшую на глаза прядь волос, спросила Эли, посмотрев прямо в лицо подруги.

— Тебе это не нравится или, быть может, не интересно? — вопросом на вопрос ответила Шакира.

— Дело не в этом, я спрашиваю — зачем? — повторила девушка.

— Молодец, девочка, тебя не так-то просто сбить с толку, — усмехнулась подруга. — Что же касается твоего вопроса, милая, все объясняется очень просто. Я искренне люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива в жизни, а счастье любой женщины зависит от мужчины. Если ты хочешь, чтобы тебя любили, тобой не пренебрегали, тебе не изменяли, ты должна уметь любить, Эльнара. Ты правильно заметила, девочка, любовь — это всегда искусство, и тот, кто им владеет — владеет миром. Ты хочешь владеть миром, милая, ну, или хотя бы Хоршикском ханством? Может быть, Персией? Или тебя интересуют какие-нибудь заморские страны? Признавайся, проказница, какие мысли бродят в твоей маленькой хорошенькой головке? О, я думаю, что знаю, чего ты хочешь! — В руках Шакиры появилась темная бутылка из-под вина.

— Я не пью вино! — искренне удивилась Эльнара.

— Знаю, — рассмеялась Шакира. — Только бутылка пустая.

— И что ты с ней собираешься делать? — спросила Эли, и тут же покраснела, увидев направление взгляда подруги. — Ты сошла с ума, Шакира! Она туда не войдет. И, вообще, я не хочу ничем таким заниматься!

— А мы ничего плохого и не делаем, — парировала Шакира. — Мы просто пробуем разные способы, позволяющие достичь наивысшего наслаждения в тонком искусстве любви. Раздвинь ножки, дорогая, я обещаю тебе, что ты сейчас улетишь на Небеса. Вспомни, ведь в прошлый раз тебе было хорошо, а сейчас будет еще лучше, тем более у нас не осталось никаких преград, которые мешали бы получить удовольствие. Знаешь, в отсутствии девственной плевы есть свои, очень даже сильные стороны.

Откинувшись на подложенные Шакирой подушки и широко раздвинув ноги, Эли с замиранием сердца наблюдала, как длинное горлышко бутылки медленно проникает в ее

лоно. Шакира сделала несколько вращательных движений, и девушка невольно громко застонала, ощущая жар и пульсацию внизу живота. Подруга продолжала свое наступление, вынуждая Эльнару выгибаться всем телом и исторгая из нее крики, способные вернуть к жизни даже мертвого.

В это же время за стенкой стоял полураздетый Сатар. В потайное окошко, искусно задрапированное тонкой тканью, он наблюдал за происходящим. При этом одной рукой крепко держал за волосы молоденькую наложницу, одетую в прозрачную розовую рубашку и распростертую у его ног, а другой придерживал свой разбухший багровый член, то и дело соскальзывавший с трепещущих от волнения девичьих губ.

— Бери глубже, потаскуха! Еще глубже, не бойся, не задохнешься, а если и задохнешься, невелика потеря. Эта первое и самое главное, что ты должна уметь делать, дрянь, если ты думаешь заслужить благосклонность господина, давшего тебе пищу и кров. Ну давай-давай, покажи, на что ты способна, мерзкая тварь, смотри, я скор на расправу, не понравиться — брошу на потеху воинам из ханской конницы, уж оттуда ты живой точно не выберешься.

— Я сейчас умру! — простонала Эльнара, падая в изнеможении на подушки, и в тот же миг горячая волна обожгла ее лоно, из которого хлынули обильные любовные соки, изящное нежное тело содрогнулось в страстных конвульсиях, а перед ее глазами замелькало бездонное черное небо с мерцающими звездами. Самой себе Эли сейчас казалась одной из таких звездочек. Она парила в высоте, наслаждаясь окружающей ее неземной красотой и собственной восхитительной невесомостью.

— Ну, что я тебе говорила, милая? — тронула Шакира за плечо все еще постанывающую девушку. — Не правда ли, тебе было хорошо? Так скажи, пожалуйста, зачем отказываться от удовольствия? Ведь и так на нашу женскую долюшку выпадает немного радостей. Этот мир принадлежит мужчинам. Им дано право овладевать различными знаниями, странствовать по городам и землям, отправляться в завоевательные походы, заниматься торговлей или ремеслом, выезжать на охоту, заводить гарем. Наше дело — любить мужа, растить детей, вести хозяйство. Так повелось от сотворения мира. И все же в наших силах сделать собственную жизнь приятней и интересней.

Запомни, Эльнара, только глупые женщины цепляются за драгоценности и наряды, радуясь их блеску и обилию, теряя на их приобретение уйму денег и времени и наивно полагая, что подобная мишура способна привлечь к ним мужчину. Не в этом счастье! Умная женщина держится за мужчину. Она знает, что мужчине, как бы важен, холоден или даже стар он ни был, нужна в первую очередь любовь и ласка. Она делает все, чтобы он остался ею доволен, а уж любящий и сполна удовлетворенный мужчина постарается, чтобы любимая им женщина была счастлива.

— Это все мне напоминает какую-то купеческую сделку, — пробормотала Эли, укутываясь в легкое покрывало.

— Ты сама знаешь, дорогая, что Коран позволяет мужчинам иметь до четырех жен, если они в состоянии их содержать, — мягко заметила Шакира. — И многие богатые мужчины на Востоке имеют по несколько жен, да еще и гарем в придачу, количество наложниц в котором по мере старения его хозяина, как правило, только увеличивается. А между тем каждая из нас в душе мечтает быть если уж не единственной женой у своего супруга, то обязательно самой любимой, которую он навещал бы ночами чаще, чем остальных жен, дарил подарки, баловал и лелеял, словно дитя. Но далеко не все знают, как этого можно добиться.

— А как этого можно добиться? — кокетливо улыбнулась Эльнара.

— Знаешь, если самого заядлого сладкоежку изо дня в день кормить сладостями и только сладостями, — издалека начала Шакира, — то рано или поздно настанет день, когда он их возненавидит. Примерно так же обстоит дело и с мужчинами: они нуждаются в разнообразии. И это — наша, я имею в виду — женская, большая головная боль. Вместе с тем истинно благородному мужу далеко не безразлично, кого он одаривает своим семенем. Я хочу сказать, что женщина, стремящаяся стать для своего мужа единственным и желанной, всегда должна быть разной. То томной и нежной райской гурией, то снедаемой внутренним жаром, страстной и ненасытной распутницей, то ползающей у ног своего господина, ловящей малейшее движение его бровей, покорной жалкой рабыней. А еще — вольной дочерью великих степей, дерзкой гордой наездницей, умеющей обращаться с горячим скакуном, дразнящей воображение, способной в любой миг исчезнуть, загадочной сказочной пери, виновато скулящей, дрожащей от нетерпения похотливой сукой или, завезенной из далеких неведомых земель прекрасной пленницей, понимающей лишь язык любви. И вот тогда получится, что жаждущий любовных утех мужчина каждую ночь сможет иметь дело с разными, но безумно-желанными для него женщинами, но его благородное живительное семя всегда будет попадать в одно надежнее чистое лоно.

— Ты толкаешь меня на путь притворства! — нарочито возмутилась Эли, пытаюсь скрыть смущение, охватившее ее при мысленном лицезрении картинок, что после искушающих речей подруги живо нарисовало ей ее богатое пылкое воображение.

— Ничего подобного! Притворство всегда губительно для любви! — горячо возразила Шакира. — Просто истинная женщина должна уметь отдаваться мужчине с такой страстью, словно каждая ночь для них — последняя. Ведь что такое женщина? Слабое и чувствительное существо, созданное Всевышним для удовлетворения плотских потребностей мужчины. И, если какой-либо достойный муж обратил на тебя свое благосклонное внимание, выбрал тебя из нашего пестрого и весьма многочисленного племени, ты должна оправдать это доверие, Эльнара, дабы холод одиночества или печаль разлуки обошли тебя стороной. Любви нужно учиться, и это увлекательное обучение следует начинать с познания тайн и желаний собственного тела, при помощи рук, этой милой игрушки в виде фаллоса и, конечно же, воображения. Женщина, лишенная воображения, подобна воину, собравшемуся в поход без соответствующего снаряжения. Да, есть такие глупые курицы, умеющие с упоением мечтать лишь о новых нарядах да драгоценностях, а в постели не способные вызвать желание даже у узника зиндана, на протяжении многих лет не прикасавшегося к женскому телу, ну да не о них речь. Я знаю, милая, что ты другая.

Возьми с собой эту игрушку, Эльнара. Ночами, когда на улице будет идти густой снег или проливной дождь, когда настырный ветер будет биться о твое окно, навевая беспросветную тоску и глубокое уныние, она поможет тебе отвлечься, согреет твое тело, а душе позволит помечтать о любви, в которой ты так сильно нуждаешься. Я смотрю, в последнее время ты что-то неважно выглядишь, дорогая? Ходишь бледная, словно бы чем-то озабоченная, под глазами темные круги. Думаю, все дело в том, что ты просто повзрослела, не так ли?

Шакира попала в точку. В часы бодрствования девушка старательно отгоняла мысли, вынуждавшие по ночам скручиваться ее маленькое изящное тело в жаркий клубок, отчаянно мечущийся на широком ложе. А уж после посещений купальни, приема бальзама и массажа, искушающих речей старшей подруги, после горячих игр то с фаллосом, то с бутылкой, Эли и

подавно не находила себе места, терзаемая желаньями, недопустимыми для молодой незамужней девушки. Ее ясный разум восставал против, а невинное тело, в которое словно бы вселился дьявол, испытывало самую настоящую боль от неудовлетворенности.

Между тем зимние морозы незаметно сменились весенней оттепелью, и, хотя снег еще не сошел с большей части земли, в воздухе уже отчетливо ощущался головокружительный и непередаваемо чувственный аромат весны, будоража кровь невнятными надеждами и смутными мечтаниями, С замиранием сердца ждала Эльнара праздника Навруз, дабы осуществить давно задуманное, от чего зависела вся ее дальнейшая жизнь.

В один из погожих деньков Эли собралась погулять в саду. Когда она одевалась, зашла Шакира и, рассматривая вместе с ней гардероб, почему-то вдруг настойчиво попросила девушку одеть голубое платье, некогда принадлежавшее ее покойной матери, а к нему — жемчужное ожерелье.

— Ты просто не представляешь, милая, как ты в этом наряде необыкновенно хороша! — восхитилась подруга, протягивая Эли чашу с бальзамом.

— Прости, Шакира, но я не хочу больше пить этот напиток. Во-первых, я уже вполне здорова, а во-вторых, после бальзама я всегда чувствую себя слабой и безвольной, в общем, как будто бы я — это не я, — попыталась отказаться Эльнара.

— Дорогая, тебе ли, дочери лекаря, не знать, что все бальзамы обладают чудодейственной силой, способной поставить на ноги самого тяжелобольного человека! Конечно, я не могу навязывать тебе свою помощь, если ты не хочешь ее принимать, но сегодня на улице такая сырость, что я очень беспокоюсь за твое здоровье. Выпей, родная, эту чашу, и больше я не буду предлагать тебе целительных напитков, раз это тебе не нужно, но сейчас будь добра, уважь мой труд.

Отчаянно морщась, Эльнара осушила чашу до дна, при этом приговаривая:

— Какая кислятина! Перестоял он, что ли?

— Тебе показалось, милая, теперь все будет хорошо. — Шакира загадочно улыбнулась.

Набросив на плечи теплый камзол, отороченный голубой норкой, Эли вышла в сад, радуясь возможности подышать свежим воздухом и полюбоваться красотой просыпающейся от зимнего сна природы. Она гуляла в саду, время от времени поглядывая в сторону дома, откуда должна была появиться Шакира. Вдруг на дорожке, ведущей к дворцу, показался личный слуга ее деда по имени Ахмед — долговязый худощавый человек с небольшими круглыми глазами, похожими на две черные бусинки, прозванный прочей дворцовой прислугой Селедка, а иногда еще беднягу называли Тухлой рыбой. Ахмеда, вечно знавшего все и обо всех, в доме Сатара недолюбливали все, кроме хозяина, ценившего его за преданность и многолетнюю безупречную службу. Зная об этом, он редко с кем говорил, неожиданно появляясь там, где его не ждали, и буравя окружающих своими цепкими, все замечающими глазками. Эли никогда прежде даже не слышала его голос, а потому очень удивилась, когда, бухнувшись ей в ноги, он вдруг по-бабьи заголосил-запричитал:

— О госпожа! Вели отрубить мне голову, но я не смею огорчить тебя тяжелой вестью...

— Что случилось? — испугалась Эльнара.

— О горе мне, горе! Да кто бы мог такое предположить, да думал ли я, что на старости лет мне выпадет участь стать вестником печали! О несравненная госпожа, будь великодушна, вели отрубить мне голову! Всевышний видит, я не смею огорчить тебя печальной вестью...

— Ахмед, не томи души, говори быстрее, что случилось? — взмолилась порядком

напуганная девушка.

— За что такая несправедливость? — Ахмеда душили горячие слезы. — Не успев обрести уют домашнего очага, заботу и ласку безмерно любящего тебя деда, ты, моя прекрасная госпожа... — Ахмед зарыдал, в отчаянии заламывая руки.

— Ахмед, пожалуй, я действительно велю отрубить тебе голову... — нахмурилась Эли.

Слезы на глазах слуги мгновенно высохли, проворно вскочив на ноги, он вдруг бойко затараторил:

— Беги быстрее в дом, госпожа! Твой дед, честнейший и справедливейший, мудрейший и добрейший Сатар из славного рода Каиров, готовится покинуть эту бrenную землю и вознестись на Небеса. Поторопись, он хочет проститься с тобой.

При этом неожиданном известии земля вдруг покачнулась под ногами Эльнары. Ухватившись за дерево, несколько мгновений она стояла, пытаясь прийти в себя, а потом бросилась во дворец. Если бы она вдруг оглянулась назад, то увидела бы злорадную ухмылку на тонких губах Ахмеда, но зазвучавший в ней во всю мощь голос крови уверенно вел девушку вперед.

Запыхавшаяся Эли вбежала в просторные покои Сатара, где сейчас царили полумрак и пугающая тишина. С бьющимся от волнения сердцем она медленно приблизилась к роскошному ложу из красного дерева. Осторожно откинула балдахин из тонкого полотна, по краю которого золотистыми нитками были вышиты чудесные розы. Сложив руки на груди, бледный и как будто бы осунувшийся Сатар лежал, плотно закрыв глаза. Эльнара не видела его несколько месяцев. В сердце кольнуло, к горлу подступил комок, стало трудно дышать. Сбросив с себя камзол, девушка присела на краешек ложа, из ее дивных глаз покатались слезы. Позабыв обо всех былых обидах, она искренне жалела нечаянно обретенного ею и вот уже уходящего из жизни деда. В голове вдруг промелькнула мысль: «А ведь он отец моей бедной мамы, который любил и баловал ее, когда она была маленькая, страдал, когда она убежала из отчего дома. Ах, моя дорогая мамочка, я сейчас теряю еще одну нить, связывавшую меня с тобой: отец ничего не помнит, а дед умирает. Ожерелье и платье — вот и все, что осталось мне в память о тебе, родная, как же это больно!»

Горячая слеза капнула на руку Сатара. Он медленно, с видимым усилием открыл глаза.

Сатар не верил себе: у его постели сидела Фарида, такая же красивая и юная, какой навсегда осталась в его памяти. Сатар жадно впился глазами в благородный профиль и тонкие черты ее нежного лица, любовался роскошными черными волосами, восхищался безупречно-стройной осанкой. О Фарида, его кровь и плоть, гордость и любовь, его самый тяжкий душевный грех и самая большая мечта! О Фарида, самая прекрасная, чувственная и желанная женщина на свете! Она так близко, рукой подать. И все же так боязно до нее дотронуться, а вдруг исчезнет, испарится, как сон или как сказка, которой не суждено стать былью? Сумеет ли он пережить такую боль дважды? Сатар застонал, прикрыв глаза и бессильно сжимая кулаки.

Эли участливо наклонилась к деду. Ее нежное дыхание и ласковое прикосновение ко лбу привело его в чувство. Сатар резко открыл глаза, несколько мгновений всматривался в девушку, вспомнил все и откинулся на высокие подушки.

— Как ты чувствуешь себя, дорогой дедушка? — негромко произнесла Эльнара, заботливо поправляя одеяло больного.

Впервые с момента их встречи она назвала его «дедушкой», да еще и «дорогим дедушкой». Сатар приободрился. В знак признательности слегка пожав ее ладонь, хрипло

прошептал:

— Милая Эли, моя маленькая принцесса, мое бесценное сокровище! Как видишь, пришел мой час отойти в мир иной. Я так боялся не успеть проститься с тобой, а теперь мне хорошо, моя душа спокойна: я увидел тебя в добром здравии, а для меня это важнее всего. Красавица моя, за то время, что мы не виделись, ты еще больше похорошела и как будто бы повзрослела, я горжусь тобой. Не печалься обо мне, милая, я прожил достойную жизнь. Мне не о чем жалеть, и единственное, что я хотел бы попросить у Всевышнего, прежде чем он примет мою душу на Небеса, это счастья для тебя, моя единственная полноправная наследница. Хвала Всевышнему, я успел позаботиться о тебе, моя маленькая принцесса. Возьми на столике у моего изголовья свиток: это моя предсмертная воля, согласно которой все мои владения в Персии и здесь, в Хоршикском ханстве, после моей смерти переходят к тебе. Отныне ты являешься не только знатной, но и очень богатой девушкой. Ты вольна распоряжаться своей жизнью, как тебе заблагорассудится, только не забывай об одном: ты — представительница великого рода Каиров, а это ко многому обязывает. Будь всегда на высоте, душа моя.

— Дедушка, мне ничего не нужно. Я хочу, чтобы ты был здоров. Вот увидишь, ты еще встанешь на ноги, какие твои годы! Просто тебе нужно отдохнуть, попытаться заснуть, а я тем временем приготовлю для тебя целебный отвар. Все будет хорошо.

— Эли, светоч глаз моих, никакой отвар мне уже не может помочь, я чувствую приближение смертного часа. Однако, душа моя, у меня есть к тебе последняя просьба. Я надеюсь, ты исполнишь ее?

Сатар выжидательно посмотрел на девушку.

Эльнара немного побледнела, но потом твердо ответила:

— Конечно, дедушка. Твои слова для меня — закон.

— Тогда лежи рядом со мной, согрей меня своим теплом, а то меня что-то знобит, мне очень холодно и одиноко, принцесса. Я почему-то думаю, что твоя близость мне поможет.

Эли растерянно смотрела на деда, не зная, что сказать.

— Вот видишь, — с горечью произнес Сатар. — У постели умирающего деда в твою голову приходят несправедные мысли, а ведь я ни о чем плохом и не думал. Ах, Эли, ты отказываешь родному деду в такой малости!

— Прости меня, дедушка! — пылко воскликнула Эльнара. — Я не думала о тебе плохо, просто твоя просьба так необычна...

— Сними с себя платье и ляг рядом. Я даю тебе слово мужчины, что не поступлю по отношению к тебе бесчестно, — велел Сатар, глядя на девушку пристально и властно.

Повинуясь этому взгляду и твердому голосу, Эльнара встала с постели, оглянулась по сторонам, словно в поиске поддержки или защиты и медленно расстегнула пуговицы на груди. Высвободившись из узких рукавов, развязала с виду незаметную тесемочку на талии, и нежно-голубое атласное платье опустилось к ее ногам, открыв жадному мужскому взору белоснежную сорочку со спущенным плечом и зашнурованную на груди скрученной серебристой тесьмой. Под ней виднелся маленький пупок, плоский упругий животик, соблазнительные бедра, туго обтянутые голубыми шальварами. При виде этой чудной красоты у Сатара перехватило дыхание. Не в силах сказать ни единого слова, он молча пододвинулся к противоположному краю постели, высвобождая место для крайне смущенной девушки. Не поднимая глаз, пунцовая от стыда Эли осторожно прилегла рядом.

Ее была мелкая дрожь.

— Не знаю, кто из нас кого будет согревать, — внезапно над ее ухом раздался голос Сатара. В следующее мгновение он, одетый в белое полотняное белье, опустился на девушку. — Ничего не бойся, моя принцесса, я не причиню тебе зла. Ты же видишь, мы оба с тобой одеты и не собираемся делать ничего плохого, просто полежим, согреем друг друга. От твоего присутствия, душа моя, я чувствую, что мне уже становится легче, глядишь, быть может, еще и выздоровею. Бывают на свете чудеса.

На мгновение приподнявшись над девушкой, Сатар вновь опустился на нее всей массой своего тяжелого тела, опустился так сильно, словно хотел вдавить ее в ложе. Еще не успевшая прийти в себя, Эли не смогла сдержать стоны. Сообразив, что он находится на верном пути, Сатар, в планы которого вовсе не входило, чтобы Эльнара приходила в себя, принялся ритмично двигаться, то приподнимаясь, то вновь опускаясь на хрупкое девичье тело, дабы око как следует ощутило мужскую силу и власть. Эльнара не пыталась сопротивляться, все теснее прижимаясь к возбуждающей плоти, безжалостно подминавшей ее под себя.

Черные волосы ее разметались по белоснежной подушке, густые длинные ресницы отбрасывали загадочную тень, чувственный вишневый рот слегка приоткрылся, еще более возбуждая Сатара.

Медленно, со вкусом он покрыл поцелуями ее лицо, а потом, резко и сильно опустившись, жадно впился в сводивший с ума нежный рот, проталкивая свой, алчущий наслаждений язык в самую глубь гортани...

Позабывшая начисто, кто она, где и с кем, повинувшись внутреннему инстинкту, Эли потянулась руками к невероятно огромной и твердой плоти, что, прикрытая легкой тканью, уже давно терзала своими ударами ее невинное лоно так, что на шальварах в этом месте разошелся шов. Потом, словно вдруг опомнившись или чего-то испугавшись, девушка хотела убрать свои руки, но Сатар властным движением не позволил ей это сделать, шепнув на ушко:

— Ничего не бойся, мы же оба с тобой в одежде, просто поласкай и подержись за него, пусть даже через ткань, но мне это будет приятно.

После этого вновь принялся проталкивать язык внутрь рта Эли. Делал это так умело, что разгоряченная девушка, впервые познавшая сладость любовной игры с Фарухом, очень ярко представляла себе, что у нее во рту находится кое-что другое.

Тем временем Сатар развязал шнуровку на девичьей сорочке, обнажив чудную маленькую грудь с торчащими розовыми сосками. Едва не рыча от удовольствия, он принялся нетерпеливо целовать эти восхитительные округлости, тискать, вытягивать, выкручивать соски, оставляя на белой коже красные следы своей страсти. Извивающаяся под ним Эльнара, стонала не переставая, подогревая своими стонами до предела возбужденного мужчину. От переполнявшего ее возбуждения она царапала ему плечи и спину своими острыми ноготками, но он не чувствовал боли. Склонившись над ее пупком, он жадно принялся вбирать ртом это небольшое, но очень чувственное отверстие, одновременно запуская свою руку в прореху, образовавшуюся на девичьих шальварах, благодаря ударам своего твердого, как железо, дружка. Эльнара вмиг напряглась.

— Мы не делаем с тобой ничего плохого, — тихонько повторил Сатар. — Я только хочу доставить тебе как можно больше удовольствия, душа моя. Расслабься и доверься мне. Знай, я не войду в тебя, если вдруг ты сама меня об этом не попросишь.

В памяти возникло лицо Шакиры, какое-то усталое, но все равно жесткое:

— Я свою задачу, Сатар, выполнила, можешь считать, что девица в твоих руках, точнее, в постели. После того бальзама, что я буквально заставила выпить ее перед прогулкой в саду, она уже не сможет сопротивляться. Правда, твоя внучка, Сатар, — довольно крепкая штучка. Мне не удалось, как я ни старалась, вызвать у нее любовь к тебе или хотя бы вырвать признание, что она хочет мужчину. Но я знаю, что она, как никто другой, уже готова принять мужчину. Если тебе удастся на время усыпить ее бдительность, все остальное не составит труда. Я думаю, ты будешь очень доволен ею: Эльнара на редкость горячая женщина. Однако не забудь своего обещания мне. Я зайду к тебе после того, как ты овладеешь красавицей, и, прежде чем ты захочешь повторить свой любовный опыт, ты должен будешь рассчитаться со мной. И помни, Сатар: если ты хочешь, чтоб у тебя и впредь все получалось в постели, если ты хочешь удержать Эльнару, ты должен сделать так, чтобы она сама захотела, чтоб ты вошел в нее. Только в этом случае любовное зелье, которым я столько времени поила девушку, не утратит своей силы. Она, конечно, временами будет плакать и капризничать, но все равно никуда от тебя не денется, а ведь тебе только это и нужно, старый развратник, совращающий свою внучку.

«Еще немного, и я войду в свою внучку. Пусть когда-то это не получилось с дочерью, зато случится с внучкой, с моей родной плотью и кровью. О, как меня возбуждает эта мысль!» — думал Сатар, осторожно проникая в святая святых женщины.

Кровь бросилась ему в голову, когда его жадные пальцы, немало чего перепробовавшие на своем веку, ощутили волнующую нежность и восхитительную упругость маленького девичьего лона. «В этой пещерке еще никто до меня не бывал, я стану не только первым, но и единственным ее хозяином, навстречу которому она будет распахиваться, едва почуяв мое приближение к ней. О, как хорошо, ничего слаще и нежнее я в своей жизни еще не встречал, хотя встречал, казалось бы, всякое. Но недаром эта пещерка принадлежит представительнице славного рода Каиров, и поэтому должна была достаться именно мне. О Эльнара, любовь моя, ты не представляешь, как ты сейчас хороша в своем любовном томлении, — восхищенно думал Сатар, еще глубже запуская свои бесстыдные пальцы, заставлявшие содрогаться хрупкое тело Эли, изливаясь обильными соками, которым, казалось, конца и края не будет. — Ты создана для меня, милая. Со временем я научу тебя любить боль. Это будет так чудесно, когда я буду топтать тебя ногами, хлестать тебя по щекам, стегать плеткой, водить за собой на поводке, как породистую собаку, полностью обнаженную и прекрасную, а ты, моя милая, будешь ползать у моих ног, умоляя взять тебя побыстрее. Тебе придется долго меня просить, соблазняя своими дырками, которые ты, подвывая от нетерпения, будешь подставлять мне по очереди, раскрывая каждую из них как можно шире, дабы я снизошел до тебя. А потом, если меня что-либо не устроит в том, как ты занималась любовью, я буду вынужден опять избить тебя, на сей раз еще крепче. А ты, уже зная, как меня возбуждают твои крики и слезы, вновь будешь целовать мои ноги в робкой надежде, что я опять войду в тебя, войду грубо и сильно, как подобает истинному самцу. А сейчас, ради нашего будущего счастья, мое сокровище, ты должна сделать первый шаг. Что же ты молчишь, милая? Ну же, попроси меня: одно твое слово — и мы улетим на Небеса».

Под непрекращающимся натиском мужчины Эльнара еще сильнее застонала, но заветное слово все не слетало с ее вишневых губ. «Ах ты, маленькая упрямая потаскуха! — мысленно выругался начинающий терять терпение Сатар. — Думаешь, я не знаю о твоих играх с бутылками и другими штучками, после которых ты едва не лезла на стену? Да тебя,

чтоб ты насытилась, нужно топтать и топтать, маленькая похотливая сука. Бальзам бальзамом, но, если б в твоих жилах не текла кровь Каиров, всегда отличавшихся неумеренным аппетитом в этом сладком деле, Шакире наверняка пришлось бы еще долго возиться с этой по-хоршикски упрямой девчонкой, ради которой я пошел на такие немислимые жертвы».

Сатар помрачнел.

«Ах, Шакира, старая чертовка! Сегодня, как только я добьюсь своей цели, она придет ко мне, чтобы скрепить кровью наш договор, по которому после смерти моя душа отойдет прямиком в ад. Ведь я собираюсь продать свою душу дьяволу, дабы мужская сила никогда больше не покидала меня. Какое же мерзкое создание эта Шакира! Я предлагал ей золото и драгоценности, дворцы и плодородные земли, но она, столько лет поставлявшая мне наложниц, веселивших мою душу, когда тело отказалось служить. Делала она это всегда совершенно бесплатно, а тут вдруг выдвинула мне условие. Конечно, Шакира сдержала свое слово: я вновь обрел мужскую силу, которую уже не хочу больше терять, но зато какой ценой!

Впрочем, я ни о чем не жалею. Моя внучка Эльнара — такая красивая, юная, страстная, заслуживает этой жертвы. Зачем думать о том, что будет после смерти, если сейчас у меня есть возможность насладиться любовью женщины, лучше которой эта грешная древняя земля еще не видела. Вот только что-то она не спешит мне полностью отдаться... Ясное дело, все хоршики страдают упрямством и гордыней, но это уже никуда не годится: другая на ее месте давно сама полезла бы на меня, а моя маленькая сучка все никак не желает сдаваться. Ну, сейчас ты у меня попляшешь!»

Руки Сатара уже давно были залиты чуть ли не по локоть любовными соками, исторгаемыми изнемогающим лоном Эли, так что он вполне мог обойтись без всякой смазки.

Осторожно положив стонущую Эльнару на бок и по-прежнему не вынимая пальцев из ее бушующего влагалища, пальцы другой руки Сатар начал медленно вводить в ее задний проход. Истерзанные в любовной схватке шальвары теперь полностью обнажали красивые девичьи бедра, лишь в отдельных, чудом уцелевших местах прикрывая их стыдливими голубыми лоскутками. Как только опытные мужские руки принялись совершать вращательные движения одновременно и спереди, и сзади, бедная девушка, уже давно потерявшаяся во времени и в пространстве, беспомощно затрепыхалась, словно пойманная в сети птица. До крови закусив губы, она пыталась удержать стоны, рвавшиеся из ее обессилевшей гортани. Черные глаза Сатара загорелись дьявольским огнем. Резко откинув девушку на спину и уже ничуть не сомневаясь, что сейчас до предела возбужденная Эли сама бросится ему на грудь, он принялся спешно спускать с себя штаны.

И в этот долгожданный миг в дверь его покоев неожиданно громко постучали.

— Что там за собачье отродье смеет беспокоить меня? Или кому-то жить надоело? — взревел разъяренный донельзя Сатар.

За дверью раздался робкий голос Ахмеда:

— Мой светлейший господин, я стучусь к вам уже добрых четверть часа, а вы все не слышите меня. Умоляю не гневаться и выслушать меня. У ворот дворца вас ждет посланник самого хана Тани. Он настолько торопится, что даже отказался спешиться с коня и пройти в дом. Говорит, что хоршикскому владыке понадобилось очень срочно увидеть вас. Ему велено лично сопроводить вас к хану Тани. Я ни за что не осмелился бы потревожить вас, мой

светлейший господин, но посланник настаивает на важности порученного ему дела.

Чертыхаясь от злости, Сатар нехотя поднялся с Эли. До конца его службы оставалось каких-то полгода, и он не мог послушаться воли могущественного азиатского владыки. Иначе бы пришлось поставить под удар все свое будущее.

Очнувшаяся Эльнара растерянно взирала на деда, не понимая, где она и что с ней. Сатар попытался улыбнуться:

— Все хорошо, моя маленькая принцесса. Я скоро вернусь, а ты побудь здесь и дождись меня. Я все объясню тебе, когда приду. Ты же, милая, попытайся заснуть, дабы набраться сил, они тебе сегодня еще понадобятся.

Сатар вышел из комнаты. Девушка услышала, как в дверном замке повернулся ключ, и этот негромкий звук очень насторожил ее.

Эльнара огляделась по сторонам. Открывшаяся ее взору картина привела в ужас: ее платье валялось на полу, она сама в расшнурованной сорочке к разорванным шальварах лежит на нещадно измятой дедовой постели. Опустив глаза, Эли обнаружила на своей груди синяки, царапины и следы от зубов. Она хотела встать, но в следующее мгновение со стоном опустилась обратно на постель: ее влажное раскрасневшееся лоно болело так сильно, словно внутри погуляла горячая кочерга. При мысли, что они с дедом совершили тяжкий грех, Эльнаре бросило в жар. Обхватив голову обеими руками, она принялась перекатываться на широком ложе, не зная, куда себя деть, где скрыться от нахлынувшей на нее душевной боли, сжавшей горло так, что было больно дышать.

«Я — грязное падшее создание, таким людям нет места на земле. То, что произошло, слишком ужасно, чтобы с этим можно было жить дальше, — в отчаянии думала девушка, хватая ртом воздух. — Я должна умереть. Сейчас, немедленно. Нужно будет найти какую-нибудь веревку покрепче, а лучше — тонкий шнурок, способный надежно перетянуть горло, чтобы я сразу же отошла в мир иной. О Аллах, как я предстану перед глазами моей бедной мамы? Что я скажу ей? Сумею ли вымолить у нее прощение? Впрочем, такой грешнице, как я, не место в раю, где обитает моя добрая мама. Я не увидела ее при жизни, и мне не удастся это сделать и после смерти, как обидно! А ад, какой он? Интересно, мне будет там очень больно? Неужто я буду там вечно, или когда-нибудь мне будет дозволено перейти в рай? В рай, с его нежным пением птиц, вечно цветущими садами и головокружительным благоуханием цветов...

Но сначала мне нужно привести себя в порядок. Где здесь кувшин и таз? Представляю, какой аромат сейчас исходит от меня».

Эли брезгливо поморщилась и запустила руку в промежность. К своему искреннему изумлению, характерного запаха мужской спермы она не почувствовала, как старательно ни принюхивалась.

Озадаченная девушка присела на постель, попытавшись восстановить в памяти события этого дня. Значит, так: она собралась на прогулку в сад и тут к ней в комнату вошла Шакира, настойчиво уговаривая ее одеть материнский наряд, а потом выпить приготовленный ею бальзам. Эли отчетливо помнила, что у напитка был другой, на редкость кислый вкус в отличие от тех, что она пробовала раньше. В сад Шакира почему-то не пришла, хоть и обещала, но зато пришел Ахмед с ужасной вестью, вынудивший ее сломя голову броситься в покои деда. Кстати, а ведь именно Ахмед некоторое время тому назад постучался в дверь, сообщив, что деда срочно ожидает ханский посланник. Такое было бы невозможно, если бы Сатар действительно собрался умирать. Выходит, ее подло обманули? Эльнара в ярости

сжала свои маленькие кулачки. Гнусный развратник заманил ее в свою постель, чтобы надругаться над ней. Но почему она не сумела постоять за себя? Эли вдруг вспомнила появившуюся на губах Шакиры загадочную улыбку, когда, осушив напиток до дна, она протянула чашу обратно. Так, значит, это был не делительный бальзам, а нечто другое, усиливающее в человеке любовное влечение, а вместе с тем отнимающее у него волю! Получается, что Шакира — враг ей? Уж не она ли осматривала ее, когда Эльнару в бессознательном состоянии доставили в дом деда, а потом сообщила Сатару, что Эли уже была с мужчиной, несмотря на целостность девственной плевы? В самом деле, увидев Шакиру впервые, Эльнара подумала, что ее лицо она уже где-то раньше видела. Наверное, когда Шакира осматривала ее, Эли на миг пришла в себя, после чего вновь потеряла сознание. Зачем же она с ней так поступила, ведь Эльнара ничего плохого ей не делала? А теперь Шакира торжествует свою победу, коварная и злая женщина, притворявшаяся подругой!

На глазах девушки закипели слезы отчаяния, и вдруг они резко высохли. Эли вновь запустила руку в промежность: не было никакого запаха спермы! Ей вспомнился взгляд Сатара, брошенный на нее перед уходом. В нем сквозило явное сожаление и одновременно какой-то страх. О чем мог сожалеть и чего бояться ее самоуверенный дед? Эльнара попыталась представить себя на его месте, и тут ее осенило: Сатар не успел войти в нее! Да, благодаря действию дурманящего напитка, он заманил Эли в постель, он раздел и ласкал ее во всех интимных местах, но самого-то главного сделать не успел. Вот об этом Сатар и сожалел и опасался, что у него второй раз не получится, ведь Эльнара пришла в себя, освободившись от действия бальзама. Потому и закрыл ее в своих покоях, дабы она от него не сбежала.

Эли вскочила на ноги, сбросила с себя уже ни к чему не пригодные шальвары, быстренько одела платье, поправила волосы, а потом принялась тщательно исследовать жилище Сатара. Увы, узкие окна оказались забраны решетками — покои деда находились на первом этаже. На всякий случай подошла к дверям и потрогала ручку — бесполезно, массивная дверь не шелохнулась. Тогда девушка стала, сама не зная зачем, заглядывать за ковры, развешанные по стенам. И вдруг в темном углу комнаты нашла маленькую низенькую дверь, задрапированную плотной тканью и выходящую, по всей видимости, прямо на улицу. Дверь была закрыта. Как ни тянула Эли ее на себя, как ни толкала, с разбегу бросаясь на нее, она не поддавалась. Эльнара заметалась по комнате, словно раненая птица. Но тут, зацепившись за что-то непонятное, лежавшее на полу, упала: это оказалась маленькая связка ключей, которыми Сатар запирал находившиеся в его покоях сундуки и шкафы и которую он случайно обронил, поспешно одеваясь перед важной встречей.

Эльнара бросилась к заветной двери. С четвертой попытки один из ключей наконец-то подошел к замку. Девушка прикрыла глаза, потом встряхнула головой и оглянулась по сторонам. Увидела свой брошенный на диван теплый камзол и, подумав, что он ей еще пригодится, одела его. Убедившись, что самая большая ее драгоценность, память о покойной матери — жемчужное ожерелье, не потерялась, направилась к дверям. Вдруг ее взгляд упал на свиток, перевязанный золотистый парчовой лентой. Завещание деда! Немного подумав, захватила его с собой, положив в карман, и, уже не медля, быстро пошла к потайной двери. Она действительно выходила на улицу в какой-то небольшой проулок. Эли подставила лицо весеннему ветру и с наслаждением вдохнула свежий воздух. Мечтательно улыбнувшись и заперев дверь снаружи, беззаботно выбросила ключи в кусты. Ей очень хотелось забыть

недавнее прошлое, как кошмарный сон.

Эльнара и Султан

Спустя некоторое время продрогшая и заметно ослабевшая от голода Эльнара устало брела по одной из столичных улиц. Мартовское солнце клонилось к закату, однако толпы нарядных и оживленных людей не спешили покидать улицы города в предвкушении долгожданного праздника — Навруза.

Улицы Перистана были украшены разноцветными яркими лентами, цветами, искусно вырезанными из плотной бумаги цветами и звездами, изготовленными из серебристой фольги. Фасады и заборы всех старых домов с внешней стороны были выкрашены свежей краской, а высокие купола многочисленных мечетей тщательно вычищены. Столица стала похожа на невесту, с сердечным трепетом ожидающую события, которое случается в жизни каждой девушки лишь единожды.

Перистанцы и гости города ходили из одной торговой лавки в другую в поисках подходящих подарков. Не спеша, со знанием дела, как положено на Востоке, рассматривали товар, покачивая головой и прицокивая языками. Из установленных в разных концах столицы просторных белоснежных юрт доносились дразнящие запахи халвы, шербета и ванили. Тут готовились угощения, которые в день праздника по традиции будут бесплатно раздаваться всем желающим. Атмосфера праздничной суматохи и веселого оживления никого не оставила равнодушным. Однако Эльнара, погруженная в свои невеселые размышления, ничего этого не замечала, ее волновало совсем другое.

Покинув дом деда, она отправилась на главный базар Перистана, поскольку там легче было затеряться и можно было заодно и поискать себе какую-нибудь работу, чтобы выжить. Девушка очень надеялась, что Сатар начнет поиски беглянки с ее родного города Архота, ведь в свое время Эли не стала объяснять ему причины, по которым она оставила отчий дом, следовательно, он вполне мог предположить, что, спасаясь от его домогательств, Эльнара захочет вернуться под отчий кров. Если бы эти ее надежды оправдались, у Эли появилось бы время обдумать, как ей жить дальше.

Бедняжке повезло. На рынке она познакомилась с женщиной по имени Ляйля, торговавшей различными поделками из кожи, дерева, пушнины и ткани, которые она сама же и мастерила вместе со своими детьми. У бедной женщины три года назад скончался муж, оставив ее на тридцатом году жизни вдовой с пятью ребятишками на руках. Уж чего только она не перепробовала, хватаясь то за одно, то за другое, чтоб прокормить детей? В столице жизнь нынче стала очень дорогой, а все из-за приезжих. С приходом к власти хана Тани многие люди устремились в Перистан, словно мухи на мед. Город увеличился чуть ли не вдвое, а они все продолжали ехать. Вслед за количеством покупателей росли и цены. Глядя на приезжих, Ляйле и пришла однажды счастливая мысль заняться поделками в миниатюрном виде изображавших основные достопримечательности столицы Хоршикского ханства. Их наверняка с удовольствием скупали бы многочисленные гости Перистана в память о посещении города. Конечно, это дело требовало большого терпения и определенной сноровки, но зато обещало неплохую прибыль. Но главное, пользовалось спросом независимо от времени года, чем отличалось от многих других ремесел.

Худо-бедно работа пошла. Конечно, были свои трудности, да и прибыль сказала не столь значительной, как думалось поначалу. Но теперь каждую ночь Ляйля засыпала со спокойной душой, зная, что, хвала Всевышнему, ей есть чем накормить своих детей завтра.

С большим сочувствием и пониманием она отнеслась к Эльнаре, не имевшей никаких знакомых в огромном городе, с первого взгляда внушившей ей доверие и большую симпатию. Она будто встретила родную сестренку.

Не задавая лишних вопросов, Ляйля предложила Эли помогать ей в ее работе на рынке. Та согласилась. С тех пор женщины занимались торговлей, а смышленные детишки под руководством старшего брата мастерили поделки на продажу. Бедная девушка обрела работу и пусть небогатый, но очень опрятный и уютный кров над головой.

Некоторое время спустя Ляйле пришлось выехать вместе со старшим сыном в город Тазар, где должны были состояться основные торжества по случаю празднования Навруза. Она надеялась выручить побольше денег за их кропотливую и трудоемкую работу. К тому же в Тазаре ожидали приезда большого количества гостей со всего Востока.

К несчастью для Эли, отъезд Ляйли совпал с приездом в ее дом родственников покойного мужа из одного дальнего селения. Остаться в маленьком тесном домике в отсутствие хозяйки рядом с незнакомыми людьми Эльнара не захотела и ушла. Опять в неизвестность.

Она попыталась наняться в какой-нибудь богатый дом в качестве прислуги, но ее дорогой камзол, отороченный великолепной голубой норкой, и красивое платье вызывали у всех недоумение, а порой и недоверие. Но другой одежды у девушки просто-напросто не было.

Днем Эли бродила по городу в поисках работы, а вечером, пробравшись на главный базар, ворота которого на ночь запирались, укладывалась на скамейке под торговым прилавком, дрожа от страха и холода. К исходу третьего дня Эльнара заметно осунулась и побледнела. От голода и недосыпания у нее кружилась голова и подгибались колени. Она вновь брела к базару, чтобы скоротать надвигающуюся ночь. Внезапно рядом с ней раздался веселый голос:

— Что грустишь, красавица? Какая печаль тебя гложет, когда остальной народ радуется грядущему большому празднику?

Эли удивленно оглянулась. Из-под круглой коричневой шапочки с двумя маленькими забавными кисточками на макушке на нее смотрело круглое добродушное лицо с приплюснутым носом и веселыми глазами. Лицо принадлежало невысокому толстяку лет двадцати пяти, одетому в плотную белую рубашку, коричневый жакет со множеством маленьких карманов и темно-серые, немного потертые на коленях штаны.

— А тебе что за нужда до моей печали? — нахмурилась девушка, вовсе не расположенная сейчас к каким-либо шуткам.

— А мне до всего нужда, уж такой я уродился, — беспечно ответил толстяк, а потом с искренним удивлением в голосе добавил: — Вот бы никогда не подумал, что и у богачей бывают печали. Вроде бы и сыт человек, и одет, и обут, что еще надо? — Незнакомец неожиданно посмотрел на Эли осуждающим взглядом.

При этих словах Эльнара немного развеселилась. Пытаясь скрыть улыбку, спросила:

— А с чего ты вдруг взял, что я богатая?

— Да вишь, платье на тебе какое красивое, жемчугом обшитое, да и камзол очень хорош, мех так и переливается. Будь ты бедная, была бы по-другому одета.

— А я — не богатая. Платье мне досталось по наследству, а камзол подарили, — просто ответила девушка.

— Так, значит, ты мне сестра! — вдруг радостно воскликнул толстяк, дружески ударив

Эли по ладони.

— Поискал бы ты, земляк, родню в другом месте, а у меня нет никаких родственников, да и никогда и не было! — возмутилась Эльнара простотой обращения.

— Я назвал тебя сестрой потому, что ты, как и я, — бедная, — пояснил незнакомец, — но, оказывается, у нас с тобой еще больше общего, чем я мог подумать, ведь у меня тоже никого нет. Мать давно померла, а отца своего я и вовсе никогда не видывал.

— Как зовут тебя? — тихо спросила Эли.

— Султан, — с готовностью отозвался толстяк.

— Звучное имя, — заметила девушка.

— А тебя как звать-величать? — любопытно спросил новый знакомый.

— Эльнара.

— Тоже совсем неплохое имя, — одобрил Султан, после чего поинтересовался: — Ну а где ты живешь, Эльнара?

— Пока нигде, — грустно ответила девушка. — Вот уже три дня я пытаюсь к кому-нибудь наняться, но все безуспешно. В одном доме хозяйка сегодня днем уж было собралась взять меня к себе прачкой, да тут увидела на моей шее ожерелье, видно, приглянулось оно ей очень, раз уж попросила продать. А когда я отказалась, она мне тоже отказала.

— Так и надо было продать, — тут же заметил Султан. — Заработала б немного денег и купила бы себе другое, всего-то дел!

— Нельзя мне его продавать, это единственное, что осталось у меня в память о моей покойной маме. — На глаза Эли невольно навернулись слезы.

— Постой-постой, ты не плачь, — растерялся Султан. — Не можешь продать, так и не продавай, кто ж неволит? Голова на плечах, руки-ноги целы, что еще-то нужно человеку для счастья, верно?

Пропустив последние слова мимо ушей, Эли выпрямилась:

— О чем ты говоришь, Султан? Кто меня, дочь Пехлибея из Архота, может в чем-то неволить? Я — сама себе хозяйка, так всегда было и будет. Впрочем, мне уже пора идти. Прощай, Султан, быть может, когда-то мы еще встретимся.

— Постой, Эльнара! Куда это тебе пора идти? — воскликнул удивленный толстяк. — Ты же сама говорила, что у тебя нет дома.

— Я нашла себе временный кров на главном базаре города, там есть скамейки, покрытые мягкой соломой, — с достоинством ответила Эли. — Однако мне действительно пора идти. Вечером ворота запираются, и я могу остаться на улице под открытым небом.

— Но, Эльнара, такой молодой и красивой девушке, как ты, ночью опасно оставаться одной не только на улице, но и на базаре. Если хочешь, я могу предложить тебе свой скромный кров.

— У тебя есть дом? — удивилась Эли.

— Ну, не то что бы такой уж большой дом, — немного смутился Султан, — но там по-своему уютно и хорошо.

Лачуга Султана находилась позади одной из мечетей. Это была старая хибара, состоявшая из маленькой комнаты и крохотной кухоньки, прилепившаяся одним своим боком к забору мечети. В комнате стоял кособокий шкаф со скрипучими дверцами, широкий и низкий деревянный сундук, служивший столом, глинобитная лежанка, покрытая куцым матрацем и тонким одеялом, сшитым из лоскутков. В углу моргала покрытая толстым слоем копоти масляная лампа, настолько древняя, что казалось, будто попала сюда из какой-то

сказки.

Гостеприимный хозяин великодушно уступил Эльнаре свое ложе, а сам перебрался на сундук, удивительным образом выдерживавший его немаленький вес. К большому удивлению Эли, за последние три дня не имевшей и крошки хлеба во рту, Султан накормил ее вкусным ужином, который состоял из свежих лепешек, куска вяленого мяса, чашки сметаны и горячего чая с медом. Стараясь не показывать, как она на самом деле голодна, девушка медленно ела и думала, что более вкусной пищи в жизни не пробовала. Перед тем, как лечь спать, хозяин достал из своего объемного сундука большой теплый чапан и укрыл им свернувшуюся калачиком Эльнару.

— Спасибо за заботу. — Эли благодарно улыбнулась Султану. — Но откуда у тебя эта вещь?

— Слишком хороша для моего бедного дома? — догадался приятель. — Пожалуй, ты права: тут в кое-каких местах даже сохранились остатки золотых ниток. Наверное, он выглядел очень здорово, будучи новым. Знаешь, этот чапан в моем доме уже столько лет, сколько я себя помню. Однажды в детстве я случайно услышал, будто бы он принадлежал моему отцу.

— А кто он, твой отец? — негромко спросила Эльнара.

— Да я и сам не знаю, — пожал плечами Султан. — Мать никогда мне ничего о нем не рассказывала, а когда я спрашивал ее, она всегда уходила от ответа. Правда, сведущие люди сказывали мне, что был он якобы каким-то важным человеком: то ли ханом, то ли султаном, потому, мол, мать и назвала меня Султан. Из-за этого имени меня в детстве мальчишки часто дразнили, даже обижали. Помню, я убежал домой и плакал от обиды. Ну как же, у всех есть отцы, а у меня нет. А вот теперь, когда повзрослел, порой думаю: чем черт не шутит, вдруг мой отец и в самом деле был султаном? Ты только представь, Эльнара, — оживился Султан, — однажды в мой скромный дом входят стражники в сверкающих доспехах и, низко кланяясь, говорят мне, что мой отец, только сейчас случайно узнав о моем существовании, горит желанием немедленно увидеть своего единственного наследника, поскольку сам он находится уже почти что на смертном одре. Я бегу, нет, мчусь на быстроногом скакуне в роскошный дворец и успеваю получить благословение моего почтенного отца. А спустя время нахожу мальчишек со своей округи, уже женатых взрослых мужчин, и говорю им: «У меня был отец, и какой отец!»

— Знаешь, даже если твоим отцом был не султан, а какой-нибудь дехканин или ремесленник, — задумчиво произнесла Эли, — я думаю, он был хорошим и добрым человеком, ведь в твоих жилах, Султан, течет его кровь, а это главное. Богатство, друг, — дело наживное.

— Ты так говоришь, будто в твоих руках когда-то побывали большие деньги, — удивился толстяк словам юной девушки.

— Ну, не совсем так, скорее, могли бы быть... — рассмеялась Эльнара и, вынув из кармана камзола свиток, протянула его приятелю. Тот долго вертел его в своих руках, с любопытством разглядывая дорогую душистую бумагу, изящную парчовую ленту и большую замысловатую печать, а потом вернул обратно, с сожалением заметив:

— Хоть и перевалило мне в прошлом году за четверть века, читать-писать я так и не научился. А ты умеешь?

— Конечно, меня отец обучил грамоте, когда мне было лет восемь. Это необходимо каждому человеку. Если хочешь, я и тебя научу, — тут же отозвалась девушка, не

представлявшая своей жизни без этих знаний.

— Наверное, в моем возрасте это будет сложновато, — уклончиво ответил толстяк, отличавшийся с детских лет ленцой и беспечностью, после чего предложил: — А ты почитай-ка мне сама, что здесь написано, я думаю, обучить меня грамоте ты еще успеешь.

У Эльнары пропал весь сон.

Усевшись по-мужски и сделав серьезное лицо, нарочито важным тоном, каким, по ее мнению, должны были разговаривать придворные служащие, она начала читать составленное ее дедом завещание. Половина текста отводилось описанию доблестных деяний различных представителей славного рода Каиров, многие из которых за свою честность и храбрость не раз были отмечены высочайшими милостями правителей прекрасной древней Персии. Затем шел подробный длинный список драгоценностей, золотых монет и слитков, дворцов, земель, конюшен, пастбищ, переходивших после смерти Сатара в полное владение его внучки — Эльнары.

У Султана, за всю жизнь не видевшего ничего богаче, чем убранство расположенной по соседству с его домом мечети, глаза полезли на лоб при перечислении всех богатств, принадлежавших потомкам достойного основателя рода Каиров. А поскольку текст завещания, как положено на Востоке, был написан очень вычурным языком, он вообразил, что его новая знакомая то ли дочь, то ли внучка самого падишаха далекой Персии.

— Так ты, выходит, принцесса? — потрясенно спросил он.

— С чего ты взял? — удивилась Эльнара. — Просто дед мой по материнской линии — Сатар — на протяжении многих лет являлся визирем прежнего падишаха Персии, а после его смерти был направлен послом сюда, в Хоршикское ханство. Да, он богатый, но очень нехороший человек, поэтому я сбежала от него, а завещание, что он успел вручить мне до моего побега, захватила на всякий случай. Ведь мало ли что в жизни бывает, вдруг когда-нибудь я попаду в ситуацию, когда мне придется доказывать, что я — это действительно я, дочь Пехлибея из Архота и Фариды родом из Персии. Ну а богатства, о которых здесь говорится, — добавила она, — мне на самом деле не нужны. Понимаешь, Султан, я просто хочу быть счастливой.

— А что, по-твоему, нужно для счастья? — спросил толстяк, озадаченно почесывая затылок.

— Любовь, — мечтательно улыбнувшись, коротко ответила Эли.

— Любовь? — недоверчиво и удивленно протянул Султан. — Ну, любовью сыт не будешь, милая, а вот я, к примеру, очень люблю поесть. Да и поспать на пуховой перине и мягких подушках, думаю, очень даже приятно. По-моему, зря ты, Эльнара, отказываешься от наследства. Получила бы свое богатство, а уж потом бы и искала эту любовь.

— Не все так просто, Султан, — нахмурила брови девушка. — Любовь способна сделать человека счастливым, а вот богатство — далеко не всегда. Иногда оно делает его несчастным.

— Ты хочешь провести жизнь в бедности? — немного расстроился приятель, но тут же оживился. — И все-таки, Эльнара, пусть у тебя не будет роскошных дворцов и сундуков с золотом и драгоценностями, но ты такая удивительно красивая, добрая и нежная, что я хочу называть тебя Принцессой, Можно?

— Ну, если тебе так нравится, называй, — рассмеялась девушка.

— А что ты делать-то дальше собираешься? — поинтересовался Султан, с некоторым сожалением глядя на свиток, вновь переключившийся в карман камзола.

— Пока сама не знаю, — задумчиво произнесла Эльнара. — Около года назад мне довелось поработать в одном богатом доме наставницей у двух маленьких очаровательных девчушек. Я играла с ними в разные игры, обучала их танцам, пению и письму, вела беседы на познавательные темы. Мне очень нравилось этим заниматься, и по-моему, я неплохо справлялась. Я была бы рада вновь найти подобную работу.

— Ну что ж, уже неплохо. По крайней мере, ты знаешь, что именно собираешься искать, — заметил Султан, а потом предложил: — Послушай, Принцесса, пока тебе некуда идти, ты могла бы пожить у меня. Хотя бы до тех пор, пока не найдешь подходящего места. Как видишь, спать есть где, а насчет пищи можешь не беспокоиться — это моя забота. Меня кормит рынок: кому арбу с товаром помогу разгрузить, где за прилавком постою, если хозяину надобно куда отлучиться, а порой зарабатываю метанием костей. Приезжие обычно любят эту игру, а я знаю кое-какие секреты. В общем, на хлеб насущный мне хватает, грех жаловаться. Да признаться, и скучно мне тут вечерами одному, особенно зимой. Когда на дворе стоят лютые морозы, боишься нос на улицу высунуть, а не то что до соседей дойти, о том о сем посудачить. С тобой вон как интересно разговаривать, ты — ученая, грамоту знаешь, небось книжки всякие читала. Хоть и молодая, а чувствую — побольше меня в жизни видела. Оставайся, Принцесса, вместе нам будет и легче, и веселее жить.

На следующий день Эльнара, вымотанная недосыпанием и бесконечными блужданиями по городу, проснулась только после полудня. Сие пробуждение сопровождалось приятной неожиданностью: заботливый и хозяйственный Султан приготовил для гостыи роскошный обед. На сундуке, застеленном чистой белой тряпичной, стояла большая глиняная чашка с горячим пловом из молодой баранины. На деревянной тарелке лежали аппетитные лепешки, испеченные из белой пшеничной муки, по другим тарелкам были разложены всевозможные сладости. Всего было так много, и все выглядело так вкусно, что Эли просто всплеснула руками от восхищения. Довольный Султан заметил:

— Принцесса, ничему не удивляйся, ведь сегодня праздник — Навруз, и я даже приготовил тебе подарки, — с этими словами он вынул из-за спины сверток, в котором оказалось красивое платье изумрудного цвета и невысокие кожаные ботинки.

— Платье, что сейчас на тебе, Принцесса, конечно, будет побогаче этого, но я подумал, что тебе, наверное, надоело ходить в одном и том же наряде. Да и лишняя пара обуви тоже не помешает, ведь на улице сейчас очень сыро.

Хозяин дома, с удовольствием глядел на раскрасневшееся личико Эли и ее восхитительные глаза, удивленно взиравшие на приятные сердцу каждой женщины обновки.

— Но, Султан, ведь я для тебя, по сути дела, никто, а ты приютил меня в своем доме, отогрел мою душу, а теперь еще даришь такие подарки!

— Я просто хотел сделать тебе приятное и, по-моему, мне это удалось.

— Да, спасибо тебе огромное! Но откуда ты взял на это?.. — девушка запнулась.

— Ты имеешь в виду деньги? — улыбнулся толстяк. — Я сегодня встал очень рано и сразу же побежал на главный базар, зная, что по праздничным дням народ шибко деньги не считает, а потому за ту же самую работу можно подзаработать гораздо больше, чем обычно. Но мне даже работать не пришлось: я все деньги получил, занимаясь метанием костей. Ты не представляешь, Принцесса, что творится на улицах города! Такое впечатление, что в Перистане сегодня, кроме нас с тобой, никто и не думал ложиться спать. Еще и солнце не взошло, а на базаре уже всюю шла торговля, приезжих понаехало видимо-невидимо, и все с кошельками, полными серебра и золота! Я и подумал, почему бы этим заезжим выскочкам

немного не поделиться с бедным перистанцем? Вот я и взялся за игру, махнув на работу рукой, ведь честным трудом все равно много не заработаешь, а хитрой игрой — вполне возможно!

— Эти деньги получены обманом? — упавшим голосом спросила Эли.

— Я бы сказал, ловкостью рук и зоркостью глаз, — быстро ответил Султан. — В игре-то что главное? Не зевать! А эти приезжие вместо того, чтобы за игрой следить, все по сторонам оглядываются, опасаясь рыночных воров, а я их тем временем и обыгрываю у всего честного народа на виду. Так что все честно, без обмана!

После обеда Эльнара переделалась в новое платье, оказавшееся ей впору, и вместе с приятелем отправилась погулять по праздничной столице. Домой они вернулись уже затемно, едва держась на ногах от усталости, но полные ярких впечатлений и очень довольные своей прогулкой. Праздник длился три дня, после чего Эли возобновила свои поиски работы.

Однажды, выходя из одного богатого дома, где требовалась наставница для шестилетней девочки, Эльнара едва не потеряла сознание от испуга и неожиданности. Она увидела, как по усыпанной гравием дорожке к дому направляются двое мужчин. Один из них, по всей видимости, являлся хозяином дома, а вот другой был не кем иным, как Алишером — советником хана Тани, другом Фаруха и, наконец, ее бывшим господином, которого Эли собственноручно отправила на тот свет, когда он попытался лишить ее чести. «Он что, воскрес из мертвых?» — потрясенно думала девушка, глядя через расположенное у входной двери маленькое окошко на бодрого и чем-то весьма довольного вельможу. Мужчины приближались. Эльнара быстро пригнулась, понижая опустив голову и делая вид, что зашнуровывает некстати развязавшиеся шнурки на ботиках. Алишер прошел в двух шагах от девушки. Она видела его до блеска начищенные черные сапоги, оправленные бриллиантами ножны его любимой сабли, без которой он никогда не выходил из дому, слышала его голос — густой, самоуверенный баритон, привыкший отдавать распоряжения, при этом часто не задумываясь, а выполнимы ли они. Баловень судьбы, сумевший лет десять тому назад выбиться из простых служащих при дворе в советника хана по вопросам внешней политики.

На дрожащих ногах Эли поспешила прочь к дому Султана. От волнения у нее разболелась голова и появился озноб во всем теле. Выпив крепкого чаю с медом, она закуталась в одеяло и прилегла. Из головы никак не шел Алишер. Это было невероятно, ведь Эльнара хорошо помнила, как, защищая себя, она выхватила из ножен короткий кинжал, висевший на поясе Алишера, и ударила насильника в грудь, прямо в сердце. Алишер упал, а на его белоснежной сорочке появилось алое пятно, которое быстро увеличивалось в размерах. Тут пришел Фарух. Пощупав пульс друга, он быстро вывел Эли из дворца, потом посадил в свой роскошный паланкин и велел слугам доставить перепуганную девушку к нему домой, а сам остался рядом с погибшим товарищем. И вдруг спустя год Эльнара встретила убитого ею Алишера живым и невредимым. Что за наваждение?

Неожиданно в памяти всплыли слова Фаруха, сказанные ей в их последнюю встречу, а точнее, недосказанные им вследствие его сильного опьянения в тот печальный вечер: «Ты даже не догадываешься, глупая, что я обманул тебя дважды. Ты не знаешь, что...» Тогда, в состоянии жестокого душевного волнения, Эли не обратила на эти слова никакого внимания, а потом они просто забылись. Теперь ей стало интересно: что же хотел сказать ее бывший возлюбленный, каким еще откровением поразить ее и без того израненную душу? Что Алишер в действительности остался жив? Каким образом? Ведь она его смертельно

ранила. Хотя, смертельно ли? Его пульс проверял Фарух — человек, так подло предавший ее любовь, бессмысленно насмеявшийся над ее чувствами. А разве он не мог обмануть ее еще тогда? Тем более что сам признался, что обманул Эли дважды. С первым разом и так понятно, а вот другой его обман раскрылся только сейчас, и то совершенно случайно. У девушки перехватило дыхание, ведь она так страдала, что лишила человека жизни, так казнила себя, а оказалось...

Вечером пришел Султан, непривычно серьезный и задумчивый. Не успев присесть, спросил:

— Скажи, Принцесса, у тебя есть враги в этом городе?

— Не понимаю, о чем ты говоришь? — приподняла Эли свою и без того больную голову с маленькой подушки, набитой твердыми гусиными перьями.

— Послушай меня, Принцесса. Сегодня по торговым рядам главного базара столицы ходила какая-то женщина и показывала торговцам бумажку, на которой было что-то нарисовано. Я заглянул через ее плечо и увидел, что она держит в своих руках твой маленький портрет. Правда, там ты выглядишь чуть помоложе, но я узнал тебя и теперь боюсь, что могут узнать и другие. Честно скажу, не понравилась мне эта женщина, что-то в ней было такое пронырливое, неприятное.

— Как она выглядела? — Эльнара побледнела.

— Ну, такая большая черная баба с тонкими губами и широкими густыми бровями. Знаешь, она была очень толстая, круглая, похожая на... — приятель запнулся, подбирая подходящее сравнение.

— На черный самовар? — подсказала Эли.

— Точно! А ты откуда знаешь? Ах да, Принцесса, ведь ты ее, наверное, раньше видела, раз она тебя ищет.

— Не только видела, но еще и провела с ней под одной крышей добрых три года.

— Да ты что?! Я б, наверное, сбежал от такой гадюки.

— Да я и сбежала, только она и здесь меня нашла, точнее еще ищет.

— А кто это? — полюбопытствовал Султан.

— Мачеха моя по имени Айша-Биби, очень алчная и коварная женщина, ради золота готовая продать душу дьяволу. Она и меня хотела продать, выдав замуж за одного богатого, но глухого старика. Я сбежала от нее в Перистан два года назад. Радовалась, что уж здесь-то, в этом многолюдном и огромном городе, она меня не найдет, да не тут-то было. Как Айша-Биби узнала, что я здесь? Что, в Хоршикском ханстве других городов и сел нет? Да ведь и два года уже прошло с тех пор. Я думала, она успокоилась, махнув на меня рукой.

— Видно, кто-то ей сообщил, Принцесса, — произнес Султан, с сочувствием глядя на Эльнару, еще толком не оправившуюся от сегодняшней встречи с Алишером.

— Что же теперь делать? Мало мне было внезапно воскресшего Алишера, а тут еще и Айша-Биби. Там и дед может появиться на горизонте, и Черной колдунье тоже негоже от него отставать. Да и Фарух вряд ли отказался от своего намерения отрезать мне язык...

— Кого еще я забыла упомянуть? — бормотала девушка, обхватив плечи руками и поникнув головой. Не было ни слез, ни страха, просто огромная усталость.

— О чем ты говоришь, Принцесса? Поделись со мной, я же твой друг, вместе мы что-нибудь придумаем. — Круглое лицо Султана выражало искреннее сочувствие и беспокойство.

Эли коротко рассказала о перипетиях своей молодой, но весьма насыщенной событиями

жизни. Султан слушал и удивлялся. Временами качал головой или хмурил брови. Ему очень хотелось помочь девушке, к которой он успел привязаться всей душой. На всем белом свете не было у Султана ни одного человека, кому он мог бы подарить свое душевное тепло и заботу, а в Эльнаре он видел и друга, и сестренку одновременно.

— Я знаю, что нам делать, Принцесса, — вдруг твердо произнес Султан. — Нам нужно на время выехать из Хоршикского ханства. Пройдут годы, улягутся страсти, позабудется многое, что имеет сейчас большое значение, и мы опять вернемся на родину, ведь у каждого человека она одна. Пока же, Принцесса, тебе очень опасно здесь оставаться, слишком много людей, я смотрю, желают тебе зла. Твоей редкой красоте и уму многие завидуют и не могут оставить тебя в покое. Но они не знают, что у тебя есть я — твой друг, твой брат и защитник. Я спасу тебя, Принцесса!

Султан явно увлекся.

Несмотря на серьезность ситуации, Эли не смогла удержаться от улыбки, но потом вдруг спохватилась:

— А как же твой дом, Султан? Ты не можешь оставить свое жилище на произвол судьбы! Кто будет следить за ним в твоё отсутствие?

— Ах, Принцесса, ты так благородна и великодушна, называя мою маленькую лачугу звучным словом «дом», хотя хижина уже настолько стара, что через пару лет просто развалится под действием времени и непогоды. Так что следить за ней нет смысла. А посему я в твоём полном распоряжении, Принцесса!

— И в каком направлении мы двинемся? — спросила девушка, с благодарностью взглянув на самоотверженного друга.

— Сам пока не знаю, — честно ответил Султан. — Сейчас для нас с тобой важно поскорее покинуть Хоршикское ханство, пока не объявился очередной охотник по твою невинную душу, а там видно будет. Думаю, чем дальше мы отсюда уйдем, тем будет лучше, то есть безопаснее для тебя. Я предлагаю завтра рано утром отправиться в караван-сарай и выехать из города вместе с ближайшим караваном, а уж в дороге разберемся, что к чему. Одно я знаю точно, Принцесса: скучать нам еще долго не придется!

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.